

Санкт-Петербургский государственный университет

ВОЛОЩЕНКО Глеб Эдуардович

Выпускная квалификационная работа

Романное творчество оманского прозаика Али ал-Ма‘мари

Уровень образования: магистратура
Направление 58.04.01 «Востоковедение и африканистика»
Основная образовательная программа ВМ.5866.2020
«Литература народов Азии и Африки
(с изучением языков Азии и Африки)»

Научный руководитель: доцент,
кафедра арабской филологии СПбГУ,
доктор филологических наук, профессор
Суворов Михаил Николаевич

Рецензент: доцент, кафедра русского языка Военного института
(Инженерно-технического) Военной академии
материально-технического обеспечения
им. генерала армии А. В. Хрулева,
кандидат филологических наук
Сивохо Марина Иосифовна

Санкт-Петербург
2022

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Творчество Али ал-Ма‘мари в контексте развития современной оманской прозы.....	7
Глава 2. Роман «Пространства последнего желания».....	20
Глава 3. Роман «Холм размышлений».....	35
Глава 4. Роман «Шепот мостов».....	65
Глава 5. Роман «Орикс».....	96
Заключение.....	131
Список использованной литературы.....	136

Введение

Современные оманские писатели мало известны массовому читателю за пределами арабского мира. Тем не менее, некоторые из них удостоиваются не только похвальных отзывов от арабских литературных критиков, но также литературных наград и премий, причем как национальных арабских, так и международных. В ряду таких выдающихся представителей современной оманской литературы стоит отдельно упомянуть имя новеллиста и романиста Али ал-Ма‘мари (1958 – 2013 гг.). Хотя из всего литературного наследия этого писателя особых похвал и наград удостоились лишь два его последних романа «Шепот мостов» (Хамс ал-джусур, 2007 г.) и «Орикс» (Бин сула‘, 2011 г.), творчество А. ал-Ма‘мари получило признание литераторов и критиков не только в Омане, но и в других арабских странах. Его творчеству посвящаются статьи и отдельные исследования, его роман «Шепот мостов», вошедший в список ста лучших арабских романов, был переведен на английский язык, а его последнее крупное произведение – роман «Орикс» – удостоилось награды «Лучший оманский роман» за 2011 г. Всего среди творческих работ этого автора есть четыре сборника рассказов: «Дни грома... Жизнь в месяц Раджаб» (‘Айам ар-ру‘уд... ‘иш раджабан, 1992 г.), «Сюрприз от дорогих людей» (Муфаджа’ат ал-’ахибба, 1993 г.), «Пестрая осенняя лодка» (Сафинат ал-хариф ал-хилясия, 1995 г.), «Свитки оков иллюзии» (‘Асфар думлудж ал-вахм, 1997 г.), – и четыре романа: «Пространства последнего желания» (Фада’ат ар-рагба ал-’ахира, 1999 г.), «Холм размышлений» (Рабийат ал-хуттар, 2003 г.), «Шепот мостов» (Хамс ал-джусур, 2007 г.) и «Орикс» (Бин сула‘, 2011 г.).

Основными темами творчества Али ал-Ма‘мари являются отстаивание как личной свободы каждого человека, так и национальной и культурной независимости арабов в современном мире, а также критика капитализма и государства как явлений. Еще в своих первых рассказах писатель поднимает тему негативного представления современной европейской культуры об арабах, которых обычно рассматривают как людей второго сорта. Особенно злободневной эта тема представляется писателю в свете ускоряющегося темпа

жизни и набирающего силу процесса глобализации, которые во второй половине XX века вовлекли арабские страны Персидского залива во всемирные общественно-политические процессы. При этом в своих ранних работах, т.е. в своих рассказах и первом романе «Пространства последнего желания», ал-Ма‘мари выражает надежду на то, что арабы смогут влиться в мировое сообщество, не утратив своей самобытности и мирно сосуществуя на равных с другими народами. Однако в последующем эта надежда уступает место разочарованию и критике вмешательства западных стран в дела Ближнего Востока. Главным поводом для такой перемены во взглядах ал-Ма‘мари послужили события 11 сентября 2001 г., реакция писателя на которые занимает центральное место во втором романе писателя «Холм размышлений». Начиная с этого романа, особое место в творчестве ал-Ма‘мари занимает критика западных держав и крупных международных компаний, пытающихся подчинить себе арабские страны. Стоит отметить, что в этих же романах критика гегемонии Запада над Востоком тесно переплетается с критическим взглядом писателя на процесс урбанизации и на явление государственности в принципе. Давление западной цивилизации на Восток перекликается в работах ал-Ма‘мари с темой давления государства и особенно его органов безопасности на отдельную независимую личность, а воспевание свободы и самостоятельности человека созвучно надеждам писателя на сохранение арабами своей идентичности.

Объект настоящего исследования – романное творчество Али ал-Ма‘мари на примере его четырех романов: «Пространства последнего желания», «Холм размышлений», «Шепот мостов» и «Орикс». Предметом изучения являются основные темы и художественная стилистика романного творчества писателя. Методологическую основу исследования составляет анализ художественных произведений с применением описательного, сравнительно-сопоставительного и биографического метода. Целью исследования является рассмотрение того, как основные темы и идеи творчества ал-Ма‘мари отражаются в четырех вышеназванных романах. Кроме

того, в ходе достижения этой цели был поставлен и выполнен ряд задач, а именно: выявление характерных для романов А. ал-Ма‘мари основных образов и типажей, а также обнаружение возможной эволюции этих образов по мере развития творчества самого автора. Помимо этого, в работе были рассмотрены особенности художественной стилистики четырех романов ал-Ма‘мари. Также с целью создания общей характеристики творчества этого писателя в работе дан краткий обзор особенностей его раннего творчества на примере его рассказов.

Актуальность и научная новизна исследования обусловлены тем, что романное творчество Али ал-Ма‘мари, несмотря на его высокое признание оманскими критиками, не изучено ни в отечественном, ни зарубежном востоковедении. Более того, в отечественной и зарубежной науке оманская литература в целом изучена слабо. Стоит отметить, что, пожалуй, единственной крупной работой в этой области является книга польской исследовательницы Барбары Михалак-Пикульски, посвященная оманской поэзии и прозе в период с 1970 по 2000 гг.

Дипломная работа состоит из введения, пяти глав и заключения. Первая глава посвящена общему обзору творчества Али ал-Ма‘мари в контексте развития современной оманской литературы. Четыре последующие главы – последовательно каждому из упомянутых романов с описанием сюжета произведения, обзором основных персонажей, образов и тем, поднятых в произведении; также будут затронуты художественные особенности повествования. В заключении будут подытожены выводы об общих особенностях романного творчества ал-Ма‘мари.

При подготовке дипломной работы были задействованы следующие источники: романы «Пространства последнего желания», «Холм размышлений», «Шепот мостов» и «Орикс». В качестве дополнительной литературы были использованы статьи арабских критиков и литераторов, посвященные творчеству ал-Ма‘мари в целом и его романам в частности. Помимо этого, при написании работы использовалась уже упомянутая книга Б.

Михалак-Пикульской, посвященная оманской поэзии и прозе, для общего ознакомления с оманской современной литературой и сделанной исследовательницей характеристикой раннего творчества Али ал-Ма‘мари, к которому относятся его рассказы. Анализ романов ал-Ма‘мари также проводился с опорой на концепции ориентализма и критику колониализма американского исследователя Эдварда В. Саида, с которым писателя объединяют общие антиимпериалистические настроения, критика западного капитализма и негативного представления об арабах в западной культуре. Также была использована книга египетского литературоведа Рашида ал-‘Инани «Арабские репрезентации Запада», в которой на примере художественных произведений арабских писателей XIX – XX вв. описывается уже арабская точка зрения на западную культуру.

Глава 1

Творчество Али ал-Ма‘мари в контексте развития современной оманской прозы

Приблизительно до середины XIX века арабская литература полностью подчинялась канонам, сложившимся в эпоху классического мусульманского средневековья. Начиная со второй половины XIX в. можно говорить о возникновении современной арабской литературы, толчком к которому послужило так называемое литературное обновление, начавшееся в Египте, Ливане и Сирии. Суть этого литературного обновления заключалась в отходе от средневековых канонов и заимствовании идейно-художественного опыта литератур Запада. Намного позднее, начиная с 1930-х гг., в процесс литературного обновления вовлекаются и страны Аравийского полуострова. Последними арабскими странами, приобщившимися к литературному обновлению, были Оман, Объединенные Арабские Эмираты и Катар: их присоединение к этому процессу произошло в конце 1960-х – начале 1970-х гг. [7, с. 68]

За довольно короткий срок литературы арабских стран прошли примерно те же стадии развития, которые свойственны западной литературе: начиная с неоклассицизма и романтизма и заканчивая модернизмом и постмодернизмом.

В целом можно отметить, что современная арабская литература на Аравийском полуострове имела два пути развития. Первый, характерный для Иордании, Саудовской Аравии, Йемена, Кувейта и Бахрейна, заключалась в том, что литературное обновление в этих странах во многом было связано с идеей национального арабского возрождения, распространившейся в период между двумя мировыми войнами, в условиях культурной и социально-экономической отсталости. Как следствие, основным идейно-художественным направлением в появившихся аравийских литературах стало просветительство, задачей которого было воспитание масс и пропаганда нравственных ценностей [6, с. 61]. При этом аравийские литераторы-обновители, принимавшие активное

участие не только в становлении современной художественной литературы, но и в создании национальной прессы и публицистики, основывались на просветительском наследии Египта, Ливана и Сирии рубежа XIX – XX вв., в меньшей степени интересуясь литературными достижениями своих зарубежных современников.

Иначе развивалось литературное обновление в тех странах, которые позже всех присоединились к этому процессу: в Омане, Объединенных Арабских Эмиратах и Катаре. Можно сказать, что литературное обновление в этих странах явилось следствием растущего благосостояния, порожденного нефтяным бумом 1970-х гг. [6, с. 62] Просветительская роль художественной литературы при этом оказалась довольно ограниченной. Стоит отметить, что, поскольку литераторы этих стран ориентировались в равной мере на творчество как своих предшественников, так и современников, то новая художественная литература в этих странах развивалась усиленными темпами и в предельно короткие сроки совершила настоящий эволюционный скачок, чему наглядный пример литература Омана.

Мощным импульсом к развитию современной литературы Омана послужил приход к власти в 1970 г. султана Кабуса ибн Са'ида, при котором началось интенсивное экономическое и культурное развитие страны. В Омане начала формироваться современная система образования, создавались научно-образовательные центры и библиотеки, а молодые оманцы стали массово отправляться на учебу за рубеж. Развивающаяся национальная печатная пресса (с 1970-х гг.) [15, с. 16] начала размещать на своих страницах произведения оманских поэтов и прозаиков, формируя тем самым у читателей вкус к современной литературе. Особенно важное место в этом плане занимает литературный журнал «Низва» (с 1994 г.), главным редактором которого является известный оманский поэт и публицист Сейф ар-Рахби. Как отмечает алжирская исследовательница Шадиа Шакруш [22], за сравнительно короткий промежуток времени оманская литература, изначально отстававшая в своем

развитии от литератур других арабских стран, заняла особое место в ряду мировых литератур.

В начале становления современной оманской литературы оманские писатели по большей части тяготели к малой прозе: рассказам, эссе. Родоначальником современной прозы Омана можно назвать Абдаллаха ибн Мухаммада ат-Та'и (1927–1973 гг.) – поэта, новеллиста, романиста, публициста и общественного деятеля, снискавшего известность в интеллектуальных кругах не только в Омане, но и в других странах Персидского залива. Его перу принадлежит ряд газетно-журнальных статей, три сборника поэзии, семь рассказов, две пьесы, а также две повести – первые в оманской литературе произведения «большой» прозы: «Ангелы ал-Джебель ал-Ахдар» (Мала'икат ал-джабал ал-'ахдар) (1963 г.) и «Большой парус» (Аш-Шира' ал-кабир) (1971 г.). Произведениям ат-Та'и свойственен назидательно-просветительский тон, в духе ливанских просветителей конца XIX века, а также призывы к национальному единству, обусловленные задачами по укреплению оманской государственности на рубеже 1960–1970-х гг.

В 1970–80-е гг. оманские литераторы начинают отходить от просветительских установок, создавая реалистические сюжеты, отражающие социальные и культурные изменения того времени. В это время начинают свой творческий путь новеллисты Ахмад Биляль, Махмуд ал-Хусейби, Али Абдаллах ал-Кальбани, а также романисты Сейф ибн ас-Са'ид ас-Са'ди и Са'уд ал-Музаффар. Примечательно, что в литературе того времени значительное внимание уделяется идее сохранения традиционных моральных ценностей в условиях нового жизненного уклада. Эта идея, распространившаяся и в других странах Персидского залива [6, с. 62], во многом стала реакцией на возвращение на родину молодых оманцев – выпускников европейских и американских вузов, – вместе с которыми в Аравию стала проникать западная культура, в которой некоторые оманские литераторы видели причину порчи нравов. Так, Са'уд ал-Музаффар, являвшийся одним из тех оманских писателей, которые критиковали западные ценности, в своих романах «Песок и лёд»

(Римал ва-джалид) (1988 г.) и «Мужчина и женщина» (Раджул ва-мра'а) (1990 г.) осуждает любовные отношения оманцев с европейками [15, с. 180 – 184].

На рубеже 1980–90-х гг. реализм, еще не до конца созревший в оманской литературе, дополняется модернизмом, к эстетике которого обращаются такие писатели, как Мухаммад ал-Курмуты, Йунис ал-'Ахзами, Али ал-Ма'мари и Йахйя ал-Мунзари. Для их творчества характерны экзистенциальные темы, интерес к вопросам человеческой жизни и ее смысла, особенно в условиях резкого ускорения мирового информационного обмена и глобализации. Эти писатели отходят от традиционного понятия сюжета и зачастую отвергают хронологический порядок повествования, используя новые методы художественной выразительности, такие как поток сознания и внутренний монолог. Для оманских авторов этого периода также характерно стремление к созданию новой литературной реальности, в которой автор был бы способен выйти за рамки логического мышления и при написании своих произведений мог бы полагаться на свою интуицию, а также спонтанно возникающие в его воображении мысли и образы [15, с. 219]. Среди оманских писателей этого поколения следует особо выделить Али ал-Ма'мари, в чьем творчестве, снискавшем высокие оценки и даже восхищение арабских критиков, прослеживаются явные постмодернистские черты.

Али ибн Хиляль ал-Ма'мари родился 25 декабря 1958 года в Омане. Высшее образование в области истории будущий писатель получил в Александрии в конце 1970-х гг., что впоследствии, наряду со многими другими событиями его жизни, нашло отражение в романе «Холм размышлений». Интерес к истории сохранился у писателя на всю жизнь, что особенно заметно в его романах, таких как «Холм размышлений», «Шепот мостов» и «Орикс». Затем ал-Ма'мари вернулся в Оман, где недолгое время работал в министерстве информации, после чего отправился в США, где продолжил получать образование. Вернувшись на родину в Оман, он устроился работать в Университет султана Кабуса. Позже Али ал-Ма'мари уехал в Египет, где стал преподавать в Каирском университете. На протяжении всей жизни ал-Ма'мари

постоянно переезжал с одного места на другое, нигде подолгу не задерживаясь: он живет то в Каире, то в Александрии, то в Рабате, то в Турции.

Литературный дебют писателя состоялся в начале 1990-х гг., когда он опубликовал свой первый сборник коротких рассказов «Дни грома... Жизнь в месяц Раджаб» ('Айам ар-ру'уд... 'иш раджабан), который был издан в 1992 г. в Маскате. В целом, можно отметить, что творческая жизнь писателя началась весьма активно и плодотворно. Так, уже в следующем 1993 г. в Рабате был издан его второй сборник рассказов «Сюрприз от дорогих людей» (Муфаджа'ат ал-'ахибба). Затем, в течение четырех последующих лет писатель издал еще два сборника рассказов: «Пестрая осенняя лодка» (Сафинат ал-хариф ал-хиясийа), изданный в Бейруте в 1995 г., и «Свитки оков иллюзии» ('Асфар думлудж ал-вахм), который был издан в 1997 г. в Касабланке.

Конец 1990-х и начало 2000-х гг. были ознаменованы значительным ростом доли жанра романа в публикуемой оманской прозе. В это время многие литераторы, начинавшие свой творческий путь как новеллисты, обращаются к этому литературному жанру и публикуют романы, затрагивающие разнообразные темы и следующие разным идейно-художественным направлениям. Среди тех оманских писателей, которые начали работать в жанре большой прозы, оказался и Али ал-Ма'мари. В 1999 г. в Каире он опубликовал свой первый роман «Пространства последнего желания» (Фада'ат ар-рагба ал-'ахира). Друг ал-Ма'мари, бахрейнский поэт Абд ал-Хамид ал-Ка'ид, писал, что этот роман был вдохновлен необычным опытом, который писатель приобрел во время своего шестимесячного пребывания на тайском острове Ко Самуи [32]. Роман, в котором авторский вымысел переплетается с реальными фактами из жизни ал-Ма'мари, повествует об оманце, оказавшемся на тайском острове Ко Самуи и проводящем дни напролет в беседах с гостями этого острова, прибывших, в основном, из Европы. Герой романа, соприкоснувшись с новыми людьми и незнакомыми ему условиями жизни, пытается осознать свое место в новом мире. Вместе с этим его восхищает западная культура, европейская мысль, а кроме того и моральная свобода его

новых знакомых. Как отметил египетский писатель Хатим Абд ал-Хади ас-Сейид, своим первым произведением в жанре большой прозы ал-Ма‘мари смог достойно заявить о себе как о талантливом романисте [25].

Второй роман «Холм размышлений» (Рабийат ал-хуттар) был опубликован в 2003 г., став своеобразной реакцией писателя на события 11 сентября 2001 г. Этот роман, также соединяющий в себе элементы автобиографии и художественного вымысла, является продолжением «Пространств последнего желания» и повествует о дальнейших скитаниях главного героя, от имени которого ведется повествование, по свету в поисках места, где абсолютно разные люди могли бы мирно и свободно сосуществовать, не теряя при этом своей культурной самобытности. Если в первом романе ал-Ма‘мари еще звучала надежда, что подобное воссоединение людей разных культур, наций и религий вполне возможно, то в «Холме размышлений» эта надежда утрачена, и весь роман пропитан горьким сожалением о невозможности осуществления этой почти утопической мечты.

В 2007 г. ал-Ма‘мари публикует свой третий роман «Шепот мостов» (Хамс ал-джусур), в котором писатель вновь затрагивает тему национальной идентичности арабов. Главная героиня романа – кубинка Амина, которая принимает участие в восстании в оманской провинции Дофар в 1962 – 1976 гг. На войне женщина, решившая посвятить свою жизнь борьбе за независимость Омана, теряет своего маленького сына, который в итоге вырастает в другой семье, совершенно утрачивая связь со своими семейными корнями и прошлым. Этот роман получил огромное признание в Омане и был включен Союзом арабских писателей в список ста лучших арабских романов [29].

Еще через четыре года, в 2011 году, публикуется последнее произведение писателя – роман «Орикс» (Бин сула‘), в котором повествуется о жизни молодого оманца Сридана ал-Харсуси по прозвищу Орикс во время его учебы в Школе восточных и африканских исследований Лондонского университета в конце 1970-х годов. Последний роман ал-Ма‘мари был удостоен награды «Лучший оманский роман» за 2011 год.

Али ал-Ма‘мари умер 14 января 2013 г. в султанской больнице в Маскате после продолжительной болезни. Смерть писателя была с горечью воспринята многими оманскими деятелями культуры [21]. Однако, творчество ал-Ма‘мари и по сей день представляет особый интерес для арабских и, в особенности, оманских исследователей и критиков, которые посвящают свои работы произведениям этого писателя. Так, например, творчеству ал-Ма‘мари посвящены коллективные монографии «Повествовательный мир Али ал-Ма‘мари» и «Республика Орикса», вышедшие в 2014 г. и 2020 г. соответственно. Кроме того, фрагменты из романа «Холм размышлений» включены в марокканскую «Антологию миграции в арабском романе», вышедшей в 2012 году и посвященной теме миграции арабов на Запад [39]. В свою очередь, отрывки из романа «Орикс» изучаются на курсах арабского языка в американских учебных заведениях [12]. Эти факты определенно могут свидетельствовать об актуальности творчества ал-Ма‘мари и определенном интересе, который оно представляет для арабской публики.

Ряд арабских литературных критиков высоко оценивают творчество Али ал-Ма‘мари. Особые похвалы выпали на долю его последних романов «Шепот мостов» и «Орикс», которые считаются вершиной творчества писателя [27] [32] [41]. Многие из тех, кто оставил воспоминания и отзывы, как о самом ал-Ма‘мари, так и о его творчестве, отмечают его яркую, обаятельную личность, наложившую особый узнаваемый отпечаток на его произведения. Так, уже упомянутый бахрейнский поэт Абд ал-Хамид ал-Ка‘ид, оставивший теплые воспоминания о своей дружбе с оманским писателем, отмечая его доброту и эксцентричность, заметил, что ал-Ма‘мари в своих рассказах и романах создавал безумные, странные миры, которые охватывают читателя, соприкоснувшегося с его произведениями [32]. Оманский поэт Талиб ал-Ма‘мари, брат Али ал-Ма‘мари, также отмечавший в своих воспоминаниях эксцентричность этого писателя, его любовь к путешествиям и стремление познавать новое, указывал на то, что для Али ал-Ма‘мари жизнь и творчество неразрывно связаны: «для него жить – значит писать, а писать – значит жить»

[21]. Талиб ал-Ма‘мари также утверждает, что его брат отличался независимым нравом, всегда бунтовал против традиций и боролся против любых ограничений как в жизни, так и в творчестве [31]. Другой оманский поэт, Насир ал-Мунадджи, писал, что А. ал-Ма‘мари являет собой уникальное явление в культурной жизни Омана: он умел одинаково сочетать в себе как безумие и хаотичность художественного стиля, так и гениальность творчества [21]. Как заявлял ал-Мунадджи, ал-Ма‘мари было чуждо спокойствие, что выражалось или в его постоянных путешествиях, или в совершенствовании своего таланта [21].

В свою очередь, оманский писатель и журналист Мухаммад ал-Йахья’и обращает внимание на то, что в своем творчестве ал-Ма‘мари не был скован какими-либо правилами и догмами и постоянно нарушал устоявшиеся обывательские представления о литературе [10, с. 38]. Однако оборотной стороной этого стремления к творческой свободе становится, по словам ал-Йахья’и, разрушение текста как такового. Это, по мнению журналиста, может отталкивать читателей от работ ал-Ма‘мари, т.к. публика в большинстве своем не привыкла к запутанным произведениям без четко выраженного авторского взгляда на описываемые события. Ал-Йахья’и резюмирует, что неподготовленному читателю сложно понять рассказы ал-Ма‘мари [10, с. 38].

Стоит также отметить, что уникальность творчества ал-Ма‘мари привлекла к нему внимание также и за пределами арабского мира, причем практически в самом начале его писательского пути. Так, польская исследовательница Барбара Михалак-Пикульска в своей монографии о развитии оманской поэзии и прозы в 1970–2000-х гг. посвящает отдельный параграф раннему этапу творчества ал-Ма‘мари, к которому относятся его рассказы. Стоит отдельно рассмотреть характерные черты новеллистики ал-Ма‘мари, т.к. влияние его ранних работ будет в значительной мере сказываться на его первых двух романах.

В своем исследовании Б. Михалак-Пикульска, сравнивая рассказы писателя с произведениями других оманских авторов, чье становление также

происходило на рубеже 1980–90-х гг. (например, М. ал-Курмуты, Й. ал-’Ахзами), отмечает, что для творчества оманских писателей этого поколения характерно использование приема потока сознания, а также подсознательных ассоциаций при написании текста [15, с. 219]. Зачастую текст в рассказах ал-Ма’мари представляет собой внутренний монолог, поток мыслей автора. В некоторых произведениях писатель выражает свои мысли и чувства не только устами лирического героя-рассказчика, но и от имени различных предметов и природных явлений, оформляя, таким образом, внутренний монолог как диалог со своим альтер-эго, спроецированным во внешний мир, в окружающие рассказчика предметы. Так, в рассказе «Игры воды... лабиринты песка» (Лю’абат ал-ма’... матахат ар-рамл) из сборника «Дни грома в месяце раджаб» рассказчик ведет беседу с неким Мубараком аз-Зафной, который на поверку оказывается не чем иным, как морем. Похожий прием можно обнаружить также и в рассказе «Душа» (Ар-рух) из сборника «Сюрприз от дорогих людей» и в романе «Холм размышлений». В первом произведении автор ведет пространственный диалог об окружающем мире и жизни с собственной душой, а во втором – беседует с персонажем собственного еще ненаписанного романа. Кроме того, в рассказе «Об одной пальме» (’Ан тилька ан-нахла) из сборника «Пестрая осенняя лодка» повествователь и вовсе передает историю, которую ему поведала говорящая пальма. Подобный художественный прием помогает герою и самому автору увидеть самого себя и свои проблемы с другой точки зрения, занимая позицию стороннего по отношению к нему самому наблюдателя и расширяя свой кругозор.

Кроме того, по замечанию Михалак-Пикульски, рассказы ал-Ма’мари отличаются своеобразным построением, а именно обилием в них многоточий, вследствие чего возникает не только ощущение оторванности предложений друг от друга, незаконченности мысли и распада целого текста на мало связанные между собой фрагменты, но и возможность для множественных интерпретаций написанного [15, с. 250]. Если помнить, что ал-Ма’мари в своих первых работах, по сути, фиксировал поток сознания, то подобный прием

является вполне естественным. Ведь зачастую процесс человеческого мышления представляется обрывочным, фрагментированным, человек перескакивает с одной мысли на другую, не докончив предыдущей, отвлекается даже по мельчайшему поводу. В качестве примера, Михалак-Пикульска приводит рассказ «По обе стороны стекла» (Харидж зуджадж... дахил зуджадж). В этом рассказе, представляющем собой хаотичные рассуждения рассказчика на самые разные темы, автор использует длинные, сложные, мало связанные между собой предложения, что в итоге делает текст малопонятным для читателя. Мысли героя сменяют одна другую, он обсуждает то людей вокруг него, то свою жизнь, то заговаривает на абстрактные темы, вроде сущности человеческой души. Как отмечает Михалак-Пикульска, этим приемом писатель создает ощущение, что его герой сам не понимает, о чем он говорит, что только путает и раздражает читателя, пытающегося уловить хоть какой-то смысл за этим потоком сознания [15, сс. 252-253]. Таким образом, как отмечает польская исследовательница, работы ал-Ма‘мари, «свободные от пут привычной логики в рамках причинно-следственной связи, становятся набором случайных сцен, игрой ассоциаций, явившихся из той области, где сон переплетается с реальностью» [15, с. 219]. Читателю же для того, чтобы понять подобные произведения, понять вложенный в них авторский замысел, также не нужно прибегать к помощи логики и анализа текста, т.к. самый текст этот создан таким образом, что он не может быть интерпретирован одним единственным способом. По мнению Михалак-Пикульски, ключ к прочтению такого текста сокрыт в интуиции самого читателя, который на подсознательном уровне может уловить настроение и мысли автора «благодаря духовной восприимчивости» [15, с. 220].

Исходя из сделанных исследовательницей наблюдений, согласно которым для ранних работ ал-Ма‘мари характерны свободное, даже хаотичное построение текста, невозможность однозначно выявить авторскую мысль и, как следствие, множественность интерпретаций этого текста, можно сделать предположение, что творчество писателя имеет вполне постмодернистские

черты. Одной из самых ярких черт этого идейного и художественного направления (во всяком случае, в рамках литературы) является попытка оспорить существование некоего изначального смысла, вложенного в художественное произведение. Таким образом, если смысл не вложен в произведение самим писателем (или, по крайней мере, этот смысл не очевиден), то читатель сам волен интерпретировать произведение так, как ему представляется наиболее очевидным и логичным. Получается, что читатель наравне с писателем является создателем произведения, применяя свой личный опыт, свои чувства и познания для понимания произведения. Поскольку же опыт и познания каждого человека индивидуальны, то, следовательно, появляется возможность для различных толкований одного и того же произведения.

Как пример подобной неоднозначности трактовки текста, свойственной работам ал-Ма‘мари, можно привести его рассказ «Преступная иллюзия» (Халят ал-вахм ал-джинаийа), который представляет собой череду хаотичных сцен из жизни некоего человека, о личности которого, несмотря на ряд приведенных автором характеристик, нельзя составить никакого конкретного представления. Единственное, что может уяснить из текста читатель, так это профессию героя и то, что он стал жертвой неких исторических процессов. В целом же, герой безлик, его личность не сформирована и ничего не сообщает читателю, который, для понимания рассказа, должен использовать свое воображение, чувства и жизненный опыт, чтобы составить представление о сути произведения.

Однако, несмотря на то, что для раннего творчества ал-Ма‘мари характерна расплывчатость авторского замысла, из ряда его рассказов можно почерпнуть сведения об основных темах, волновавших писателя. В основном, эти темы связаны с процессом глобализации, которая, как упоминалось, в 1990-е гг. оказала особое влияние на творчество оманских литераторов. Так, при знакомстве с произведениями ал-Ма‘мари становится ясно, что его сильно волновала проблема восприятия арабов западной цивилизацией. В

непосредственной связи с этой проблемой стоит и волновавший автора вопрос о месте арабов в современном мире и пути их дальнейшего развития в условиях глобализации. В ряде своих рассказов, а затем и во всех романах писатель отстаивает право арабов на самобытность и возможность существовать и развиваться наравне с другими народами, не отказываясь от своих традиций и обычаев. При этом ал-Ма‘мари показывает, что обычно арабов, как и другие народы Третьего мира, на Западе воспринимают не иначе как людей второго сорта. Например, в уже упомянутом рассказе «Об одной пальме» главный герой, собственно пальма, пытающаяся попасть в Европу и встречающая на своем пути множество препятствий, является, по мнению Михалак-Пикульски, олицетворением арабов, в которых западное сообщество видит лишь угрозу своему миру и правопорядку [15, сс. 251-252].

Помимо проблемы неприятия арабов западным миром для творчества писателя также характерна критика капиталистической цивилизации. В частности, в своих ранних произведениях автор подвергает критике такие ее проявления, как урбанизацию, а позднее, в своих романах, – сам институт государства. Большой город для ал-Ма‘мари представляется весьма неоднозначным местом. С одной стороны, город очаровывает и притягивает к себе людей, манит их, обещая легкий успех; город пребывает в постоянном движении и не умолкает ни на мгновение. Но это лишь иллюзия успеха и вечного движения, которая обращается в прах для тех, кто не принимает условий, по которым обязаны существовать жители города. В рассказах ал-Ма‘мари город оказывается жутким местом, которое лишь поглощает человеческие и материальные ресурсы, практически ничего не отдавая взамен, превращая человеческую мечту на лучшую жизнь в мираж. Именно так описан город в рассказе «Свитки о моем городе». Впоследствии, критическое отношение ал-Ма‘мари к урбанизации, деморализующей человека, подчиняющей его обществу потребления, будет тесно переплетено с критикой государства. По мнению писателя, ни один современный город не может обойтись без охраняющих его порядок карательных государственных органов,

которые в любом разговоре, в любом неверном движении видят повод для ареста. Именно в таком свете будут представлены в романах «Холм размышлений», «Шепот мостов» и «Орикс» полиция и органы безопасности различных государств, как западных, так и арабских. Ал-Ма‘мари видит лишь одно спасение от давления государства и большого города, этих сомнительных благ цивилизации, на личность: это жизнь среди простых людей на лоне природы. Автор романтизирует сельскую местность и простой быт, он идеализирует жизнь в единении с природой вдали от городов с их тлетворным влиянием, правительств и нефтяных компаний, поработавших народы ради собственной выгоды.

Глава 2

Роман «Пространства последнего желания»

Дебютный роман Али ал-Ма‘мари «Пространства последнего желания» был опубликован в 1999 г. Это произведение не получило широкой известности среди оманских читателей. В других арабских странах этот роман также практически не привлек к себе особого внимания. Об этом можно судить хотя бы по тому, что при жизни самого ал-Ма‘мари в печати появилось лишь два упоминания этого романа. Первой была опубликованная в 2000 г. большая статья египетского писателя Хатима Абд ал-Хади ас-Сейида, который весьма подробно проанализировал идейную и художественную составляющие этого произведения. При этом оценка, данная ас-Сейидом первому роману ал-Ма‘мари, оказалась очень высокой, и критик не скупился на хвалебные отзывы в адрес начинающего оманского романиста. В частности, ас-Сейид пишет, что своим дебютным романом ал-Ма‘мари оставил след в истории арабского романа [25].

Второй раз «Пространства последнего желания» были упомянуты в монографии Б. Михалак-Пикульски в разделе, посвященном А. ал-Ма‘мари. Однако польская исследовательница посвятила этому произведению лишь один абзац, в котором она весьма скупо описала сюжет и главных героев романа. Вполне возможно, что подобная краткость свидетельствует о том, что Михалак-Пикульска посчитала первый роман ал-Ма‘мари вторичным по сравнению с его рассказами. Судя по всему, схожего мнения о «Пространствах последнего желания» придерживается и оманская писательница и литературный критик Муна бинт Хабрас ас-Салимийа. Так, в своей статье «Новые голоса оманского романа» она прямо заявила, что подлинным романистом Али ал-Ма‘мари стал лишь с публикацией в 2007 г. своего третьего романа «Шепот мостов» [41].

С точкой зрения Муны ас-Салимийи отчасти можно согласиться, так как «Пространства последнего желания», в сущности, не имеет как такового сюжета. Первый роман ал-Ма‘мари представляет собой описание

последовательных перемещений рассказчика, от лица которого ведется повествование, из одного бара в другой, где он заводит беседы на самые разнообразные темы с другими посетителями этих заведений. К тому же, как заметил Хатим ас-Сейид, структура текста этого романа распадается так, что каждая глава представляет собой отдельный, вполне самостоятельный эпизод, которые египетский писатель назвал «картинами» [25]. Это, в свою очередь, делает «Пространства последнего желания» больше похожими на очередной сборник рассказов, чем на полноценный роман. При этом повествование в этом романе ведется в манере, которую ас-Сейид охарактеризовал как смесь различных литературных школ и художественных направлений, от символизма, экзистенциализма и магического реализма до модернизма и постмодернизма [25], что, видимо, также не позволило некоторым критикам увидеть в первом романе ал-Ма‘мари целостное произведение.

Как уже было упомянуто ранее, «Пространства последнего желания» явились результатом тех впечатлений, которые писатель получил во время своего продолжительного пребывания на одном из островов Таиланда, Ко Самуи. Таким образом, первый роман ал-Ма‘мари, как и его последующие произведения, является частично автобиографическим и соединяет реальные события из жизни писателя с его творческой фантазией, плодом авторского воображения. При этом, как отмечает Михалак-Пикульска, даже подлинные факты и обыденные случаи автор пытается преподнести как нечто выдуманное, чем вовсе стирает грань между реальностью и вымыслом [15, с. 255].

«Пространства последнего желания» следует рассматривать как первую часть своеобразной философско-автобиографической диалогии, которую завершает следующий роман писателя «Холм размышлений». Эти романы объединены не только общими героями и рядом отсылок, содержащихся в романе «Холм размышлений», к событиям дебютного романа ал-Ма‘мари, но также общей центральной темой этих двух произведений и логикой ее развития. Оба романа повествуют о поисках арабами своего места в этом большом мире, в который арабо-мусульманская цивилизация, под воздействием

ряда исторических событий и процесса глобализации, вынуждена войти. Первый роман, «Пространства последнего желания», в аллегорической манере повествует о попытках арабов наладить контакт с другими народами, описывает их стремление заявить о себе и определить собственную идентичность. В этом произведении ал-Ма‘мари описывает, как арабы пытаются осознать себя и свою национальную принадлежность, чтобы не исчезнуть в плавильном котле глобализации, и вместе с тем найти пути дальнейшего развития. И если в «Пространствах последнего желания» звучит надежда на то, что арабы смогут безболезненно влиться в мировое сообщество, не утратив своего национального самосознания, не забыв о своих корнях и прошлом, то в «Холме размышлений» эта надежда сменяется пессимизмом, граничащим с отчаянием. Теперь автор посвящает десятки страниц печальным рассуждениям о неприкаянности арабов и других народов Третьего мира, которые так и не смогли стать самостоятельными субъектами мирового сообщества. Напротив, они так и остались изгоями, на которых теперь весь Запад смотрит как на дикарей, способных лишь на преступления – будь то хранение наркотиков или даже международный терроризм.

Два первых романа ал-Ма‘мари также объединены общими героями и прямыми упоминаниями событий «Пространств последнего желания» в романе «Холм размышлений». При этом подобные упоминания делаются в манере, характерной для творчества Али ал-Ма‘мари, при которой нельзя понять, в какой момент реальные события из жизни писателя и автобиографические мотивы становятся частью его фантазии и литературного вымысла. В частности, в шестой главе «Холма размышлений» упоминается пребывание рассказчика, альтер-эго писателя, на тайском острове Ко Самуи, которое он впоследствии описал в романе «Пространства последнего желания». Также упоминается, что автор-рассказчик по своем возвращении с Ко Самуи на родине получил наказание за то, что «поведал о своих вздохах о дожде и морских волнах» [2, с. 153]. Под этими «вздохами», видимо, также имеется в виду первый роман писателя. Наконец, в «Холме размышлений»

рассказывается о весьма любопытном знакомстве автора-рассказчика в Каире с неким пожилым писателем, который написал для газеты «ал-Ахрам ал-арабийя» статью о романе «Пространства последнего желания». Однако он уступил эту статью некой «замечательной женщине с приятными манерами, которая очень часто связывалась со мной [т.е. рассказчиком], порой доходя до назойливости» [2, с. 272]. Исходя из того, что единственной женщиной, которая на момент 2003 г. (т.е. года публикации романа «Холм размышлений») собрала хоть какую-то информацию о первом романе ал-Ма‘мари, была Барбара Михалак-Пикульска, то можно предположить, что именно польская исследовательница была изображена во втором романе ал-Ма‘мари.

Как видно из этих примеров, для работ ал-Ма‘мари характерно полное слияние правды и фантазии. Любой факт, любое реальное событие, причем зачастую взятое из собственного жизненного опыта, становится частью его рассказов и романов, обрастая всевозможными причудливыми, даже невероятными деталями и порой принимая форму галлюцинаций. Уже становится неважно, где заканчивается правда и начинается авторский вымысел: в произведениях этого писателя все сплетается в едином корпусе текста. В этом отношении романы «Пространства последнего желания» и «Холм размышлений» представляют собой яркие образцы постмодернистского видения мира, в котором человеческая фантазия, легенды и мифы становятся неотъемлемой частью истории человечества, оказывая при этом огромное влияние на понимание и трактовку реальных событий. Как итог, это влияние доходит до такой степени, что уже сами фантазии и мифы, наряду с самими людьми и их поступками, фактически создают историю.

Точно так же становятся неотделимыми друг от друга сам автор и его альтер-эго – рассказчики, от имени которых ведется повествование в романах ал-Ма‘мари. Во всех романах они носят разные имена, но их личности неизменно являются отражениями личности самого писателя. В «Пространствах последнего желания» такой лирический герой предстает сразу под тремя именами: Али аз-Заман, Али Баба и, собственно, Али ал-Ма‘мари.

Этот персонаж, устами которого говорит сам автор, можно считать не только альтер-эго самого ал-Ма‘мари, но и олицетворением всех арабов. Али аз-Заман, он же Али Баба – это человек без определенных занятий, странствующий по всему миру, нигде надолго не задерживаясь. Он предельно терпим по отношению к представителям других народов и других религий, ведь в людях этот персонаж видит, в первую очередь, именно людей со всеми их личными достоинствами и недостатками, их надеждами и страхами, хорошими и плохими поступками. При этом Али аз-Заман обладает чувством собственного достоинства и дает понять своим собеседникам и друзьям, что у него есть определенные границы, за которые другим людям лучше не проникать. В свою очередь, он в равной мере соблюдает чужие границы. В принципе, стоит отметить, что всех рассказчиков-двойников писателя в романах ал-Ма‘мари можно охарактеризовать именно этой чертой: терпимостью и высоким гуманизмом, который не делает различий между расами, религиями и кастами.

В романе «Холм размышлений» Али аз-Заман появляется вновь, хотя теперь он фигурирует уже под другим именем, и он уже не столь миролюбив как в романе «Пространства последнего желания». Хотя этот персонаж все также толерантен по отношению к самым разным людям, как бы сильно они ни отличались от него, он дает понять, что после его визита на остров Ко Самуи мир сильно изменился и не в лучшую сторону. В свою очередь эти перемены сделали героя непримиримым противником любой системы, опирающейся на власть и принуждение. По этой причине рассказчики-двойники ал-Ма‘мари, начиная со второго романа писателя, уделяют особое внимание критике капитализма, государства и его институтов.

Другой персонаж, объединяющий «Пространства последнего делания» и «Холм размышлений», – это ал-Джалила бинт Мурра, близкий друг рассказчика в этих романах. Она по своему происхождению арабка, но проживает в Америке, откуда и прибывает на Ко Самуи. Как и рассказчик, ал-Джалила демонстрирует поразительную широту взглядов и полное отсутствие предубежденности в отношении людей, отличающихся от нее по своему

происхождению, религии и культуре. Зачастую она является даже большим гражданином мира, чем сам главный герой, что символически изображено в одной из сцен романа, когда рассказчику попеременно кажется, что его подруга становится «то француженкой, то еврейкой, то афро-европейкой» [25].

Между ал-Джалилой и Али аз-Заманом устанавливается тесная эмоциональная связь, доходящая со стороны героя до восхищения и романтического влечения. Однако, как отмечает ас-Сейид [25], ал-Джалила для главного героя – чистое воплощение арабского мира, и Али любит ее именно за то, что она не дает ему забыть о своем происхождении и исторических корнях. Недаром, как указывает Михалак-Пикульска, этой героине дано имя арабской поэтессы доисламской эпохи [15, с. 255]. Можно считать, что через связь с ал-Джалилой подчеркивается способность рассказчика к самоидентификации и осознанию своего места в мультикультурном мире глобализации.

При этом стоит отметить, что реальная ал-Джалила бинт Мурра была женщиной нелегкой судьбы, что, вероятно, нашло определенное отражение в образе героини романов ал-Ма‘мари. Историческая ал-Джалила была вынуждена покинуть семью своего мужа в результате межплеменной войны, вспыхнувшей после того, как ее брат, Джассас ибн Мурра, легендарный воин из арабского племени бакритов, убил мужа ал-Джалилы. Возможно, образ неприкаянной арабки, которая везде стала чужой, нашел свое воплощение и в романной героине. Ал-Джалила из первых романов ал-Ма‘мари так же скитается между арабскими странами и Америкой, нигде не находя окончательный приют. Так и в конце «Пространств последнего желания» она покидает главного героя, вновь уезжая в Америку. Этот персонаж вновь появляется в романе «Холм размышлений», чтобы на этот раз увести рассказчика с собой в Америку, страну возможностей. Однако теперь она предстает под новым именем – ар-Расула ал-Джалила, что буквально переводится с арабского как «великая посланница». Это новое имя героини символизирует ее важность и судьбоносность в жизни главного героя.

Роман «Пространства последнего желания» состоит из пятнадцати глав. Повествование начинается с того, что главный герой Али аз-Заман, он же Али Баба, он Али ал-Ма'мари, от имени которого ведется повествование, покидает родной Оман и отправляется на остров Ко Самуи. Там он поселяется в пляжном домике под номером 16, вокруг которого и разворачиваются основные события романа.

Большую часть произведения главный герой гуляет по острову, проводя время в местных барах и кафе, которые носят символические названия, вроде кафе «Жизнь» или бар «Философия». Здесь он знакомится с самыми разными людьми, прибывшими на этот тайский остров со всех концов света. Среди посетителей этих баров и кафе есть представители разных национальностей и разных вероисповеданий: христиане, мусульмане, иудеи, буддисты и атеисты. Со всеми этими второстепенными персонажами главный герой заводит дружеские отношения, особенно сближаясь с новозеландским поэтом Гартом и неким голландским философом. Окружающие Али аз-Замана люди также открыты ему и с радостью впускают его в свой круг. Вместе они выпивают, курят и ведут беседы на самые разные темы, большинство из которых касаются международной политики и экономики. Сначала персонажи рассуждают о глобальных вопросах: о капитализме и социализме, о природе власти и правах человека. Затем главный герой постепенно переводит их внимание к локальным проблемам, вроде проблемам добычи нефти и распределения финансов и продовольствия, о войнах и борьбе за передел государственных границ, о политических партиях и религиозных течениях. В конце концов, Али вовсе заводит разговор о борьбе личности против самой себя.

Описывая знакомство главного героя с представителями другой цивилизации и соприкосновение Али аз-Замана с незнакомым для него миром, автор погружает читателей в разум этого персонажа. Здесь можно увидеть, как Али создает в своем воображении некое фантастическое королевство Урса, которое является отражением реального мира. В этом воображаемом королевстве собраны воедино все страны, культуры и народы мира так, что

главному герою вовсе нет нужды отправляться куда-то за море или на другой континент. Али может просто путешествовать в своем сознании по всем странам, знакомиться с их историей и культурой, не покидая пределов очередного бара. Дело в том, что Али как бы посещает каждую страну мира в своем воображении благодаря общению с представителем этой страны. Второстепенные персонажи романа для главного героя – своего рода послы своих народов, репрезентирующие самые характерные черты своих культур.

На Ко Самуи Али аз-Заман также встречает свою подругу ал-Джалилу бинт Мурра. Эта героиня, хотя и арабка по происхождению, подобрала в свою личность черты самых разных национальностей и культур таким образом, что иногда, как уже было упомянуто ранее, она может как бы стать человеком из совершенно другого народа. Также в романе описано, как однажды она встречает своего бывшего любовника и уезжает с ним в Америку. Тем не менее, впоследствии выясняется, что это был лишь сон главного героя.

Али аз-Заман, наблюдая новую для него жизнь, сравнивает ее с тем, что он видел в Омане. Его новые друзья, красивые женщины, непринужденная обстановка и культурные беседы – все это отличается от его однообразной жизни в Омане. Однако в финале произведения Али устает от этой вовлеченности в водоворот жизни, в который он попал, и с радостью возвращается в «теплые, ласковые объятия родины» [25].

Сразу после своей публикации роман «Пространства последнего желания» привлек внимание, пожалуй, лишь одного критика, который дал высокую оценку этому произведению. Египетский писатель Хатим Абд ал-Хади ас-Сейид увидел в дебютном романе ал-Ма‘мари большой потенциал. По мнению ас-Сейида, «Пространства последнего желания» оказались знаковым произведением, особенно учитывая тот факт, что этот роман вышел на стыке двух столетий [25]. Как говорит ас-Сейид, это произведение относится к новому типу романа, который, идя в ногу с новым веком и грядущими столетиями, нарушает все табу, которые сковывали литературу прошлого [25]. Разумеется, такие романы покажутся непривычными среднему арабскому

читателю, ведь эта литература затрагивает непривычные темы, которые обычно замалчиваются, и делает это необычным языком, к которому читатель также еще не привык. Более того, утверждает ас-Сейид, такие произведения способны сказать новое слово в мировой литературе и мысли на новом универсальном языке, что позволит литературе развиваться наравне с наукой и техникой, влияние которых на человеческую жизнь становится решающим [25].

Далее ас-Сейид утверждает, что тот новый язык и те новые мысли, которые создают и развивают романы наподобие «Пространств последнего желания», являются результатом объединения коллективного опыта человечества и в то же время способствуют его дальнейшему сплочению [25]. Границы стираются, культуры, религии и национальности перемешиваются, когда-то замкнутые сообщества вливаются в общий курс развития человечества. Следовательно, язык, на котором написан этот новый тип романа, не может обращаться к разуму и чувствам представителей какого-то отдельно взятого сообщества, проживающего в конкретном месте и в конкретное время. Как говорит ас-Сейид, универсальный язык, на котором написаны такие произведения новой эпохи, должен воздействовать на читателя на «подсознательном уровне <...>, где не имеют значения ни время, ни место, ни личности, ни события» [25]. Нарочитое отсутствие привязки к традиционным элементам литературного произведения, таким как персонажи, их действия, определенные место и время, действительно является характерной чертой раннего творчества ал-Ма‘мари. В целом, можно отметить, что оценка художественной составляющей работ ал-Ма‘мари, данная ас-Сейидом, совпадает с точкой зрения Б. Михалак-Пикульски, которая также обратила внимание на то, что произведения оманского писателя стоит читать и воспринимать интуитивно, а не рационально.

Тем не менее, несмотря на подобную размытость смыслов в дебютном романе ал-Ма‘мари, ас-Сейид указывает на вполне конкретные темы и проблемы, которые автор затронул в этом произведении, пусть даже они представлены иносказательно. В частности, сам сюжет романа, повествующий

об арабе, который покинул свою родину и попал в интернациональное, мультикультурное общество, египетский писатель рассматривает как аллгорию вхождения арабо-мусульманской цивилизации в мировое сообщество. Арабы, которые на несколько столетий как бы выпали из общего курса развития человечества, в XX в. оказались резко вовлечены в общемировой исторический процесс, который благодаря достижениям науки и техники стал поистине глобальным. Разумеется, это, в свою очередь, вызывало определенную ломку сознания и растерянность перед теми перспективами, которые предлагала арабам глобализация. И дебютный роман ал-Ма‘мари, как и многие произведения его соотечественников-писателей, творивших в 1990-е гг., отразил эти переживания.

В своей статье, посвященной «Пространствам последнего желания», ас-Сейид, как и Михалак-Пикульска [15, с. 255], замечает, что в этом произведении отчетливо звучит вопрос автора о его месте в этом мире. Эта тема и в дальнейшем будет волновать ал-Ма‘мари, находя отражение в последующих романах писателя. Однако в «Пространствах последнего желания» автор еще далек от тех мрачных выводов, к которым его подтолкнул наблюдения за трагическими событиями начала XXI в., когда для ал-Ма‘мари была похоронена надежда на гармоничное сосуществование арабо-мусульманского и западного миров. В своем дебютном романе ал-Ма‘мари еще высказывает надежду на то, что арабы смогут быть приняты в мировое сообщество. Эта надежда аллегорически выражается в том, как главный герой, Али аз-Заман, легко сходится с другими людьми, в большинстве своем европейцами, и свободно ведет с ними разговоры на самые разные темы. Араб, говорящий с европейцами о насущных проблемах современности, таких как ядерная угроза, противостояние капитализма и социализма, права человека и нефтяные кризисы, – очевидный символ всемирного диалога, в который арабские страны вступили в XX в. уже в качестве независимых субъектов.

Однако для того, чтобы участвовать в разговоре, нужно иметь свой голос, сформировать свое представление о проблемах и темах, затрагиваемых в

разговоре. По сути, арабы, в силу своей многовековой отчужденности от мирового исторического процесса, не имели возможности ни сформировать свое представление о тех изменениях, которые произошли в мире, ни высказаться по тем самым насущным вопросам, которые обсуждает в романе главный герой. По этой причине, образно выражаясь, вместо арабов, как и других народов Третьего мира, говорили представители западной цивилизации, которые не только формировали сами темы для обсуждения, но и образ своих восточных партнеров через призму собственного, западного, видения мира и истории.

Здесь стоит указать на определенные совпадения взглядов ал-Ма‘мари на роль арабо-мусульманской цивилизации в современном глобальном межкультурном диалоге, как они представлены в его романах, с концепцией ориентализма в том виде, как ее сформулировал известный американский исследователь арабского происхождения Эдвард В. Саид. В своем подходе к вопросу взаимоотношений Запада и Востока, изложенном в известной работе «Ориентализм», Саид отталкивается именно от той мысли, что на протяжении долгого времени многие народы Азии и Африки, в том числе и арабы, являлись лишь объектами влияния западных держав. По мнению исследователя, неспособность, в частности, арабов представить свое видение происходящих в мире событий мировой общественности дала возможность западному империализму и капитализму навязывать свою точку зрения менее развитым народам. Одновременно с этим Запад формировал определенный образ этих народов, выставляя их в невыгодном свете, ведь эти народы, не принадлежавшие к «цивилизованному» обществу, были совсем не похожи на представителей европейской цивилизации. Таким образом, европейская цивилизация, озвучивая свое представление о Востоке, говорила от его имени, лишая при этом восточные народы возможности самостоятельно рассказать о себе и собственном видении мира. Именно по этой причине Саид обрушивается с яростной критикой на западный империализм. В этом же русле развивается мысль ал-Ма‘мари, который в своих романах, последовавших за

«Пространствами последнего желания», посвящает целые страницы критике западных держав, рисуя образ арабов и других восточных и африканских народов как потенциальных преступников и маргиналов просто из-за нежелания услышать и понять то, о чем говорят эти народы.

Эдвард Саид утверждает, что европейская цивилизация, желая сначала познать неизвестные для нее восточные народы, а затем и покорить их, основывала свое представление о Востоке на его определении как антипода Запада, некоем «Другом», который по определению не похож на все то, что ассоциируется с Западом. Как любой процесс познания отталкивается от собственного предыдущего опыта, так и познания Запада о Востоке основывались на той предпосылке, что Восток, этот «Другой», принципиально отличающийся от западного «Я», может быть изучен только с помощью опыта, накопленного западной цивилизацией, т.е. с применением ее языка, понятий, формул и представлений о мире. Таким образом, Европа, по выражению Саида, «создавала Восток» [17, с. 57], т.е. формировала его образ посредством западных понятий и концепций. Восток, таким образом, фигурально выражаясь, рассказывал о себе на языке европейской культуры. Такое положение дел по определению ставило восточные народы в подчиненное состояние по отношению к Западу, т.к. им приходилось говорить на чужом для них языке, пользоваться чужой для них терминологией и, следовательно, воспринимать бытие через призму чужого мировоззрения.

На тот факт, что одной из центральных тем «Пространств последнего желания» является именно эта дихотомия «Я» и «Другого», которые пытаются наладить между собой контакт и заговорить на языке, доступном для них обоим, указал Хатим ас-Сейид в своей статье, посвященной роману. Однако теперь в качестве «Я», точка зрения которого на мир и вещи представлена в романе, выступает именно араб. Теперь мир получил возможность узнать о мировоззрении этого народа, о его проблемах и его жизни из первых рук. Эдвард Саид, довольно оригинально сравнив способы репрезентации Востока с теоретическим знакомством с поведением львов, заметил, что книги,

посвященные изучению свирепых львов, будут создаваться лишь до тех пор, пока львы сами не возьмут слово [17, сс. 94 – 95]. Применяя эту метафору Саида к дебютному роману ал-Ма‘мари, можно сказать, что теперь лев, т.е. главный герой, араб Али, сам расскажет о себе без какого-либо посредника в лице Запада. Таким образом, появляется новый, арабский дискурс, арабская точка зрения на мир.

Али аз-Заман, а вместе с ним и весь арабо-мусульманский мир, вступили в глобальный межкультурный диалог, посвященный актуальным мировым проблемам. В свою очередь, общение разных цивилизаций требует использовать некий универсальный язык, который был бы доступен всем людям, принимающим участие в этом диалоге. Однако реальные условия, которые создала глобализация, показывают, что таким универсальным языком является отнюдь не язык человеческой интуиции и подсознания, на котором, по наблюдению Хатима ас-Сейида, написан роман «Пространства последнего желания». В действительности герои общаются между собой на английском, т.е. на языке, чуждом для главного героя, который вновь оказывается в зависимом положении, вновь должен подчиняться чужим правилам, чтобы идти в ногу со всем миром, чтобы слышать и быть услышанным. И вот Али аз-Заман вместе с ал-Джалилой пьет виски и поет на чистом английском языке.

Тем не менее, главный герой пребывает в растерянности. Становится очевидным, что оманец еще не готов принять правила глобализации, которая требует от него мыслить современно в мировых масштабах, отказавшись от причастности к своим корням и традициям. Али теряется в новом для него мире, пытается вникнуть в разговоры своих друзей, и лишь благодаря своей, по выражению ас-Сейида, «интуиции бедуина» [25] он еще может ориентироваться в этом потоке информации и идей, к которым он еще не привык.

В итоге Али аз-Заман понимает, что может найти опору в своих национальных корнях, своей культуре и наследии. И вот он в баре принципиально заказывает кофе, а не алкоголь, что, по мнению ас-Сейида,

говорит о том, что герой настаивает на своем арабском происхождении [25]. Теперь Али не поет англоязычные песни, но цитирует арабских поэтов. Вместе с этим, герой не отвергает и не осуждает западный образ жизни. Он не скрывает своего восхищения своими новыми друзьями, их открытостью и энергичностью, но при этом дает понять, что они не должны вмешиваться в его мир, коль скоро он не несет им вреда. Главный герой понимает, что все люди разные по своему происхождению, языку и вероисповеданию, но все эти отличия несущественны, ведь даже в совокупности своей они не исчерпывают понятия о человеке. Эта идея о превосходстве человечности и непреходящей ценности простых человеческих взаимоотношений над любыми различиями впоследствии найдет продолжение в других романах ал-Ма‘мари.

Об иллюзорности и субъективности любых понятий, описывающих людей с точки зрения их национальной, религиозной принадлежности и т.д., говорит хотя бы то, как сам Али аз-Заман создает репрезентации различных сообществ и стран, к которым принадлежат его новые друзья. Второстепенные персонажи романа являются для главного героя эталонными представителями своих сообществ, и, наблюдая за этими персонажами, Али воссоздает образ тех стран, из которых прибыли его друзья. В своем воображении главный герой создает некое королевство Урса, наполненное идеальными, а значит, статичными, далекими от реальной жизни проекциями настоящих стран и народов. По случайным характеристикам отдельно взятого человека Али аз-Заман реконструирует образ его нации, а манеру поведения этого человека герой проецирует на его сообщество. Так, в результате общения со случайными людьми, у Али возникает иллюзия, что он путешествует по всему миру, не покидая пределов бара. По наблюдению Э. Саида, так и создается репрезентация: из множества разрозненных фрагментов возникает лишь видимость цельной картины [17, с. 128]. Так же обстоит ситуация и с образами иностранцев в представлении Али аз-Замана: его познания о представителях западной цивилизации – не более, чем результат его личных переживаний и интуитивных поисков, что подчеркивается тем, что королевство Урса,

состоящее из идеализированных образов различных стран и народов, находится лишь в воображении самого Али. Таким образом, можно прийти к пониманию условности любых обобщений и репрезентаций, к осознанию отсутствия некой изначальной причастности к определенному сообществу, что ал-Ма‘мари и демонстрирует в своих последующих романах.

Глава 3

Роман «Холм размышлений»

Второй роман Али ал-Ма‘мари «Холм размышлений» был опубликован в 2003 г., через четыре года после публикации его дебютного романа. Как и «Пространства последнего желания», этот роман ал-Ма‘мари не привлек особого внимания публики. По крайней мере, на сегодняшний день в свободном доступе есть лишь две статьи, содержащие критические отзывы на это произведение. Первой стала небольшая заметка арабского критика ас-Сейида Рашада, опубликованная в том же 2003 г. В этой заметке Рашад очень кратко описывает «Холм размышлений» как роман, в котором главными героями являются, по сути, время и пространство, который наряду с персонажами романа участвуют в построении всего повествования. Кроме того, Рашад отмечает, что текст этого романа выстроен таким образом, что для того, чтобы уловить его суть, необходимо читать между строк, вновь и вновь открывая этот роман на разных уровнях [9].

Конкретнее о романе «Холм размышлений» высказался оманский журналист Мухаммад ал-Йахья’и. В частности, он отмечает, что этот роман ал-Ма‘мари не представляет из себя единого целого: весь текст произведения распадается на отдельные, слабо связанные друг с другом эпизоды, которые всплывают в памяти главного героя, от имени которого и ведется рассказ [10, с. 39]. Однако, несмотря на всю непоследовательность повествования, на постоянные скачки во времени и пространстве, этот роман, по мнению журналиста, является наиболее легким для чтения и понимания в сравнении с предыдущими произведениями писателя [10, с. 38]. Кроме того, ал-Йахья’и указывает на то, что основные события в жизни главного героя романа «Холм размышлений» во многом пересекаются с жизненным путем самого Али ал-Ма‘мари, что делает это произведение «по большей части автобиографией» [10, с. 39]. Беспокойный характер главного героя и его страсть к познанию

вынуждает его, как и самого ал-Ма‘мари, скитаться по свету, осваивая различный опыт.

Однако, как следует из статьи ал-Йахйа’и, наибольшая ценность этого романа заключается в том, что он запечатлел на своих страницах целую эпоху в истории арабских стран и всего мира, период с 1950-х до начала 2000-х гг. [10, с. 39] Помимо этого, роман можно считать «свидетельством горького разочарования» автора [10, с. 39], которое последовало за трагическими событиями 11 сентября 2001 г. Как справедливо отмечает журналист, в этом романе ал-Ма‘мари от лица рассказчика в этом романе выражает свое глубокое сожаление от того, что «они [автор и его герой] не смогли претворить в жизнь несколько прекрасных идей» [10, с. 39].

Ранее уже упоминалось, что «Холм размышлений» является прямым продолжением романа «Пространства последнего желания»: эти романы объединяют не только общие герои, но и отсылки к событиям дебютного романа ал-Ма‘мари. Во втором романе писателя его альтер-эго, рассказчик, от имени которого ведется повествование, выступает, как и в предыдущем произведении, под тремя именами: Бадр, Абу-л-Курух и Аййуб Абу Сабир. Интересен определенный символизм этих имен. Так, имя Бадр (буквально «полная луна» по-арабски) может быть отсылкой к полному имени автора Али ибн Хиляль («хиляль» по-арабски – «полумесяц»). Имена Абу-л-Курух (т.е. «покрытый язвами») и Аййуб Абу Сабир (т.е. терпеливый Аййуб), скорее всего, являются указанием на образ коранического персонажа Аййуба, который ассоциируется с ветхозаветным праведником Иовом. Более подробно параллели между образами главного героя романа «Холм размышлений» и Аййуба-Иова будут рассмотрены ниже, после краткого пересказа сюжета романа.

Главный герой романа «Холм размышлений» после своего возвращения с острова Ко Самуи и публикации романа об этом путешествии переживает ряд драматических событий, апофеозом которых становится крушение башен Всемирного торгового центра 11 сентября. После этого герой, а вместе с ним и

автор, пребывает в отчаянии, пытаюсь понять, каким образом мир мог так сильно измениться. Себя он описывает следующим образом:

«...они превратили меня в безумного странника, раненого бродягу, скитающегося по жизненному пути в поисках того, что в наше время можно обрести после утраты...» [2, с. 14].

От надежды героя «Пространств последнего желания» на то, что арабо-мусульманская цивилизация сможет войти в полноценный и равноправный глобальный диалог культур, не остается и следа. Вместо этого роман «Холм размышлений» наполнен разочарованием и критикой не только в адрес западных империалистических держав, но и государства и капитализма как явлений.

Важную роль в этом романе также играет девушка по имени ар-Расула ал-Джалила (буквально по-арабски «великая посланница»), которая в предыдущем романе ал-Ма‘мари была выведена просто под именем ал-Джалила. Как и в «Пространствах последнего желания» в этом романе ал-Джалила является символом единения разных народов и культур в общечеловеческом лоне. Эта героиня играет роль посланницы не для одного только главного героя-араба, но и для других народов, неся им представление об общечеловеческих ценностях, которые не ограничиваются идеями о важности и исключительности собственной нации.

Роман «Холм размышлений» состоит из 13 глав. Повествование большей части произведения выстроено в виде флеш-бэка, воспоминаний главного героя о своей жизни. При этом эти воспоминания оформлены как поток сознания – подобный прием был характерен для рассказов ал-Ма‘мари. Также стоит отметить другой прием, характерный для ранних произведений ал-Ма‘мари, а именно выстраивание повествования в виде диалога рассказчика с кем-то, кто в результате оказывается лишь плодом воображения героя. В частности, в этом романе главный герой начинает беседу с незнакомцем, который в конце произведения оказывается персонажем задуманного героем романа. В своих воспоминаниях главный герой постоянно перемещается в пространстве и

времени, он непоследователен в своих мыслях, постоянно уходит от начатой мысли, сбиваясь на отвлеченные рассуждения. Так, уже в первой главе романа он повествует о некоем идеальном месте, Холме размышлений, при этом не разъясняет, существует ли оно в реальности, или же оно также является лишь отражением мыслей и переживаний героя, подобно королевству Урса в «Пространствах последнего желания». Лишь ближе к концу романа герой наконец-то дает понять, что Холм размышлений – реальное место. В своих размышлениях рассказчик постоянно уводит читателей от основной мысли, как будто для него не так уж важно рассказать о Холме размышлений. В результате весь роман распадается на ряд эпизодов, всплывающих в памяти героя, на что уже указывал ал-Йахйя'и. Вместе с этим, обращает на себя внимание точность героя в таких мелочах, как даты тех или иных событий в его жизни, места его пребывания и маршруты передвижений, что, вероятно, должно придавать всему роману оттенок автобиографичности.

Роман начинается с того, что главный герой описывает свое времяпрепровождение в кафе в районе Агдаль в Рабате. Герой целыми днями сидит в этом кафе и смотрит в окно на прохожих. Однажды он замечает странного человека, выглядящего изможденным и усталым. Герой и незнакомец чувствуют друг в друге родственную душу. Наконец, незнакомец подходит к герою и представляется, однако единственное, что он сообщает о себе, это то, что его отец из рода 'Аднана, а его мать – из рода Кахтана¹. В ответ на это главный герой решает посвятить незнакомца в свою историю, которая и составляет большую часть сюжета романа.

Герой представляется как «Раненый <...> по прозванию Абу-л-Курух» [2, с. 15]. Он также сообщает, что он странствует по свету, нигде не находя себе приют, и причиной тому – трагедия 11 сентября. Рассказчик жалуется на тоску и боль, говорит о неразрешенных вопросах и стремится к некоему прекрасному миру, который он называет Холм размышлений, где он и жил до этой трагедии.

¹ 'Аднан и Кахтан – легендарные родоначальники северных и южных арабов соответственно.

Для рассказчика Холм размышлений становится сосредоточием всего самого лучшего:

«Меня захватили несколько прекрасных идей, которые было бы легко осуществить в этом месте. Пусть будут слышны уд рядом с робкой гитарой вместо лесной тиши, пусть бьют <...> в бубен и вздыхает индийская флейта <...>. Мы же будем состязаться друг с другом в том, чтобы исправлять ошибки и изгонять ложь <...>. К нам придет <...> множество гостей со всех концов света, и они встретятся с жителями этого мира, и завяжутся меж них крепкие узы дружбы и сильной привязанности друг к другу. Мы познакомимся с жителями этой коммуны и подружмся с ними. Они будут спорить с нами, а мы – с ними, и сходиться в наших взглядах...» [2, с. 33].

Рассказчик описывает Холм размышлений как место, где обитают терпимость и взаимопонимание, где люди взаимодействуют друг с другом, не обращая внимания на различия между ними. Люди здесь свободно обмениваются взглядами на жизнь, обсуждают разные вопросы, налаживая совместный быт. Однако этого прекрасного мира больше не существует.

Рассказчик начинает свою повесть с самого детства. Он родился в год окончания войны ал-Джебел ал-Ахдар и поражения оманских повстанцев (т.е. приблизительно 1958-1959 гг.)². При рождении ему было дано имя Бадр. С раннего возраста герой проявлял любознательность и недетский ум. Перенесенная героем в детстве кожная болезнь оставила на его теле язвы, что и дало ему прозвище Абу-л-Курух. Бадр описывает, как его привлекала природа родной деревни, как море волновало его воображение. Одним из самых ярких воспоминаний детства стали встречи с цыганами, проезжавшими мимо деревни героя.

Герой вспоминает свою жизнь в Матрахе, который он называет Зухур (букв. араб. «цветы»). Здесь он работал продавцом чая на рынке аз-Залям (букв. араб. «мрак»). Он знакомится с девушкой Хийар, продавщицей духов, в

² Война ал-Джебел ал-Ахдар (1954-1959 гг.) – война на территории Омана, вызванная притязаниями оманского имама Галиба добиться независимости Омана от султаната Маскат. Окончилась поражением повстанцев и подчинения имамата Оман Маскату.

которую влюбляется, и Салимом ибн Хамисом, он же Наджи‘ ал-Йасари (букв. араб. «хороший левый»), членом рабочего профсоюза. С Салимом герой познакомился в тюрьме Матраха, куда оба попали после возвращения из заграницы по обвинению в предательстве родины. В частности, героя обвиняют в том, что он

«занимался литературой и подстрекательством с целью разжигания смуты и племенных распрей внутри страны, используя некоторые газеты, враждебные режиму и выходящие за границей» [2, с. 112].

Однако молодых людей отпускают, при этом запрещая им заниматься политической деятельностью. Отныне Салим вынужден быть простым фотографом на том же рынке, где работает герой.

Бадр сближается с Хийар и узнает, что она уроженка южного Омана, а ее отец – коммунист и революционер. Из-за того, что отец Хийар участвовал в Дофарской войне³ на стороне повстанцев, девушку с самого детства презирали, и ей пришлось уехать на север страны, где о ней никто не знает. Девушка дает герою новое имя – Аййуб Абу Сабир. Также она рассказывает о своих планах уехать в Америку, куда ее зовет знакомый, обещая ей счастливую жизнь в стране свободы. Однако герой чувствует в этом приглашении подвох.

Однажды герой видит сон, в котором он ходит среди гор зерна. Герой толкует этот сон таким образом:

«То, что оно [зерно] приснилось мне той ночью, было похоже на спасение утопающего, которому суждена новая жизнь без той презренной лжи и фальши, в которой я жил годами в городе Зухур <...>. В нем [зерне] есть сила <...>, способная спасти человечество от чумы, которая поразила души некоторых из нас» [2, сс. 121-122].

В этом зерне рассказчик видит символ зарождения нового общества, основанного на непреходящих человеческих ценностях: свободе и равенстве. Герой понимает, что именно он должен посеять это зерно, т.е. создать новое

³ Война в Дофаре (1962-1976 гг.) – повстанческое движение в оманской провинции Дофар против власти султана Маската за создание независимого государства. Война окончилась поражением леворадикальных повстанцев. Описание этого конфликта занимает центральное место в романе «Шепот мостов».

общество. Для этого ему нужно изменить свою жизнь и подтолкнуть других людей к переменам. Герой бродит по городу в ожидании дождя, который смоет с лица Земли всю скверну. Бадр Аййуб чувствует «отчаяние, которое постигает посланников и пророков» [2, с. 151], и пытается растолковать окружающим людям пагубность их образа жизни, но они считают его клеветником и закрывают глаза на проблемы современного мира, воображая, что все хорошо. В конце концов, герой понимает, что он не может оставаться на одном месте, а должен странствовать, чтобы найти место, чтобы посеять то самое зерно вечности, новой жизни. Он принимает решение покинуть Матрах и отправляется в Каир. Однако здесь герой также видит одни проблемы, неустроенность и кризис. Бадра приводит в отчаяние то, что и в Каире люди не предпринимают попыток изменить свою жизнь, но вместо этого толпятся у американского посольства в надежде получить визу и сбежать от неприглядной действительности арабского мира в страну возможностей.

27 декабря 1998 г. происходит случайная встреча рассказчика с ар-Расулой ал-Джалилой, с которой герой не виделся после возвращения с о. Ко Самуи. Он рассказывает девушке о своей миссии по спасению мира. Вместе они начинают думать, что им нужно делать, чтобы сохранить «зерно вечности» и создать новое общество, в котором, руководствуясь общечеловеческими принципами, сосуществовали бы люди разных национальностей, вероисповеданий и политических взглядов. Герои объезжают весь мир в поисках подходящего места для создания нового общества и находят его в США. Они попадают в Атланту, штат Джорджия, где селятся в «квартале лесбиянок и идеалисток» [2, с. 167]. Благодаря посредничеству ар-Расулы рассказчик знакомится с новым для него миром людей, которые умеют широко мыслить, не ограничивают себя предрассудками и стереотипами, а потому терпимы ко всему, что не посягает на человеческое достоинство.

Бадр и ар-Расула ал-Джалила решают обосноваться в Америке вдали от цивилизации. Они приобретают землю в штате Кентукки близ города Бруксвилл, где посреди леса они основывают ферму «Холм размышлений».

Здесь герой и его подруга начинают новую жизнь в соответствии со своими простыми желаниями и потребностями. Бадр подробно описывает, как они построили себе дом, завели огород и наладили свой быт. У них появляются новые друзья, которые учат героев жить среди дикой природы, пользоваться ее дарами и налаживать контакт с окружающей средой. Это Джефф, дрессировщик волков, занимавшийся выращиванием опиума и марихуаны, из-за чего он теперь находится в розыске в нескольких штатах. Это «сын леса» Остин, который любит обниматься с деревьями и научил героя собирать дождевую воду и использовать ее в быту. Это Эдди, ветеран войны во Вьетнаме, хороший плотник и знаток местной фауны. Это и чудак, разводящий коз и верящий, что он воплощение Иисуса Христа. Неподалеку от фермы героев также располагаются коммуна хиппи и поселение амишей⁴.

Герою нравится это общество милых, зачастую чудаковатых, но свободолюбивых людей, которые не оценивают человека по его расовой, национальной, религиозной или политической принадлежности. Для них гораздо важнее практические результаты его деятельности и приносят ли они добро или зло этому миру. Герой вспоминает:

«И в одну незабываемую ночь, <...> мы беседовали и обсуждали единство и терпимость всех религий, <...> и великая сущность этого единства является верой и посланием человечеству, заключенном во всех религиях, которые призывают к справедливости и доброте к Человеку. И не важно, является ли источником этого иудаизм, христианство или ислам. <...> Мы пришли к соглашению, что Человек свободен, и у него есть право свободно верить, как он сочтет подходящим» [2, сс. 208-209].

⁴ Амиши – представители ветви протестантизма, сложившейся в Европе в конце XVII в. Впоследствии из-за преследований властей европейских государств были вынуждены мигрировать в Америку, где теперь, в основном, и проживают. Крайне консервативная и закрытая группа, стремится минимально пользоваться благами цивилизации.

Члены этого сообщества ведут культурные беседы, музицируют, читают своих любимых поэтов. Так, упоминается, что ар-Расула ал-Джалила читает стихотворения Уэнделла Берри⁵, а главный герой – арабскую поэзию.

Жизнь на лоне природы вдохновляет Бафра. Он учится выживать в лесах, за это природа щедро одаривает его. Герой начинает идеализировать те далекие времена, когда мир еще не был целиком заселен и исследован человеком, и всегда оставалось нечто неизведанное, что будило воображение.

Бадр также получает возможность посмотреть на свое время как бы со стороны. Он пытается понять, в какой момент стало невозможным осуществление его мечты на мирное сосуществование всех людей на Земле, на что он так рассчитывал на Ко Самуи. В своих размышлениях герой приходит к выводу, что истинная причина этой разобщенности западной и восточной цивилизаций, которая лишь обострилась в эпоху глобализации, уходит корнями в начало XX в., когда западные державы активно разделяли арабский Восток на сферы интересов. Бадр решает посвятить этой теме свой новый роман из истории Омана, события которого разворачивались бы в 1910–1920-х гг., когда имамат Оман боролся за свою независимость от султаната Маската и британского влияния, и был подписан Себский договор⁶. В этом романе главный герой намерен представить широкую панораму национально-освободительной борьбы оманцев и изобразить закабаление Омана Великобританией, а шире – всего арабского мира западным империализмом и нефтяными корпорациями, которые навязывают свои условия арабам. Герой даже начинает писать эпизоды своего будущего произведения, в котором выводит центральную фигуру по имени Вальд аш-Шайба, который пытается убедить британцев не вмешиваться в дела Омана.

⁵ Уэнделл Берри (р. 1934 г.) – американский писатель, поэт, публицист и гражданский активист. Уроженец штата Кентукки. Популяризатор и защитник аграрных ценностей, критик глобальной экономики, промышленности и индустриализации. Налицо перекличка основных идей У. Берри с проектом героя романа «Холм размышлений».

⁶ Согласно Себскому договору (1920 г.), имамат Оман получал автономию от султана Маската. Подписанию этого соглашения во многом поспособствовала поддержка Великобританией султана Маската Теймура ибн Фейсала. Впоследствии, султан Са'ид ибн Теймур разорвал Себский договор и попытался расширить свои владения на имамат Оман, что привело к войне ал-Джебел ал-Ахдар в 1954 г.

Однако вскоре главного героя потрясают два события. Сначала происходит теракт 11 сентября 2001 г., и через несколько дней сгорает ферма «Холм размышлений». Вместе с фермой сгорает и большая часть рукописи романа главного героя, ему удается спасти лишь несколько листов. Бадр перебирается к друзьям в Атланту, он в отчаянии и хочет покинуть страну. Герой видит, что после террористических атак на Всемирный торговый центр и Пентагон Америка, страна свободы и возможностей, превратилась в сосредоточение нетерпимости и произвола. Бадр понимает, что ему не дадут спокойно жить в этой стране, т.к. в нем постоянно будут подозревать террориста. Последней каплей, переполнившей чашу терпения героя, стал арест полицией негров, живших по соседству с ним. 27 октября 2001 г. герой покидает США, притворяясь латиноамериканцем, и улетает в Касабланку. Ар-Расула ал-Джалила остается в Америке.

Герой подавлен и удручен, однако он понимает, что обязан продолжить свою миссию по сохранению «зерна вечности», ведь у него еще осталась часть его рукописи. Бадр зачитывает своему собеседнику сохранившийся фрагмент своего романа и вдруг понимает, что незнакомец, которому он поведал свою историю, – это и есть герой его романа Вальд аш-Шайба, как он его представлял себе на ферме «Холм размышлений». Вальд аш-Шайба сообщает герою, что он должен вернуться в Египет, чтобы начать свой путь к своей мечте с самого начала.

Направляясь в Египет, Бадр вспоминает годы своей учебы в Александрии в конце 1970-х гг. Он вспоминает своих друзей, их веселые посиделки, споры о политике и философии. Герой вспоминает, как с друзьями критиковал политику Анвара ас-Садата, за что и попал на неделю в тюрьму. Бадр остался один: кто-то из его друзей умер, кто-то уехал, а кто-то стал воплощением той самой тирании, против которой они боролись.

В Каире герой вновь ходит по барам и кафе, вспоминая свою жизнь. Однажды в клубе Бадр знакомится с женщиной, с которой проводит вечер. Она приглашает его к себе, но, придя к ней, герой осознает, что в этой квартире он

когда-то жил вместе с ар-Расулой. Тут Бадр понимает, что, возможно, к нему явилась новая мечта.

Роман «Холм размышлений» примечателен символизмом представленных в нем образов: многие имена и места, упомянутые в тексте произведения, являются «говорящими». Так, автор неоднократно называет свою страну Оман «Ханан», что буквально переводится с арабского как «сострадание, нежность». Очевидно, что это указывает на нежные чувства, которые автор испытывает к своей родине. В то же время подобное именование порой звучит как злая шутка, учитывая, что на протяжении всего текста ал-Ма‘мари неоднократно дает понять, что его собственная страна отвергает писателя, воспринимая его как «блудного сына». Также писатель называет город Матрах Зухуром, что в совокупности с названием местного рынка аз-Залям (хотя матрахский рынок действительно называется аз-Залям, буквальное значение его наименования можно рассматривать с символической точки зрения) вполне может указывать на мрак и невежество, которые царят за красивой цветастой ширмой.

В свою очередь главный герой носит прозвище Аййуб Абу Сабир Абу-л-Курух, буквально «терпеливый Аййуб, покрытый язвами», что, очевидно, отсылает к образу коранического персонажа Аййуба, он же ветхозаветный Иов. Этот персонаж, известный своей праведностью и достатком, стал жертвой козней Сатаны, который обрек Аййуба-Иова на мучения: он потерял семью, богатство, а в довершение всего был поражен гнойными язвами. Аййуб-Иов был вынужден покинуть свой город и жить на окраине, тщетно пытаясь понять причину своих страданий. Однако за то, что даже в трудную годину он не отвернулся от Бога, Аййуб-Иов был исцелен и награжден еще большим достатком и новым семейством. Образ главного героя «Холма размышлений» вплоть до таких мелочей, как язвы на теле, повторяет образ легендарного персонажа. Подобно Аййубу-Иову, герой романа «взывает к Всемогущему Богу против Дьявола-Искусителя, нашептывающего дурное в сердца людей» [2, с. 151], но оказывается отвергнутым обществом. Герой также жалуется на боль и

несчастья, причину которых он тщетно пытается найти. Бадр, утратив дорогую ему ферму, теряет вместе с ней и надежду на светлое будущее. Однако, вдохновленный образом мудрого Вальда аш-Шайбы, герой вновь обретает веру и продолжает следовать своей мечте.

Стоит также указать на символизм имени ар-Расулы ал-Джалилы, которая уже появлялась в предыдущем романе автора, выведенная там под именем ал-Джалила бинт Мурра. В обоих романах эта героиня появляется в трудное для рассказчика время. Однако если в «Пространствах последнего желания» ал-Джалила стала для главного героя напоминанием о его корнях, что было актуально для находившегося за границей рассказчика, то в «Холме размышлений» она выступает уже напоминанием об общих ценностях, которые связывают человечество. Ар-Расула словно послана (ее имя по-арабски буквально означает «посланница») Бадру, чтобы в минуту отчаяния вселить в него надежду на мир между разными народами. Эта героиня объединяет вокруг себя людей разных национальностей и религий: кажется, что она посланница не для одного Бадра, но для всех людей, ищущих единения. Оставив ар-Расулу в Америке, герой вместе с ней оставляет и надежду, которую он обретает вновь лишь в конце произведения, случайно попав в ту самую квартиру, где когда-то жил со своей подругой.

Другой персонаж с «говорящим» именем – Наджи‘ ал-Йасари, вместе с которым рассказчик оказался в тюрьме Матраха. Это прозвище буквально переводится с арабского как «полезный левый», что прямо указывает на политические симпатии самого ал-Ма‘мари. Особенно характерно то, что в эпизоде в тюрьме безобидный член профсоюза, хотя и «левый», противопоставляется зловещим офицерам органов безопасности, которые готовы арестовать человека по надуманному обвинению.

Особый символизм также несет название самого романа и одноименной фермы, созданной главным героем, – «Холм размышлений». Сам образ холма указывает на стремление Бадра уединиться, изолироваться от окружающего мира, к которому он испытывает неприязнь. На этом холме герой хочет

возвыситься над раздорами и проблемами современного мира и предаться спокойным размышлениям. В то же время, символ холма, применительно к проекту Бадра по созданию автономной колонии мирных и свободных людей, может указывать на невозможность осуществления такого проекта в реальности. В современных условиях глобализации автономные поселения, подобные «Холму размышлений» или колониям амишей, неизбежно должны стать изолированными, оторванными от окружающей действительности. Однако в масштабах человечества (о чем мечтает главный герой) воплощение проектов таких уединенных поселений представляется сомнительным. Таким образом, отделившийся от всего мира «Холм размышлений» становится нежизнеспособной утопией.

Роман «Холм размышлений» также изобилует многочисленными автобиографическими мотивами. Здесь ал-Ма‘мари пишет, что его герой родился примерно в один год с самим писателем, кроме того, оба учились в Александрии. В романе также упоминается о путешествии в Таиланд и последующей публикации романа «Пространства последнего желания». Герой «Холма размышлений», как и ал-Ма‘мари, проживает в Египте. Кроме того, в этом романе, очевидно, нашел отражение опыт писателя, полученный во время его пребывания в США. В романе также упомянуто знакомство автора с неким египетским писателем и некой исследовательницей (возможно, Б. Михалак-Пикульской), которые работали над статьей о романе «Пространства последнего желания». При этом эти автобиографические мотивы так тесно переплетены с авторской фантазией, что нельзя с точностью определить, где ал-Ма‘мари описывает реальные факты, а где начинается художественный вымысел.

Тем не менее, можно утверждать, что в романе «Холм размышлений» полностью отразились если не объективные события из жизни автора, то, по крайней мере, его душевные переживания, что отмечал Мухаммад ал-Йахья’и. На страницах своего второго романа ал-Ма‘мари в полной мере выразил свое разочарование текущим положением дел в мире. Если в своем первом романе

«Пространства последнего желания» автор высказывал надежду на то, что Восток и Запад найдут общий язык и смогут на равных участвовать во всемирном «диалоге культур», то теперь ал-Ма‘мари с горечью констатирует осознание того, что это маловероятно.

Последствия периода 1980–90-х гг., когда Оман попал под влияние глобализации, судя по всему, стали очевидны для ал-Ма‘мари. Писатель понял, что глобализация не помогла разным народам сплотиться воедино, позволив при этом каждому сохранить свою уникальность. Вместо этого сильные государства с развитой экономикой, способные оказывать давление на другие, более слабые государства, стали задавать тон в отношениях со странами Третьего мира, навязывая им свои правила и условия. Несмотря на то, что эпоха колониализма прошла, и арабские страны во второй половине XX в. обрели формальную самостоятельность, арабо-мусульманский мир продолжает оставаться в зависимости от Запада в экономическом и культурном плане. Эту зависимость автор открыто критикует на страницах своего романа, неоднократно изображая негативные последствия глобализации, вынуждающей арабские страны существовать по правилам, придуманным Западом.

В частности, весьма характерной является сцена, наблюдаемая рассказчиком в Каире у американского посольства, «этого торжественного здания с усиленной охраной у узких дверей, напоминающих двери в наших арабских тюрьмах» [2, с. 133]. Главный герой видит толпы молодых арабов, выстраивающихся в длинные очереди, чтобы получить визу на въезд в Америку. Туда молодых людей влечет «уверенность в настоящем и благополучие в будущем» [2, с. 133]. Однако, наблюдая эту сцену, герой понимает, что молодые люди не отдают себе отчета о реальном положении дел в Америке. Их представления об американской мечте «смешались с абсолютной неразберихой в умах потерянного поколения» [2, с. 133]. Рассказчик приходит к неутешительному выводу, что это молодое поколение арабов, привыкшее видеть в США образчик всего наилучшего, ассоциируется

«во-первых, со всем, что связано с этими убийственными нездешними явлениями, начиная с одежды <...> и заканчивая фаст-фудом, а во-вторых, со всяким, кто с такой ничтожной легкостью позволил поставить себя в очередь на промывку мозгов. Суть этой промывки – зависимость от просмотра телевидения, которое обманом промывает мозги с помощью этого ящика демагогии и подлых улыбок янки» [2, сс. 133-134].

Устами своего героя автор подвергает критике западную культуру потребления, которую, в частности, США навязывает арабскому миру через широко тиражируемый на телевидении образ улыбающегося «янки», который соседствует с рекламой фаст-фуда, этого «подарка [американской культуры] на день рождения бедным нациям» [2, с. 134]. Молодые арабы восприняли этот репрезентативный образ Запада как истину и поэтому готовы отказаться от своей самостоятельности и независимости, чтобы соответствовать этому навязываемому образу успешности и преуспевания.

«Промывка мозгов» происходит и на бытовом уровне. Например, в одном из эпизодов романа подруга главного героя Хийар сообщает ему о предложении ее друга переехать к нему в Америку. Этот друг рисует перед девушкой прекрасные перспективы жизни в «стране свободы и мечты» [2, с. 116], ведь у себя на родине Хийар постоянно подвергается гонениям из-за своего происхождения. Однако герой предчувствует, что американский друг Хийар замыслил недоброе.

Критика ал-Ма‘мари культуры потребления, экономической и идеологической зависимости арабов от Запада в целом развивается в русле левых антиимпериалистических и антиколониальных идей. В частности, интересно отметить созвучие слов ал-Ма‘мари тому, что отразил в своих работах «Ориентализм» и «Культура и империализм» Э. Саид. Так, Саид отмечает, что культура потребления стала одной из основных характеристик арабского общества последней четверти XX в. [17, с. 324] Причиной этому послужило то, что арабские страны, войдя в систему мировой экономики, попали в зависимость от западных компаний, в частности американских,

которые были главными потребителями нефти – основного сырья, поступавшего с Ближнего Востока. В свою очередь, арабо-мусульманский мир стал потреблять в большом количестве американскую продукцию: арабский мир «попался на крючок западной рыночной системы» [17, с. 324]. Однако вместе с западной продукцией в арабский мир неизбежно проникала и западная культура, репрезентировавшая определенный образ США и Запада в целом. Западные СМИ, фильмы и реклама давали арабам отнюдь не полноценное и верное понимание того, что такое Запад, но этот навязанный образ воспринимался как должное, как реальность. Так возник, по словам Саида, «культурный империализм», который «подчиняет и принуждает <...> более слабые и малые культуры» [16, с. 292] и превратил арабский мир в «политический и культурный сателлит США» [17, с. 322].

Однако ал-Ма‘мари продолжает критику империалистического Запада уже в сценах, описывающих непосредственное вмешательство европейских держав во внутренние дела арабских стран. Так, в пятой главе «Холма размышлений» описан эпизод, в котором герой романа ненадолго оказывается в тюрьме после своего возвращения в Матрах из заграницы. Рассказчик попадает на допрос, который ведет британский офицер, сотрудник Службы безопасности MI5 (т.е. контрразведки) Тим Грэхем Уодд. Герой так описывает этого персонажа:

«Его улыбка, я уверен, была одним из орудий пыток, которые он применял к новым заключенным. Он был невысок и превосходно говорил по-арабски <...>. Когда он начинал допрос, то в его хриплом голосе слышались нотки соблазна, так что его метод допроса напоминал об искусности бисексуала, которым этот господин и являлся. <...> За то, как он вел допросы в этой тюрьме, арестанты и задержанные прозвали его Коброй» [2, с. 111].

Из этого неприглядного описания британского офицера становится очевидным негативное отношение ал-Ма‘мари к колониальной практике западных держав, в частности Великобритании, навязывать слабым странам

своих советников и представителей, которые фактически продвигают интересы своего государства и вынуждают другие страны подчиняться своей воле.

Кроме того, автор критикует империалистическую политику Запада и отстаивает право арабов на национальную независимость в эпизодах, в которых главный герой делится замыслами о своем будущем романе из оманской истории. В частности, он утверждает, что трагедия современной автору глобализации и закабаления арабов западными капиталистическими державами началась в 1920 г., когда был подписан Себский договор. Именно тогда, по мнению автора, утвердилось гегемония Запада над Востоком, т.к. западный империализм заставил арабов существовать по своим правилам. Герой «Холма размышлений» ассоциирует себя с одним из персонажей своего романа, приближенным оманского имама, который пишет письмо британскому представителю, вопрошая:

«Кто вправе требовать от нас исполнения того, что запретил Бог? <...> Кто вправе <...> навязывать нам правителей, что отклонились от пути праведного? Кто вправе запрещать нам издавать приказы в соответствии с нашим законом против султана, если он поступает против того, что было заповедано Пророком?» [2, с. 188].

Ал-Ма‘мари, от имени героя своего романа, рассуждает о том, какую пагубную роль в закабалении арабских стран сыграли экономические интересы западных государств. Он пишет, что в течение всего XX века «нефтяные компании играли свою роль в разделении стран и эмиратов Залива на колонии», а также, что земля Аравийского полуострова «разделена на кантоны, а иностранные нефтяные компании ее делят и распоряжаются ее благами» [2, сс. 190-191]. Автор видит большую угрозу независимости народов в транснациональных корпорациях, которые не интересуются нуждами и проблемами реальных людей, считая их лишь расходным материалом для увеличения своих доходов. Ал-Ма‘мари обвиняет западных империалистов и капиталистов в том, что они, руководствуясь личными интересами, пренебрегают живыми людьми, обрекая их на существование на земле, которой

они даже не вправе распоряжаться. Писатель яростно отстаивает право арабов на самостоятельность и существование в соответствии с теми законами, которые они считают наиболее подходящими для себя. Он находит неприемлемым то, что Запад вторгается на чужую территорию и учиняет там свои порядки, навязывая другим народам чуждые им правила.

Однако стоит также отметить, что недовольство ал-Ма‘мари не ограничивается исключительно критикой западного империализма. Ряд эпизодов «Холма размышлений» указывают на то, что в своих размышлениях автор поднимается до критической оценки государства как явления, как некой системы, преследующей свои интересы и поэтому принуждающей личность к подчинению.

Например, герой романа вспоминает, что после возвращения из заграницы в Матрах он попадает в тюрьму, даже не зная, чем он провинился. Ему лишь вменяют в вину то, что он «записал свои стоны» [2, с. 110] в иностранной газете, оппозиционному режиму султана. Несмотря на то, что героя допрашивает британский офицер, решение о его аресте и обвинение были изданы именно оманским правительством, которое, очевидно, не стало терпеть критику со стороны героя в свой адрес.

Кроме того, символичным кажется то, что рассказчик делает особый акцент на том, что он родился в год поражения повстанцев в ал-Джебел ал-Ахдар, а его подруга Хийар была дочерью дофарского революционера, за что ее и подвергли остракизму на родине. Оба героя, таким образом, являются как бы воплощением угнетенной свободы, они – порождения революции и борьбы за независимость, которые были подавлены государством, не считающимся с волей собственных жителей.

Также стоит указать на то, что в «Холме размышлений» ал-Ма‘мари критикует политику двух арабских лидеров: султана Маската Теймура ибн Фейсала и президента Египта Анвара ас-Садата. Так, в видении главного героя именно султан Теймур ответственен за то, что Великобритания вторглась сначала в султанат Маскат, закабалив самого султана, а затем, используя его

как инструмент влияния, начала навязывать свою волю жителям имамата Оман, т.е. формально независимым от султана людям. Теймур сам позволяет британцам вторгнуться на свою территорию:

«Господину Теймуру <...> пришлось по нраву неприкрытое вмешательство Англии в дела страны. Он никак не поддерживал непосредственных сношений и переговоров с имаматом и, таким образом, воспользовался возможностью уехать в Индию под предлогом лечения. <...> Он предпочел не связываться непосредственно с имаматом и назначил <...> британского консула и своего уполномоченного, чтобы они выступили посредниками между сторонами для достижения мира» [2, сс. 234-235].

В схожем тоне ал-Ма‘мари отзывается о политике инфитаха (т.е. открытости) ас-Садата, последствия которой писатель застал в годы своей учебы в Александрии в конце 1970-х гг. Политика инфитаха, направленная изначально на открытость Египта западному капиталу и превращение страны в демократию западного типа, провалилась и привела лишь к усилению авторитарной власти президента. Писатель выражает явное недовольство этой открытостью ас-Садата западным державам, которая позволяла им внедрять в арабский мир свои правила и ценности вопреки воле народа. Отдельно ал-Ма‘мари упоминает поездку ас-Садата в Израиль, «в страну сионистов», которая вызвала недовольство среди населения, что привело к тому, что «службы безопасности государства были готовы выслать любого посла, слишком остро отреагировавшего на этот визит» [2, с. 245]. Герой «Холма размышлений» также вспоминает, как в молодости он с друзьями открыто критиковал ас-Садата «за его действия, а также арабские режимы от океана до океана за ту комедию, в которую скатилась ситуация» [2, с. 246]. В итоге за свои речи герой даже попадает за решетку.

Критическая оценка ал-Ма‘мари в отношении обоих политиков совпадает в том, что оба в глазах писателя предстают почти предателями интересов собственного народа. Преследуя личные цели и амбиции, они навязывают свою волю людям, мало интересуясь тем, чего хочет сам народ. В результате этим

правителям приходится прибегать к силе, чтобы заставить народ подчиняться приказам, вопреки его собственной воле.

Ал-Ма‘мари также описывает злоключения своего героя в США после теракта 11 сентября, когда он столкнулся со всей мощью государственного аппарата, который не приемлет чего-либо, не вписывающегося в установленные им нормы. Чтобы отстоять свои интересы, государство даже готово преследовать людей на основании их необычной внешности. Так, рассказчик вспоминает, как его самого подозревали в терроризме:

«Они сделали из меня врага <...>, потому что я из страны арабов и палм. <...> Это похоже на отвратительное мгновение, когда ты бежишь из ловушки, которую после 11 сентября стали ставить на твою внешность, вменяя тебе в вину лишь твой антропологический облик» [2, сс. 162-164].

Особенно героя шокирует сцена ареста семьи негров по обвинению в распространении наркотиков. Именно в эту минуту он понимает, что США отнюдь не страна свободы: здесь также действует система принуждения и подчинения всех несогласных и стремящихся жить в соответствии с собственными принципами.

Итак, очевидно, что в своем втором романе ал-Ма‘мари критикует уже не столько западный империализм, сколько государство как явление, как союз людей, преследующих собственные интересы в ущерб окружающим. Государство, будь это Британская империя, США или султанат Оман, в видении писателя, имеет своей целью продвижение своей воли, даже если для этого придется подавлять волю других людей, имеющих иные интересы и мнения. Любое государство для ал-Ма‘мари, каким бы справедливым и либеральным оно не казалось, это аппарат принуждения, система, уничтожающая всякое разнообразие и свободную волю.

Критика ал-Ма‘мари поднимается над оппозицией Восток-Запад, рассматривающей лишь негативное влияние западной цивилизации на незащищенные народы Востока. Ал-Ма‘мари, искавший в своем первом романе пути сближения двух цивилизаций, говорит о том, что объединению людей в

единое братство мешают не культурные различия, но конфликты интересов правящих элит. В «Холме размышлений» простые американцы никак не конфликтуют с главным героем, наоборот, они готовы помочь ему освоиться на новом месте и даже бежать из США, когда ему угрожает опасность. Американские друзья героя и ар-Расулы открыты другим культурам и знаниям так же, как сам главный герой и его подруга. Сам рассказчик, араб, также с интересом тянется к другой культуре, а гражданка мира ар-Расула выступает проводницей героя в новом мире. Автор романа дает понять, что пока люди остаются равны и делают общее дело, между ними нет конфликтов. Однако как только появляется государство, система, претендующая на власть и авторитет, начинаются проблемы. Интересно отметить, что ал-Ма‘мари был отнюдь не одинок в таком взгляде на взаимоотношения западной и арабо-мусульманской культур. В частности, как отмечает Рашид ал-‘Инани, ряд арабских писателей второй половины XX–начала XXI вв., затрагивавшие тему взаимоотношений арабских стран и Запада, еще до ал-Ма‘мари изображали в своих произведениях европейцев и американцев, которые, в отличие от своих шовинистских правительств, дружелюбно и терпимо относились к арабам. Кроме того, ал-‘Инани также указывает на осознание арабскими писателями несущественности культурных различий и понимание ими конфликта интересов как основу большинства международных конфликтов [13, с. 206].

Таким образом, можно прийти к выводу, что ал-Ма‘мари в своем втором романе выводит на первый план противостояние личности и государства, и эту тему он так или иначе будет поднимать в своих последующих произведениях. Писатель с левых позиций критикует государство, отстаивая право личности на жизнь согласно собственным принципам, если они не вредят окружающим. Поэтому на страницах своего романа автор с явной симпатией выводит образы чудаков и нонконформистов, чей образ жизни не вписывается в рамки, обозначенные нормами государства: это хиппи, амиши и даже лесбиянки. Эти люди живут мирно и созидательно. И напротив, писатель откровенно демонизирует государственных служащих, которые готовы арестовать любого,

кто мыслит, говорит и даже выглядит не так, как должно. Можно также проследить определенную переключку между идеей свободы личности от влияния государства с призывами ал-Ма‘мари предоставить арабам независимость от гегемонии Запада.

Главный герой романа «Холм размышлений» также относится к нонконформистам и не собирается закрывать глаза на существующие в обществе проблемы. Однако интересно то, как именно он готов бороться с этими проблемами. Здесь стоит обратить внимание на эпизод, в котором рассказчик после участия в студенческих спорах о политике ас-Садата попадает в тюрьму. Герой вспоминает:

«Когда нас выпустили, кое-кто из нас вообразил себя борцом и политиком, просто первостатейным Троцким. Впоследствии вскрылась вся фальшь их борьбы, так как некоторые из них <...> стали воплощением тирании» [2, с. 280].

Ал-Ма‘мари указывает на то, что борьба с государством его же методами, т.е. политикой, приводит не к ниспровержению этого зла, но лишь к его усилению. Таким образом, главный герой романа (и, возможно, сам писатель) избирает ненасильственный путь борьбы с несправедливостью и поступает радикальнее своих товарищей, ушедших в политику: он вовсе отвергает государство, порывает любые связи с ним, ставя на первый план собственную независимость. Бадр Аййуб решает вести простую жизнь, свободную от принуждения, каких-либо властей и авторитетов. Именно поэтому он избирает жизнь гражданина мира, странника, не привязанного к какой-либо стране. По этой же причине главный герой и второстепенные персонажи романа бегут от развращающего влияния государства и капитализма в леса, где на лоне природы они пытаются создать общество, не испорченное отношениями власти и принуждения.

Девятая и десятая главы «Холма размышлений» посвящены подробному описанию своего рода утопической коммуны, которую создает герой, и по образу которой должно развиваться человеческое общество. Герой романа в

буквальном смысле сеет «зерна вечности», т.е. создает общество, основанное на истинных человеческих ценностях, при этом отбрасывается все преходящее, что лишь разъединяет людей: религия, политика, национализм и т.д. В этой коммуне мирно сосуществуют совершенно разные, не похожие друг на друга люди, которые осознают всю субъективность разделения человечества по религиозному, национальному и политическому признаку, ведь в сущности своей все люди одинаковы. Поэтому в этой коммуне никто не навязывает своего мнения другим, не стремится подчинить своей воле и научить жить «правильно»: каждый житель фермы «Холм размышлений» не только бережет свою свободу и право на самоопределение, но и уважает это право и у других. Именно стремление стать полностью независимыми привело этих людей в леса, где вдали от правительств и международных компаний они могут наладить собственный быт. Бадр и его соседи решают обратиться к сельскохозяйственной деятельности, чтобы самим производить все необходимое для себя и не зависеть от капитала и государства.

Ал-Ма‘мари подробно описывает быт героя, его обустройство на ферме, обучение навыкам выживания в дикой природе и грамотному использованию природных ресурсов, таких как солнечный свет, дождевая вода и т.д. При этом немаловажно отметить, что проект фермы главного героя является прямой отсылкой к идеям современного американского поэта и активиста Уэнделла Берри, которого рассказчик упоминает как любимого поэта ар-Расулы ал-Джалилы. Известно, что на рубеже 1960–70-х гг., ознаменованных расцветом леворадикальных молодежных движений в США, У. Берри, разочаровавшись в современной ему американской культуре, обратился к фермерству, и на сегодняшний день он является одним из главных американских популяризаторов аграрных ценностей [50]. Подобно ал-Ма‘мари Берри является непримиримым противником современной капиталистической системы [46], а также насилия государства над личностью [19], что и объясняет его личное участие в различных акциях гражданского неповиновения, направленных на отстаивание права человека жить в соответствии с

собственными убеждениями, а не с буквой закона. При этом У. Берри аполитичен и сосредоточивает свое внимание на практической созидательной деятельности (в частности, поэтическом творчестве и земледелии) [49], что, очевидно, импонирует ал-Ма‘мари, который наделил такими же стремлениями свое романное альтер-эго. Берри также имеет тесные связи с амишами, чей замкнутый, традиционный, но независимый образ жизни он находит достойным подражания [49] (можно также предположить, что именно из работ Берри ал-Ма‘мари позаимствовал образ амишей).

Можно подытожить, что Берри является поборником локальной экономики и противником экономики глобальной, вынуждающей разные сообщества терять свою индивидуальность в угоду экономическим гигантам. Образ этого человека, очевидно, восхитил ал-Ма‘мари, что и привело к тому, что герой «Холма размышлений» отчасти повторяет аграрный опыт У. Берри. Так, Бадр Аййуб основывает свою ферму именно в штате Кентукки, как и сам Берри. Подобно этому американскому поэту, герой романа выращивает, помимо других культур, табак, водит знакомство с амишами, восхищается дикой природой, не испорченной человеческой деятельностью. Наконец, главный герой, как и сам Берри, ценит индивидуализм, не приемля вторжения государства в жизнь какого-либо сообщества или личности под прикрытием закона. О том впечатлении, которое личность Берри произвела на ал-Ма‘мари, говорит также то, что от имени своего героя писатель дает ему следующую характеристику: «великий поэт из Кентукки Уэнделл Берри» [2, с. 215].

Также стоит отметить, что при рассмотрении романа «Холм размышлений» через призму влияния Уэнделла Берри можно обнаружить определенную связь этого произведения с американской традицией левой мысли, которая восходит к движению трансцендентализма, возникшего в первой половине XIX в.⁷ В частности, представители этого движения, не

⁷ Трансцендентализм – философско-литературное течение, сформировавшееся в США в 1830–1850-х гг., идейным вдохновителем которого был поэт и философ Ральф У. Эмерсон (1803–1882 гг.). Трансценденталисты, представители американской радикальной демократической интеллигенции, выступали с резкой критикой капитализма и империалистической политики американского правительства за их утилитарное отношение к

приемля новый тип общественного устройства, появившийся в результате нарождающегося капитализма, стремились отстаивать право личности жить в соответствии с собственными принципами. Желая на практике реализовать свои идеи, трансценденталисты основывали сельскохозяйственные коммуны, которые, по замыслу их основателей, должны были стать образцом нового, более справедливого общества. Члены этих коммун сами снабжали себя всем необходимым, а в свободное время «читали, обсуждали теоретические вопросы, слушали стихи, музицировали» [8, с. 393]. Спустя более столетия опыт трансценденталистов повторил У. Берри, и вполне очевидно, что (возможно опосредованно через знакомство с идеями самого Берри) этот опыт отразился в романе «Холм размышлений». Идеи Бадр Аийуба, быт и досуг жителей его фермы вполне могут отсылать читателей к этому влиятельному движению. Главный герой также решает основать ферму, из которой развился бы новый тип общества, и противопоставить капиталистической системе современного государства сельскохозяйственную коммуну, которая сама производит необходимые продукты. Он рассказывает, как по вечерам, после трудового дня, он и его друзья собирались на ферме и обсуждали вопросы свободы личности и ее права исповедать ту веру, которую она находит лучшей. Герои приобретают различные музыкальные инструменты, чтобы скрашивать свои вечера, читают друг другу стихи и т.д.

Однако помимо склонности к утопическому прожектерству героя романа «Холм размышлений» и последователей трансцендентализма объединяет своеобразная проповедь индивидуализма. Так, в этом романе ал-Ма‘мари размышляет вместе со своим героем о причинах, которые дают человеку право быть свободным в своих взглядах и поступках. Ранее в этой главе уже упоминались рассуждения Бадр Аийуба об общности всех религий и философских учений, которые основаны на едином источнике – стремлении к справедливости и доброте. Далее герой и его друзья осознают «совпадение

человеческой личности. Идеи трансценденталистов впоследствии оказали влияние на представителей леворадикального молодежного движения 1960–1970-х гг., среди которых был и У. Берри.

своих взглядов на божественную сущность Человека» [2, с. 209], что делает его свободным верить и жить так, как он сам считает нужным. Для героя «Холма размышлений» человек по природе своей свободен, т.е. он волен выбирать свой жизненный путь, следовательно, все точки зрения на жизнь и мир имеют право на существование, но вместе с тем они субъективны и не могут быть более или менее верными. Из этого рассуждения можно сделать следующий вывод – ни один человек не имеет права навязывать другим свою точку зрения, ведь она может подходить лишь для его собственного видения мира, но не для других людей. Таким образом, ал-Ма‘мари, с одной стороны, отстаивает право личности жить в соответствии со своими принципами, с другой, – осуждает любое посягательство на это право (в частности, подобные упреки писатель адресует государственной системе).

В сущности, этот принцип индивидуализма – основа всей философии трансцендентализма, выраженная в ряде работ идеолога этого движения Ральфа Эмерсона, в частности, в его эссе «Доверие к себе» (1841 г.). Эмерсон прямо заявляет, что «всякий, кто хочет стать человеком, должен быть нонконформистом» [14, с. 148]. По его мнению, правила и законы, навязываемые личности обществом, могут быть легко извращены, а потому нет возможности быть уверенным в их правоте. Человек может быть уверен лишь в самом себе, а потому, «единственное, что верно, это то, что соответствует моему характеру; единственное, что вредно, это то, что не соответствует ему» [14, с. 148]. Таким образом, Эмерсон призывает жить, опираясь на собственное видение мира, ведь именно оно может быть верным. В то же время он предостерегает от навязывания своей точки зрения другим, что и делают общество и государство. В данном случае определенная перекличка с содержанием «Холма размышлений» налицо.

Кроме того, интересно указать на определенную связь второго романа ал-Ма‘мари с произведением другого выдающегося трансценденталиста, писателя и натуралиста Генри Д. Торо (1817–1862 гг.), а именно его знаменитой книгой «Уолден, или Жизнь в лесу» (1854 г.). В этой работе Торо рассказал о своем

опыте почти двухлетнего проживания в одиночестве на берегу Уолденского пруда в штате Массачусетс. Торо подробно описал, как он построил свой шалаш, как охотился, выращивал овощи и изготавливал необходимые орудия труда. Немало места в этой книге также уделяется размышлениям автора о красоте окружающей его природы и критике капитализма и государства, которые превращают человека лишь в орудие достижения своих целей. «Уолден» Торо и описанный в этой книге опыт оказали огромное влияние не только на американскую культуру, но и на мир в целом. Под это влияние, очевидно, попал и У. Берри, чей побег от цивилизации на лоно природы нередко сравнивают с опытом Торо [45] [46]. Определенные аллюзии на «Уолдена» содержатся и в романе «Холм размышлений».

В частности, самая очевидная переключка между этими произведениями – сама концепция ухода в лес, чтобы построить ферму, которая снабжала бы своих жителей самым необходимым, что делало бы этих людей как бы автономными, независимыми от тех правил, которые навязывают личности капитализм и государство. Кроме того, роман ал-Ма‘мари и книгу Торо объединяет схожий язык – образный, полный метафор и нескрываемого восхищения природой, которая представляется намного лучше человеческого общества, полного несправедливости. Так, герой «Холма размышлений» еще в детстве проявляет крайнюю восприимчивость к окружающему его миру и любит предаваться размышлениям в одиночестве у моря:

«Море <...> было одним из тех источников, из которых я черпал первозданные знания. Оно создало большинство метафизических образов в пору моего детства и открыло мне такие сокровенные вещи, о которых я боялся или стеснялся спросить у тех, кто окружал меня. Я делился с ним своими тайнами и советовался с ним о тех многих образах, которые были недоступны моему пониманию» [2, сс. 55–56].

Проживая на ферме в Америке, герой романа ал-Ма‘мари восхищается окружающей его природой, описывает «пейзаж, схожий то ли с фантазией, то ли с чудесным наваждением, то ли со сном» [2, с. 220]. Бадр Аййуб не тяготится

уединением на лоне природы, напротив, он черпает в ней силы и впечатления, ведь именно на своей ферме герой смог найти душевное равновесие и вдохновение для написания нового романа. Подобным уважением и любовью к природе полон «Уолден»:

«...любое творение Природы может быть источником нежных и невинных радостей и приятным обществом <...>. Тот, кто живет среди Природы и сохранил способность чувствовать, не может впасть совсем уж в черную меланхолию» [8, с. 155].

Описание времяпрепровождения Бадр АЙйуба на его ферме в кругу друзей также напоминает описание бесед Торо с его единомышленниками, навещавшими его в шалаше. Вот как описана одна из таких «интеллектуальных» встреч в «Холме размышлений»:

«С ними мы говорили о канувших в Лету великих городах и тех, что и доныне существуют. Мы также рассказывали о тех случаях из нашей Древней истории, в которых было место доблести, благородству и помощи тем, кто ее заслуживал. А еще мы пересказывали друг другу загадки столь старинные, словно жемчужины, погребенные в пучинах морей» [2, с. 36].

Подобная сцена описана у Торо:

«Мы трудились на совесть, пересматривая мифологию, досказывая то одну, то другую сказку и строя воздушные замки, для которых на земле не было достойного фундамента» [8, с. 313].

Другой отсылкой к «Уолдену», содержащейся в «Холме размышлений», может оказаться один из важнейших образов в этом романе ал-Ма‘мари – «зерно вечности», которое, по мнению героя, должно дать начало новому обществу. Ради сохранения этого зерна Бадр АЙйуб основывает свою ферму, в буквальном смысле становясь сеятелем зерен. Такую же аллегория использует в своей книге и Генри Торо. Освоив земледелие во время своей жизни отшельником в лесу, он понял, что нужно не столько «заботиться о посевах бобов и кукурузы, сколько о семенах искренности, правды, простоты, веры, невинности», т.е. о «семенах добродетели» [8, сс. 193–194]. Также как и герой

романа ал-Ма‘мари, Торо сетует, что в современном ему обществе трудно сохранить эти «зерна» общечеловеческих ценностей:

«Будь меж нами хоть зернышко достоинства и дружелюбия, мы никогда не обманывали бы, не оскорбляли бы, не отталкивали друг друга своей низостью» [8, с. 195].

Разумеется, обе эти книги были написаны представителями разных культур, которые жили в разные эпохи, но Торо и ал-Ма‘мари в данном случае объединяет тот факт, что оба жили в годы экономических и социальных перемен, разрушения старого порядка и формирования нового. По этой причине оба писателя так стремятся найти опору, чтобы продолжать жить; они стремятся найти некие общие принципы, в равной степени ценные для всего человечества. Как следствие, они оба приходят к тому, чтобы «под грязным слоем мнений, предрассудков <...>, под церковью и государством, под поэзией, философией и религией» найти то, что «мы можем назвать реальностью» [8, сс. 116–117]. Реальность для Торо и ал-Ма‘мари – это воля человека жить в соответствии со своими жизненными установками. Для Торо идеал общественного устройства, который он сформулировал в другой своей знаменитой работе, эссе «О гражданском неповиновении» (1849 г.), заключается в том, что реальная личность будет считаться основой и высшей ценностью, в дела которой нельзя вмешиваться против воли самой личности [18, с. 30]. Этот идеал, как было указано выше, вполне соответствует идеям, которые проводит в своих романах ал-Ма‘мари.

Однако, как отмечают оба писателя, государство оспаривает право личности жить так, как она считает нужным. В своем «Уолдене» Торо выступает с критикой капиталистической и империалистической политики американского правительства 1840–1850-х гг., которое буквально покупает волю своих граждан за то, что снабжает их продуктами. Подобную критику проводил ал-Ма‘мари в начале 2000-х гг. в отношении современного ему общества потребления. Торо развенчивает миф об Америке как стране свободы,

в которой на самом деле человек вынужден существовать по правилам, установленным государством:

«...единственная подлинная Америка – это страна, где вы вольны так устроить свою жизнь, чтобы обойтись без всех этих продуктов, и где государство не пытается принудить вас оплачивать рабство, войну и другие лишние издержки, прямо или косвенно вытекающие из потребления всего этого» [8, с. 241].

Таким образом, оба писателя, выступая с левых позиций, сходятся в своей отрицательной оценке не только конкретно американской государственной системы, но шире – государства как явления. Указанные точки соприкосновения во взглядах на взаимоотношения личности и государства, а также сходство ряда образов и описания некоторых эпизодов «Уолдена» и «Холма размышлений» позволяют предположить, что Али ал-Ма‘мари мог вдохновляться идеями, почерпнутыми из книги Торо, при написании собственного романа.

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что в своем втором романе «Холм размышлений» Али ал-Ма‘мари выступил последовательным критиком не только западного капитализма и империализма, которые поработщают арабский мир в эпоху глобализации, но и государственной системы в целом, как западной, так и арабской. На страницах своего романа ал-Ма‘мари отстаивает право личности и различных сообществ на независимое существование, которое не подчиняется внешнему принуждению. В то же время стоит отметить, что ал-Ма‘мари не просто критикует государство и империализм, он пытается философски переосмыслить проблему взаимоотношений личности и государства и приходит к радикальному, в своем роде, решению. Так, ал-Ма‘мари, отказываясь от активного противодействия давлению со стороны государства, развивает идею утопической коммуны индивидуалистов, которые удалились от цивилизации на лоно природы, чтобы там, фактически изолированно, жить в соответствии со своими принципами.

Глава 4

Роман «Шепот мостов»

«Шепот мостов» – третий роман Али ал-Ма‘мари, изданный в 2007 г. В отличие от двух предыдущих романов, «Пространства последнего желания» и «Холма размышлений», это произведение ал-Ма‘мари тут же привлекло внимание арабской читающей публики и литературных критиков и получило высокую оценку. Сюжет, идеи и основные художественные образы, представленные в этом романе, неоднократно становились объектом изучения в арабских критических статьях и исследованиях, обсуждению этого романа было посвящено несколько культурных программ, которые транслировались по оманскому радиовещанию. Общественное мнение Омана единодушно признало роман «Шепот мостов» одним из лучших оманских романов: в частности, это произведение было включено Союзом арабских писателей в список ста лучших арабских романов [29]. Кроме того, известно, что летом 2021 г. Министерство культуры, спорта и молодежи Омана опубликовало перевод «Шепота мостов» на английском языке [20] [36].

Оманские критики и литераторы сходятся во мнении, что «Шепот мостов» также явился этапным произведением в творчестве ал-Ма‘мари. Так, оманский поэт Сама’ ‘Иса считает, что третий роман этого автора стал лучшим во всей его писательской карьере [23]. В свою очередь, оманская писательница и литературный критик Муна бинт Хабрас ас-Салимийа, как уже упоминалось во второй главе настоящей работы, утверждает, что именно «Шепот мостов» стал подлинным дебютом ал-Ма‘мари в качестве романиста [41]. Действительно, роман «Шепот мостов» – фактически, первое крупное произведение Али ал-Ма‘мари в котором есть сюжет, представляющий собой художественный вымысел, а не отвлеченные размышления автора или переосмысленные и приукрашенные события из его собственной жизни, как это было с его предыдущими произведениями «Пространства последнего желания» и «Холм размышлений». Кроме того, сюжет третьего романа ал-Ма‘мари

отличается от его первых двух романов большей целостностью: это уже не разрозненные картины, описывающие ситуации, в которые попадает рассказчик на острове Ко Самуи в «Пространствах последнего желания», и не всплывающие в сознании героя воспоминания о прожитых событиях в «Холме размышлений». В «Шепоте мостов» ал-Ма‘мари дает единое, связанное повествование, содержащее в себе определенную интригу и не отягощенное риторическими обращениями автора напрямую к читателям. Можно предположить, что именно отход ал-Ма‘мари от явных постмодернистских тенденций и художественное упрощение текста произведения сделали «Шепот мостов», по сути, первым произведением этого писателя, которое заслужило признание арабских читателей и критиков и получило широкое освещение в арабских СМИ.

Арабские критики также высоко оценили то, что в своем третьем романе Али ал-Ма‘мари обратился к подробному описанию исторических событий, происходивших в арабских странах Персидского залива, в частности, в Омане. Несмотря на то, что писатель обращался к эпизодам из истории своей страны и открыто давал им ту или иную оценку еще в предыдущем романе «Холм размышлений», в «Шепоте мостов» история Омана и Ближнего Востока играет ключевую роль в развитии сюжета. При этом, как отмечает оманский критик Хаммуд аш-Шукайли, в «Шепоте мостов» описание исторических событий не доминирует над собственно придуманным автором сюжетом [30]. Напротив, по мнению критика, автор романа творчески подошел к изложению истории, органично сочетая собственную фантазию с описанием фактов [30]. Также можно отметить, что такие оманские исследователи, как Фатима аш-Шайди и Хиляль ал-Хаджари, единодушно указывают на прекрасное знакомство ал-Ма‘мари с историей арабских стран, что позволило ему высказаться в своем романе по ряду тем, которые обычно не обсуждаются в оманском обществе [30]. К этим темам относятся тесные взаимоотношения оманских султанов с Великобританией и фактическая зависимость Омана от этой страны, а также внутренние междоусобицы Омана, например, война ал-Джебел ал-Ахдар и

повстанческое движение в провинции Дофар, которое и послужило основой для сюжета романа.

Описание войны в Дофаре (1962–1976 гг.), ее причин и последствий представлено в романе весьма подробно. Причем описание это – не сухая, точная информация, рассказанная бесстрастным историком: оно подано через призму фронтового быта простых бойцов Фронта освобождения Дофара, что придает драматизм повествованию и сразу же располагает читателей к самоотверженным, свободолюбивым революционерам. В «Шепоте мостов» ал-Ма‘мари описывает Дофарское восстание именно как последнюю попытку простых оманцев отстаивать свою самостоятельность и независимость от абсолютной власти султана Маската Са‘ида ибн Теймура. Таким образом, в своем третьем романе писатель продолжает свою критику государства, подавляющего волю собственных граждан, и отстаивает право личности жить в соответствии с собственными принципами и убеждениями – эти темы ал-Ма‘мари ранее озвучивал в предыдущем романе «Холм размышлений».

Роман «Шепот мостов» состоит из 18 глав и эпилога. Основные события книги происходят в Стамбуле в конце июля 2006 г., в главах с четвертой по девятую включительно повествование переносится в оманский Дофар и другие арабские страны. Язык произведения, как уже отмечалось, легче, чем в предыдущих романах писателя, не отягощен витиеватыми и яркими метафорами и абстрактными рассуждениями рассказчика. Напротив, повествование в этом романе предельно точно и сосредотачивается на описании конкретных поступков персонажей. Таким образом, «Шепот мостов» выглядит более реалистическим произведением, чем постмодернистские, полные абстракций тексты «Пространства последнего желания» и «Холм размышлений». Подобная тенденция к сосредоточению авторского внимания на описании действий персонажей будет продолжена и в следующем романе ал-Ма‘мари «Орикс», что, возможно, говорит о намеренном отходе писателя от своего уже привычного стиля.

Повествование в романе двухуровневое: первый уровень, изображающий современность (начало 2000-х гг.), представлен с точки зрения рассказчика, за фигурой которого, как и в предыдущих романах, скрывается сам Али ал-Ма‘мари. Второй уровень, в котором рассказывается о восстании в Дофаре, представлен с точки зрения уже вымышленного персонажа, женщины по имени Амина, которая была непосредственной участницей этих событий и решает поведать свою историю рассказчику.

Рассказчик в романе «Шепот мостов» – такое же альтер-эго Али ал-Ма‘мари, как и рассказчики в предыдущих романах писателя: этот образ также несет в себе определенные автобиографичные черты. Например, рассказчик, имя которого не называется напрямую, говорит, что друзья обращаются к нему Абу Сейф – под этим же именем Али ал-Ма‘мари был известен среди близких ему людей. Рассказчик описывает себя как вечного странника: «сегодня здесь, завтра там, как только представится случай» [4, с. 20], – таким же, по воспоминаниям своих друзей, был и сам писатель. Также в этом романе нашел отражение опыт проживания писателя в Турции – на это, в частности, указывает оманский писатель Махмуд ар-Рахби в своих воспоминаниях об ал-Ма‘мари [40]. Наконец, именно устами рассказчика писатель высказывает свою критику в адрес современной государственной системы, капитализма и империалистических амбиций западных держав – все эти темы являются основными в романном творчестве ал-Ма‘мари.

В то же время, стоит отметить, что писатель делает очевидные попытки дистанцироваться от образа рассказчика как своего альтер-эго, отказываясь от автобиографичного повествования, характерного для его предыдущих романов, в пользу художественного вымысла. В частности, образ рассказчика лишь в самых общих чертах, на которые было указано выше, отсылает читателей к жизни самого автора, в основном же он, скорее, лирический герой ал-Ма‘мари, в сущности, такой же вымышленный персонаж, как и другие герои романа. Эта попытка писателя отойти от метода написания художественного произведения как изображения и интерпретации реальных событий из своей жизни также

получит продолжение в романе «Орикс», в котором образ главного героя-рассказчика будет еще в меньшей степени содержать в себе автобиографические черты. Другим важным отличием рассказчика из «Шепота мостов» от его аналогов из предыдущих романов ал-Ма‘мари является то, что теперь этот персонаж не является главным героем – по большей части он лишь наблюдатель, только отчасти способствующий развитию сюжета произведения.

Подлинным же главным героем этого романа является Амина (араб. «верная»), с которой рассказчик встретился в Стамбуле и которая поведала ему свою историю. Амина – уроженка Кубы, ее настоящее имя Химена Антония Бьенсита, но в Стамбуле она также известна как Эмине-ханым. На момент повествования в романе (2006 г.) ей 59 лет, хотя рассказчику она кажется значительно моложе. Рассказчик долго пытается понять, откуда она родом: сначала он принимает ее за итальянскую актрису Софи Лорен, отмечая, что:

«несмотря на то, что в ваших чертах заметна примесь кастильской крови или чего-то в этом роде, в вас есть и что-то средиземноморское» [4, с. 30].

Однако он резюмирует, что она может быть родом только из Стамбула, «этого города, где смешалась различная кровь» [4, с. 30].

Химена еще в возрасте 22 лет, едва освоив профессию врача, решила посвятить себя борьбе угнетенных народов за свою свободу. Так, в 1969 г. она решает отправиться в Оман, где как раз в самом разгаре была Дофарская война. Химена, проведя несколько месяцев в Ливане, Сирии и Южном Йемене, контактируя с бойцами Фронта освобождения Дофара, Народного фронта освобождения Палестины и другими арабскими леворадикальными организациями, тесно сблизилась с арабами так, что стала ощущать себя одной из них. В знак этого она приняла новое имя «Амина». Она заводит себе преданных друзей и знакомится с другим молодым врачом-революционером – оманцем Хамданом, от которого у нее рождается сын Йаруб. Практически в самом конце войны, в октябре 1975 г., лагерь революционеров подвергается обстрелу, из-за взрыва Амина впадает в кому, Хамдан и Йаруб

предположительно погибают. Прележав в коме 10 лет, Амина приходит в себя уже в 1985 г. и предпринимает тщетные попытки выяснить судьбу своих мужа и сына.

Образ Химены-Амины-Эмине тесно связан с революционной тематикой. Так, она упоминает, что ее отец был одним из кубинских революционеров, бывших в отряде Че Гевары в Боливии и погибших вместе с ним в 1967 г. Сама героиня также встает на путь революции и борьбы за свободу от империалистического гнета. Даже живя в Стамбуле, она в основном дружит с коммунистами и художниками-нонконформистами, которые разделяют ее антиимпериалистические настроения. Очевидно, что этот персонаж глубоко симпатичен автору: ал-Ма‘мари вкладывает в уста Амины собственные мысли относительно политики современных государств и притеснения ими ни в чем не повинных граждан, которые имеют смелость следовать собственным принципам и убеждениям, не укладывающимся в рамки «нормы», дозволенной государством. Кроме того, писатель подчеркивает альтруизм Амины и ее преданность своим идеалам (на это указывает ее «говорящее» имя), в то время как ряд ее соратников предают идею революции, становясь на путь конформизма и смиренному служению государству – эта тема была затронута, хотя и вскользь, еще в романе «Холм размышлений».

Еще один персонаж, играющий важную роль в повествовании – молодой оманец по прозвищу Абу Хальфан. Это потерянный сын Амины Йаруб, подобранный в разоренном лагере революционеров и воспитанный в другой семье. Рассказчик познакомился с ним случайно в самолете по пути в Стамбул. На момент основных событий романа он – капризный и надменный сотрудник национального потребительского общества в Омани. Абу Хальфан – лицемер, пытающийся устроиться в жизни с как можно большим комфортом: он хвастается тем, что он патриот Омана, и поносит левую интеллигенцию в лице рассказчика за то, что они живут за границей, однако тут же демонстрирует свое преклонение перед всем иностранным. Он нагло пользуется своим высоким положением и богатством, но очень боится, что в Омани могут узнать

о его пребывании в США, куда добропорядочным оманским гражданам нельзя ездить. В образе Абу Хальфана ал-Ма‘мари представил свое видение современной арабской молодежи, порожденной провалом левого движения и борьбы за независимость в арабском мире и, как следствие, слепым подражанием Западу, экономической и идеологической зависимостью от него. Эта тема также была намечена в предыдущем романе писателя.

Помимо этих трех героев в «Шепоте мостов» также есть множество второстепенных персонажей, среди которых можно отдельно упомянуть семейство курдов, гостящих в Стамбуле. С курдами связана одна из постоянных тем романного творчества ал-Ма‘мари: преследование государством людей, отстаивающих свое право свободно жить в соответствии со своими принципами.

Роман начинается с того, что рассказчик вылетает из Омана в Стамбул, чтобы встретиться там со своим знакомым художником Эрдемом: рассказчик хочет передать ему статью с интервью, которое Эрдем дал в прошлом году оманскому поэту Салиху ал-‘Амири. Кроме того, рассказчик хочет написать исследование о стамбульских мостах, связывающих Европу и Азию. В самолете рядом с рассказчиком оказывается Абу Хальфан: ему, высокопоставленному служащему в Омани, по ошибке досталось место не в первом, а в эконом-классе, что приводит его в бешенство. Молодой человек летит в Стамбул, чтобы принять участие в международной конференции.

В салоне самолета Абу Хальфан ведет себя развязно: постоянно демонстрирует свое пренебрежение к простым людям; несмотря на то, что в самолете запрещено подавать алкоголь, он, пользуясь своим положением, заставляет стюардессу подать ему выпивку. Абу Хальфан напивается и начинает хвастаться перед рассказчиком своим новым заграничным мобильным телефоном и визитными карточками. Тот в свою очередь старается не обращать внимания на назойливого соседа и читает книгу. Когда Абу Хальфан видит, что

читает его сосед (это книга Мануэля Скорса⁸), то он понимает, что перед ним левый интеллигент и начинает нападать на рассказчика:

« – А, так вы из этих...

– Что вы имеете в виду?

– Этих писак, которым ничего не нравится у себя в стране! Только и видишь, как они пухнут в своих кафе и барах...<...> Взгляни, братец, на эту шайку: они же не патриоты, они безродные. Первое, что они делают – летят в Америку... <...> Видно же, что вы не хотите добра своей родине...» [4, сс. 16, 22]

В свою очередь рассказчик дает своему соседу отповедь, указывая на то, что «непатриотичным левым» отнюдь не безразлично, что происходит у них на родине:

«Вы, Абу Хальфан, безосновательно судите людей за то, что они не патриоты и предатели, что они бегут в Америку и не хотят блага своей родине, что у них нет чести. А вы сидели и общались с ними или просто повторяете то, что услышали? <...> Они патриоты, а не предатели, как вы считаете. <...> Неужели мы не патриоты и предатели, если хотим указать на коррупцию, фаворитизм, уничтожение возвышенных и прекрасных человеческих качеств и на прочие беды, которые постигли нашу землю?» [4, сс. 22–23]

После этого изумленный Абу Хальфан успокаивается, предлагает помириться и дает рассказчику свой телефонный номер. По прилету в Стамбул они обнаруживают забастовку сотрудников аэропорта, из-за чего они не могут получить свои вещи.

Рассказчик встречается с художником Эрдемом в одном из кафе Стамбула. Неожиданно к ним подходит женщина, которую Эрдем представляет как Эмине-ханым. Женщина, к удивлению рассказчика, приветствует его на

⁸ Мануэль Скорса (1928–1983 гг.) – перуанский поэт и прозаик, связанный с социалистическим Американским народно-революционным альянсом. В 1948 г. был вынужден уехать из Перу после военного переворота, организованного Мануэлем Одриа, чье правление в Перу ознаменовалось существенным сокращением гражданских прав. Скорса погиб в авиакатастрофе Boeing 747 под Мадридом.

оманском диалекте и спрашивает, не знает ли он некого Сейфа ибн Али. Рассказчик полагает, что она имеет в виду его сына, но та объясняет, что познакомилась с Сейфом более 30 лет назад и по ее предположению, он тоже оманец. Рассказчик знакомится с Эмине-ханым, но вскоре, сославшись на усталость, уходит в свою гостиницу. Женщина предлагает ему встретиться на следующий день.

Рассказчик гуляет по Стамбулу, изучает мосты через Босфор и знакомится с молодоженами-курдами. Они рассказывают, что вместе со своими семьями им пришлось бежать из Ирана и Ирака в Швецию. Рассказчик тоже бывал там, что еще больше располагает молодых людей к незнакомцу: они приглашают его на курдский праздник.

Рассказчик идет на встречу с Эмине. По пути он видит демонстрацию слепых, выступающих за свои права. Эмине приглашает рассказчика на выступление суфиев ордена Мевлеви из Коньи. Женщина поражает рассказчика своим знанием оманского диалекта. После этого они вместе отправляются на вечеринку в доме курдов-эмигрантов. Там мужчина знакомится с двумя курдскими девушками, Шаурак и Марьям, которые позже представляют ему свою подругу, журналистку из Украины Сашу Михалеву. Она занимается освещением палестинского конфликта, что становится поводом для беседы с рассказчиком и совместной критики политики США и Израиля в отношении арабского населения Палестины.

На следующий день рассказчик и Эмине вновь встречаются и гуляют по Стамбулу. Неожиданно они видят посольство Омана с перевернутым флагом, что настораживает рассказчика. Он звонит Абу Хальфану, чтобы узнать, не случилось ли что-нибудь плохое на родине, но тот успокаивает рассказчика, что это лишь недоразумение. Тут же Эмине получает по телефону сообщение о том, что в ее квартире прорвало трубу, и теперь ей нужно скорее возвращаться. Однако она оставляет рассказчику тетрадь со своими воспоминаниями и предлагает ему ознакомиться с ними.

Воспоминания начинаются с того, что Эмине (тогда еще Химена), молодая врач с Кубы, прибывает в Бейрут 15 декабря 1969 г., чтобы пройти необходимую подготовку и отправиться на юг Аравийского полуострова и принять участие в революционной борьбе против империалистов. Вместе с ней приехали ее товарищи по Гаванскому университету – врач Рауль и Абу Гассан, палестинский беженец, изучавший в Гаване юриспруденцию. Именно с подачи Абу Гассана, члена НФОП, Химена и Рауль решают принять участие в национально-освободительной борьбе арабов.

Рауль, выйдя на прогулку, исчезает. Абу Гассан и его товарищи, опасаясь, что Рауля могли схватить враги, ищут его по всему Бейруту. В конце концов, они выясняют, что он бросил их и уехал в Грецию.

Химена решает сменить имя: теперь она Амина. Абу Гассан и его товарищи посвящают ее в историю освободительного движения в Омане: рассказывают ей о войне ал-Джебел ал-Ахдар и причинах повстанческого движения в Дофаре, об особенностях этой войны. Вскоре она перебирается в Дамаск, а оттуда – в Аден, куда ее сопровождают новые товарищи: Сейф ибн Али и Хийар, с которой Амина сохранит дружбу на всю жизнь.

В начале 1970 г. Амина и ее товарищи попадают в лагерь повстанцев в Дофаре. Их встречает суровый комендант лагеря, которого Амина про себя называет «Иосиф Сталин» за внешнее сходство с советским лидером. В тот же день девушка становится свидетельницей казни предателя, имевшего связи с султаном Маската. Это событие повергает ее в шок.

Во время работы в лагере Амина знакомится с другими революционерами: это врач Табук Хамран, ‘Улья и ее муж, учитель Абд ар-Рахман. Также она знакомится с молодым врачом Хамданом, оманцем, который волею судеб жил в Испании, где впервые завязал отношения с революционерами. Между молодыми людьми возникают чувства.

Постепенно Амина открывает для себя не самую привлекательную сторону революционеров: так, ее подругу Хийар изгоняют из лагеря интриганы из руководства Народного фронта освобождения Омана. Кроме того, Амину

возмущает то, что комендант лагеря «Сталин» превышает свои должностные полномочия, курируя, в частности, личные дела больных.

Среди революционеров распространяются упадочные и реакционные настроения, т.к. борьба не приносит никаких результатов. Более того, в 1970 г. леворадикальному движению в арабском мире было нанесено несколько сильных ударов: в Сирии власть захватил Хафиз ал-Асад, ставший единоличным правителем страны; из Иордании была изгнана ООП. В тот же год в самом Омане пришел к власти новый султан Кабус, пообещавший амнистию тем революционерам, которые добровольно согласятся перейти на сторону правительства. На это предложение откликаются многие, среди них комендант «Сталин» и доктор Табук: они бегут из лагеря в Салалу, где получают высокие должности. Вскоре сбегает и друзья Амины ‘Улья и Абд ар-Рахман.

В канун 1971 г. Хамдан делает Амине предложение, и уже в сентябре у них рождается сын Йаруб.

За период 1972–1975 гг. повстанческое движение захлебывается: идеи революционеров не пользуются популярностью у племен Омана; войска султана же получают поддержку со стороны Великобритании и шахского Ирана. В октябре 1975 г. лагерь повстанцев подвергается бомбежке, один из снарядов падает прямо на палатку, где находились Хамдан с сыном, Амина получает ранение, в результате которого впадает в кому.

Женщина приходит в себя 25 октября 1985 г. спустя ровно 10 лет уже на Кубе. Амине сообщают, что ее сын и муж погибли.

На этом месте записи Амины заканчиваются. Рассказчик взволнован, он хочет поскорее увидеться с женщиной, но перед этим отправляется к Абу Хальфану. Тот продолжает наслаждаться «благами», недоступными ему в Омане: он вызывает при госте двух проституток, но рассказчик отказывается от них; затем оба отправляются в кафе, где Абу Хальфан договорился встретиться с той самой стюардессой из самолета и ее подругой. Молодой человек увлечен

подругой стюардессы. Все это производит гадкое впечатление на рассказчика, он уходит.

Рассказчик наконец-то встречает Амину, они получают приглашение в гости к Марьям, Шаурак и Саше. Девушки радостно сообщают гостям, что они получили приглашение от одного американского СМИ отправиться в Ливан освещать события Второй ливанской войны. Эта новость выводит Амину из себя, и она в резких тонах высказывается об империалистической политике США, которая пытается извлечь свою выгоду из представления арабских боевиков террористами:

«Никто не может обуздать Израиль, который каждый день и каждую минуту приносит разрушения Ливану, нарушая международное законодательство. Ведь это шанс для Америки снизить градус недовольства и гнева, которые накопились в американском обществе из-за того, что произошло в Ираке...<...> И вот вы, тележурналистка, не можете распознать в репортаже промывку мозгов, которой каждый день подвергается зритель. Или вы не читали, что стерильность – один из приоритетов империалистических СМИ, когда на американском канале проводят интервью с арабом и сионистом? <...> Вот утонченный, цивилизованный, притесняемый сионист, говорящий с акцентом жителя Нью-Джерси. А вот араб со всеми явными признаками террориста во внешности и речи, которые тиражируются в СМИ» [4, сс. 144–146].

Рассказчика смущает речь Амины. Он говорит ей: «Революция все еще кипит в вашей крови» [4, с. 146]. Оба уходят от девушек.

Амина решает закончить свою историю. Она вспоминает, что, несмотря на все попытки, она так и не смогла узнать что-либо о сыне. Она едет в Маскат, где случайно встречает бывшего товарища доктора Табука: тот теперь уважаемый человек. Он очень боится, что кто-нибудь узнает о его революционном прошлом, и просит Амину забыть обо всем. Однако Амина встречает Хийар, которая вернулась в Оман, чтобы помочь подруге найти сына. Тем не менее, все поиски тщетны, хотя Амина и узнает, что после той

бомбардировки лагеря были выжившие: у женщины появляется надежда, что среди них был ее сын. Амина также вспоминает о своей встрече с другими товарищами, ‘Ульей и Абд ар-Рахманом, которые живут в Дубае. Теперь они стали набожны и очень богаты, и Амина понимает, что потеряла еще двух друзей. После многих лет бесплодных поисков она решает осесть в Стамбуле.

Тем временем Абу Хальфан сообщает рассказчику, что он подхватил гонорею от подружки стюардессы. Рассказчик ведет его к знакомому врачу и во время визита узнает, что Абу Хальфана на самом деле зовут Йаруб, по возрасту он также похож на сына Амины. Рассказчик начинает что-то подозревать. Он просит Амину показать ему фотографии Хамдана и Йаруба, но когда она приносит их, забывает их посмотреть.

Амина знакомит рассказчика со своей подругой Дано, художницей-коммунисткой. Они втроем идут в кафе, и вскоре Амина оставляет их. Рассказчик и Дано остаются наедине, выпивают, а после идут в ее место вдохновения – на православное кладбище, где занимаются любовью. Наутро рассказчик просыпается уже у Дано. Между ними завязываются отношения.

Неожиданно рассказчику звонит Абу Хальфан и сообщает, что он намерен жениться на той самой подружке стюардессы, а сейчас он едет с ней в Бурсу. Это известие удивляет рассказчика, он пытается связаться с Аминой, но она не отвечает на его звонки. Тогда он рассказывает Дано историю Амины, а заодно о своих подозрениях относительно Абу Хальфана. Рассказчик и Дано, чувствуя неладное, спешат в Бурсу. По дороге они узнают, что на канатной дороге в Бурсе произошла беда: оборвался трос, есть пострадавшие. Рассказчику удается выяснить, что Абу Хальфан получил травмы и теперь лежит в больнице, его подружка здорова. При этом рассказчик становится свидетелем того, что турецкая полиция арестовывает десятки людей, подозревая их в причастности к трагедии, хотя в ходе расследования выясняется, что причиной обрыва троса стала халатность рабочих. Рассказчик вновь безуспешно пытается связаться с Аминой. Когда у него ничего не получается, он посылает Дано обратно в Стамбул узнать, что с Аминой.

В конце концов, приходит известие о смерти Абу Хальфана, что приводит рассказчика в ужас. Он возвращается в Стамбул, где Дано сообщает, что Амина умерла от сердечного приступа в один день с Абу Хальфаном. Женщина обвиняет рассказчика в том, что он так и не рассказал Амине об Абу Хальфане. Наконец, рассказчик смотрит на фотографии Хамдана и Йаруба и убеждается в очевидном сходстве Абу Хальфана и мужа Амины. Рассказчик окончательно понимает, что молодой человек был сыном Амины, с которым ей так и не довелось встретиться.

В ожидании похорон Амины рассказчик и Дано идут в кинотеатр на фильм С. Спилберга «Мюнхен», посвященный антитеррористической операции спецслужб Израиля против палестинских боевиков. Рассказчик разочарован: в его глазах этот фильм – сплошная пропаганда, воспевающая «подвиг» благородных членов Моссада, карающих злых арабов-террористов.

Прибывает подруга Амины с Кубы, распоряжающаяся ее наследством. Так, рассказчику достаются записи и воспоминания Амины, чтобы он мог воспользоваться ими при написании романа. Прах Амины разделен на три части: две развеяны над Босфором и в одном из заливов Кубы, а третья передана друзьям в Омане, в месте, которое всегда оставалось в ее сердце.

Как видно из краткого содержания романа, ал-Ма‘мари сосредотачивает повествование, в основном, на описании внешних действий персонажей. Они постоянно передвигаются по улицам Стамбула, сидят в кафе и барах, беседуют друг с другом на различные темы. При этом описания улиц и различных районов Стамбула приводятся столь подробно и топографически точно, что оманский поэт Сама’ ‘Иса охарактеризовал «Шепот мостов» как «роман мест» [23]. В романе также присутствует множество второстепенных персонажей, цель которых, фактически, – дать рассказчику и Амине (именно их устами изъясняется автор) высказать свои взгляды.

Стоит отметить, что все эти перемещения главных героев и обилие второстепенных персонажей только отвлекают внимание читателей от основной сюжетной линии и главной интриги романа – судьбы сына Амины.

При прочтении книги возникает ощущение, что автор либо намеренно тормозит развитие сюжета, либо ему вовсе неинтересно рассказывать о жизни Амины. Так, герои часто переносят встречи друг с другом на другой срок, часто отвлекаются на прогулки, посиделки в кафе и беседы о политике, которые для автора явно интереснее мелодрамы о поисках матерью своего сына. Рассказчик даже не утруждает себя изучить фотографии мужа и сына Амины, когда та их приносит, что, по сути, и приводит к трагической развязке романа. Таким образом, можно предположить, что внешняя «художественность» романа «Шепот мостов» – не более чем прикрытие для того, чтобы писатель мог свободнее высказываться, донося свою мысль до широких масс читателей. Можно даже сказать, что в этом произведении сюжет, хотя бы и проработанный и содержащий в себе определенную интригу, вторичен по отношению к тем идеям автора, которые проговаривают его герои. В конце концов, предыдущие романы ал-Ма‘мари, при написании которых автор, очевидно, не сильно утруждал себя проработкой сюжета, а был больше заинтересован в изложении своих взглядов на современный мир, не снискали особой популярности и прошли практически незамеченными, в отличие от более художественного «Шепота мостов».

Тем не менее, в «Шепоте мостов» сохраняется характерная для предыдущих романов ал-Ма‘мари особенность: переплетение реальности и вымысла. Так, в романе дается намек на то, что толчком к его написанию послужила встреча самого автора (который настойчиво ассоциируется с рассказчиком) с Аминой, а часть текста якобы является выдержкой из ее воспоминаний. Другой отсылкой к этой писательской манере ал-Ма‘мари можно считать эпизод, в котором рассказчик, гуляя по Стамбулу, заходит к своей старой знакомой, чьим предком был хедив Египта Исмаил. Старушка рассказывает красивую легенду о том, как хедив Исмаил был влюблен в последнюю императрицу Франции Евгению, жену Наполеона III, и якобы подарил ей один из своих дворцов в каирском районе аз-Замалик. Как резюмирует рассказчик: «В ее рассказах была неписаная история о дворце и о

том, какие события в нем происходили» [4, сс. 46–47]. Рассказчик нисколько не сомневается в истинности этой легенды, напротив, для него это факт, ускользнувший от внимания официальной истории. Эти элементы повествования в романе «Шепот мостов» можно считать своего рода данью автора доминировавшему в его первых двух романах постмодернистскому видению мира, в котором исчезает грань между реальностью и фантазией, т.к. ал-Ма‘мари все больше склоняется к тому, чтобы создавать сюжеты для своих романов именно на основе художественного вымысла.

В романе «Шепот мостов» обращает на себя внимание ряд ярких символов. Самый очевидный из них, вынесенный в заглавие книги, это мосты. Так, уже в самом начале книги автор пишет об «этих каналах, узах и мостах, которые связывают азиатский и европейский берега города Стамбул» [4, с. 31]. Место, в котором разворачиваются события романа, само по себе символично, ведь Стамбул – это место соединения Европы и Азии, Запада и Востока. Это место, где, как пишет ал-Ма‘мари, «смешалась различная кровь» [4, с. 30]. Именно стамбульские мосты делают возможным это соединение разных континентов, разных культур и национальностей. Этому объединению народов способствуют не только реальные мосты через Босфор. «Гробницы – это тайные мосты, ведущие в другие миры» [4, с. 186], так говорит рассказчику Дано после посещения ими православного кладбища. Могилы, оставшиеся от предыдущих эпох, это воплощение преемственности поколений и самой истории, объединяющей всех людей на Земле. Приведенная реплика Дано кажется значимой именно потому, что история Стамбула, греческого Константинополя, объединяет в себе разные эпохи, разные этапы истории – христианский и исламский.

В Стамбуле, каким его изобразил ал-Ма‘мари, мирно сосуществуют арабы из разных стран, курды, кубинцы, украинцы и т.д., которые могут вместе сходить в ирландский паб под названием «Джеймс Джойс», посетить выступление суфиев и побывать на курдской свадьбе. Мосты Стамбула (будь то реальные мосты через Босфор или гробницы) соединяют разные миры и эпохи

в единое пространство, в котором стираются национальные, религиозные и культурные различия, остается лишь Человек, внутренне свободный и уважающий чужое мировоззрение.

Менее очевидна роль, которую играют в романе слепые, неоднократно упоминаемые в тексте романа. Однако именно их присутствие в произведении дает понять рассказчику, что:

«Слепые <...> одни из разумнейших существ в природе. Слепой видит больше и точнее, чем зрячий, ведь он смотрит разумом, а не глазами» [4, с. 37].

Понять, что же такого видит слепой, что не доступно глазу зрячего, можно, если помнить, что в своих романах ал-Ма‘мари превозносит общечеловеческое достоинство и такие непреходящие ценности, как свобода и справедливость, которые невозможно уложить в узкие рамки религиозных догматов, расовых теорий и государственной идеологии. Слепой не различает людей ни по внешнему виду, ни по религиозной и национальной принадлежности: для этого мира, полного условностей, придуманных людьми же, он слеп. Однако он прозрел для иного мира, не поверхностного, но глубинного, мира подлинной человечности, свободной от этих условностей. Слепой видит не европейца или араба, ни христианина или мусульманина, а Человека, который либо добр, либо зол, либо борется за справедливость, либо попирает ее. Подобная интерпретация этого образа вполне соответствует общему направлению мысли в романном творчестве ал-Ма‘мари.

К образам мостов, Стамбула и слепых, в которых нашла отражение надежда ал-Ма‘мари на мирное и достойное сосуществование разных народов (надежда, воплощенная в утопических фантазиях о королевстве Урса и ферме «Холм размышлений» из предыдущих романов писателя), примыкает образ главной героини, Амины. Этот персонаж олицетворяет собой того самого Человека, который ценит превыше всего свободу, справедливость и право всех людей жить в соответствии с собственными убеждениями, не посягая на это же право у других людей. Амина не делает разницы между людьми, не обращает

внимания на условности, принятые в человеческом обществе: она дружит с представителями разных национальностей и религий, сама тянется к другим культурам. Сам ее внешний вид и метаморфозы ее имени указывают на ее интернациональность и открытость всему миру. Так, увидев Амину впервые, рассказчик не может понять, откуда она: в ней как будто присутствует смешение разных национальностей. Урожденная Химена, воспитанная в революционной традиции, она обнаруживает смелость сменить свою идентичность: вместе с новым именем Амина она как бы обретает новую родину в арабском мире, конкретно в Омане. Она говорит:

«Послушайте! В моем сердце поселилось нечто, называемое Оманом, и я чувствую, как оно все сильнее и сильнее пульсирует жизнью» [4, с. 147].

Амина не перестает быть кубинкой – ведь она завещает развеять часть своего праха именно на родине. При этом она понимает свою связь с Оманом, где у нее были друзья, где она любила и родила сына. Собственно, уже не так важно, кубинка она или оманка, если всюду она являет собой образец человечности. Таким образом, Амина демонстрирует на своем примере всю условность разделения человечества на расы, национальности, вероисповедания и государства. Истинно свободный и зрелый человек не привязан к одной точке на земном шаре, ему открыт весь мир, и такой человек может легко менять свою идентичность, ведь он находит нечто прекрасное и достойное подражания в любой культуре.

Стоит отметить, что с образом Амины перекликается образ ее подруги, художницы-коммунистки Дано. В этой женщине, как отмечает рассказчик, тоже смешаны разные национальности: ее лицо «овальное с индоевропейскими чертами и монголоидным разрезом глаз» [4, с. 184]. Этот персонаж также изображен с большой симпатией, что, опять же, указывает на то, что именно в интернациональности, равноправии и дружбе народов ал-Ма‘мари видит идеал.

Революционерке-интернационалистке середины XX-ого века, Амине, противопоставлен представитель современного поколения арабов, ее сын Йаруб Абу Хальфан. Этот персонаж изображен в романе незрелым, капризным,

легко поддающимся на любые соблазны. Он словно потерявшийся ребенок – фактически, он действительно остался без отца и матери, примеру которых он мог бы последовать. Воспитанный в чужой семье, оторванный от своих корней, Абу Хальфан не смог обрести свое место в этом мире, а его личность не сформирована. В отличие от зрелой и внутренне свободной Амины, которая под любым именем и в любой точке земного шара остается самой собой, Абу Хальфан стремится причислить себя хоть к какому-то сообществу именно в силу своей незрелости и неумения быть самим собой. С одной стороны, этот персонаж очень хочет быть арабом, оманцем. Он с возмущением нападает на рассказчика, заподозрив в нем «левого писаку»:

«Затем он с видимым тщеславием начал подбирать громкие и тяжеловесные выражения, говоря, что они [левые] отщепенцы, которые хотят привезти на танках демократию <...>: разве вы не видите, что происходит в Ираке, или я не знаю, что происходит в Ливане и Сирии?..» [4, с. 16].

Прикрываясь подобной реакционной риторикой, Абу Хальфан пытается причислить себя к истинным патриотам Омана, которые не могут допустить вторжения в их страну «демократии на танках». Однако в том же разговоре с рассказчиком Абу Хальфан, уже пьяный, демонстрирует презрение к своим соотечественникам, противопоставляя «отсталых» арабов «цивилизованному» миру:

«Братец, у тебя нет ни номера мобильного телефона <...>, ни визитки. Когда же вы нормально заживете?! Когда научитесь у японцев и цивилизованных людей, как нужно себя цивилизованно вести, когда?» [4, с. 20].

Абу Хальфана, представляющего себя поборником существующего порядка в Омане, на деле тяготится арабо-мусульманскими традициями. Молодому человеку стыдно принадлежать к «отсталой» цивилизации, и он стремится приобщиться к Западу, культурному и цивилизованному. Едва покинув Оман, Абу Хальфан тут же принимается копировать западный образ

поведения, но берет от него самое худшее, будучи не в силах увидеть по-настоящему лучшие проявления западной культуры.

Таким образом, Абу Хальфан, с одной стороны, оказывается оторванным от своих корней: он даже намеренно не пользуется своим настоящим именем, Йаруб, предпочитая ему прозвище. Его имя также символично, ведь Йаруб – легендарный прародитель арабов. Подлинное имя Абу Хальфана указывает на его происхождение, но он отказывается от подобной идентификации и тут же вступает в противоречие с самим собой, изображая себя патриотом Омана. С другой стороны, Абу Хальфан не способен по-настоящему принадлежать западной культуре, т.к. просто не видит ее истинного содержания и попадает на соблазны вроде выпивки и свободного секса. В этом и проявляется отсутствие зрелости и самостоятельности у Абу Хальфана: он отчаянно стремится быть хоть кем-то (арабом, европейцем), т.к. не смог стать самим собой (личностью). При этом ал-Ма‘мари изображает Абу Хальфана человеком от природы неплохим: он легко мирится с рассказчиком, даже во время ссоры угощает его пивом, а в конце произведения, перед самой гибелью, вовсе предпринимает попытку стать лучше и покончить с беспорядочной жизнью. Однако, несмотря на это, в итоге Абу Хальфан оказывается никем, по-настоящему безродным: от одного пристанища он отказался, а другому не может соответствовать. Возможно, недаром первое и последнее появление этого персонажа происходит где-то в воздухе: в салоне самолета, а затем на канатной дороге. Абу Хальфан оказывается как бы подвешенным в пространственно-временном небытии без какой-либо привязки к реальному миру.

Очевидно, что в образе этого героя нашла отражение критика ал-Ма‘мари в отношении современного поколения арабов (конкретно в Омане и других арабских странах Персидского залива), пришедшего на смену поколению борцов за национальную независимость середины XX в. Недовольство писателя современным состоянием арабов можно усмотреть в ряде эпизодов романа. Так, понаблюдав за бесстыдным поведением Абу Хальфана в Стамбуле,

рассказчик вспоминает греческий миф о Цирцее, превратившей спутников Одиссея, попавшего в ее владения, в свиней. С такими свиньями рассказчик и сравнивает современных оманцев. Кроме того, весьма примечателен эпизод, в котором рассказчик видит перевернутый государственный флаг Омана у посольства в Стамбуле. Вообще, перевернутый государственный флаг может восприниматься как осквернение государственной символики или как обозначение бедственного положения страны, например поражения в войне. Поэтому-то рассказчик встревожился от увиденного. Сам этот эпизод, по видимому, означает, что, в глазах ал-Ма‘мари, Оман потерпел поражение от Запада и сдался перед ним, утратив фактическую независимость.

Подобные упреки писателя в адрес современного арабского общества, позволившего поставить себя в экономическую и идеологическую зависимость от Запада, звучали еще в романе «Холм размышлений». Современное арабское общество, в представлении ал-Ма‘мари, не только порвало со своим прошлым и традициями, но и неумело подражает западному обществу потребления. В итоге, такое общество теряет свою индивидуальность, растворяясь в плавильном котле глобализации. В этом олицетворении арабского общества в образе Абу Хальфана усматривается типичная для романов ал-Ма‘мари параллель между свободой личности и национальной независимостью. И личность, и нация должны «созреть» для того, чтобы самостоятельно выбирать свой путь и свою идентичность в мире. Однако в эпоху глобализации такие «незрелые» общества, оторванные от своего прошлого и экономически неразвитые, вынуждены соответствовать тем стандартам, которые задают мировые лидеры. Таким образом, Абу Хальфан, порождение глобализации, противопоставлен Амине, воплощению интернационализма, равноправия и дружбы народов.

Образы Амины и Абу Хальфана непосредственно связаны с темой революции. В свою очередь, эта тема в романе «Шепот мостов», как отмечает оманский писатель Захир ас-Салими [26], связана с темой смерти, гибели. Революционерка-интернационалистка Амина, поставившая своей целью

освобождение угнетенных народов, становится воплощением самого духа революции. Она отдает всю себя повстанческому движению ради будущего народа Омана. Это будущее, порожденное самой революцией и повстанческим движением, воплощено в сыне Амины Абу Хальфане. Однако революция захлебывается и сменяется авторитарным гнетом султана, и вместе с революцией гибнет Амина. Причем умирает она практически дважды: первый раз в самом конце восстания, когда она впадает в кому и 10 лет пребывает в небытии, а во второй уже окончательно спустя много лет после пробуждения. При этом годы после пробуждения, которые Амина провела в тщетных поисках сына (того самого потерянного поколения оманцев, которое воплощает Абу Хальфан), мало чем отличаются от ее комы или смерти: в жизни этой героини больше нет места борьбе за счастье человечества, есть только рефлексия и тоска по утраченным плодам революции. Роман «Шепот мостов» наполнен очевидной тоской ал-Ма‘мари по гибели революционного и освободительного движения, угасания борьбы за независимость, братство и равноправие всех народов. Эта тоска писателя становится тем более очевидной, что он тут же демонстрирует, что стало с обществом, за счастье которого боролось поколение революционеров. Гибель революционного движения привела к тому, что на смену борцам за свободу и справедливость пришло потерянное поколение, неспособное найти свое место в мире. Таким образом, история о потери матерью своего ребенка становится метафорой разрыва между новым поколением арабов, пошедшего по пути общества потребления, и идеалами и традициями прошлого. Однако и это новое общество, потерявшееся в пространстве и времени, в представлении ал-Ма‘мари, нежизнеспособно: Абу Хальфан, оторванный от своей родины, не обретший себя и не сумевший найти свое место в мире, умирает, как и его мать. Видимо, именно таким видит ал-Ма‘мари будущее арабов, так и не сумевших обрести национальную независимость от Запада.

В своем третьем романе ал-Ма‘мари также дает свой ответ на вопрос о причинах поражения Дофарского восстания, которые и привели к появлению

«потерянного» поколения оманцев. Помимо вполне объективных причин, вроде непопулярности социалистических и коммунистических идей у оманских племен, отсутствия налаженной связи между отрядами повстанцев и плохой выучки бойцов, писатель указывает на предательство идеи революции как на основной фактор, приведший к поражению повстанцев. Испытывая очевидную симпатию по отношению к самой революции в Дофаре, писатель в то же время сохраняет объективность, не идеализируя самих повстанцев. Так, наряду с такими искренними, преданными делу бойцами, как Амина (чьё имя так и переводится с арабского – «верная»), её муж Хамдан, подруга Хийар и товарищ Абу Гассан, ал-Ма‘мари изображает тех, кто на поверку оказался лишь «попутчиками» революции. Это и властолюбивый комендант «Сталин» и трусоватый доктор Табук, предавшие общее дело ради высоких должностей в администрации султана Кабуса. Это и ‘Улья с её мужем Абд ар-Рахманом, променявшие революционные идеалы на роскошную жизнь в Дубае. Личные интересы и желание удобнее устроиться в жизни оказались для этих людей выше служения общему благу. В романе «Холм размышлений» ал-Ма‘мари уже упоминал схожую ситуацию, когда описывал своих товарищей и знакомых, которые в молодости «вообразили себя борцами и политиками, просто первостатейными Троцкими», а впоследствии «стали воплощением тирании» [2, с. 280]. Таким образом, в романах ал-Ма‘мари прослеживается мысль о тщетности любой революции и любых попыток изменить существующих несправедливый порядок вещей, пока сами люди, делающие революцию, преследуют, в первую очередь, собственные корыстные цели. Возможно, именно по этой причине Амина, осознавшая эту горькую истину, после поражения повстанцев в Дофаре отказывается от любой деятельности: ведь отчасти из-за предательства со стороны подобных «попутчиков революции» она и потеряла своего сына, т.е. того будущего, ради которого она боролась. От активной борьбы с существующей несправедливостью отказывается и рассказчик (а с ним, возможно, и сам писатель): он предпочитает вести жизнь вечного странника, индивидуалиста, не привязанного к какому-либо месту и не

скованного какими-либо условностями. Идея отказа от реальных действий и борьбы с тиранией в пользу личной независимости была озвучена еще в романе «Холм размышлений».

Итог, который подводит ал-Ма‘мари, печален: победу в революции одержали своекорыстные и властолюбивые интриганы. Именно в их руках оказалась судьба Омана и того нового поколения, ради которого сражались революционеры. Интересно, что ал-Ма‘мари ни в чем напрямую не обвиняет новую администрацию султана, в которую вошли предатели интересов народа Омана – так, по крайней мере, в «Шепоте мостов», т.к. уже в следующем своем романе «Орикс» писатель обрушится с резкой критикой именно на оманское правительство. Однако сами события, описанные в «Шепоте мостов», подразумевают, что именно предатели общего дела, вроде «Сталина» и Табука, взрастили новое поколение, к которому принадлежит Абу Хальфан. Именно на тех, кто счел собственное благополучие важнее счастья всего народа, лежит вина за появление этого «потерянного поколения», которое уже не имеет никакой связи со своими корнями, своим прошлым, но не имеет и будущего, т.к. оно утратило всякую самостоятельность. По этому поводу оманская писательница ‘Изза ал-Кимйани отмечает, что именно равнодушные ал-Ма‘мари к проблемам злоупотреблений правящего в Омани класса и коррупции является одной из самых ярких черт в романе [33].

Тема революции, недовольства существующим порядком пронизывает роман «Шепот мостов». Так, уже в первой главе рассказчик сначала оправдывает «левых», пытающихся улучшить жизнь своих сограждан через критику правительства, а затем становится свидетелем забастовки рабочих стамбульского аэропорта, требующих улучшения своего положения. Во второй главе романа описана демонстрация слепых, выступающих за равноправие со зрячими. Эти сцены задают тон повествованию и не только подготавливают читателя к дальнейшему описанию Дофарского восстания, но и знакомят с точкой зрения автора, критически настроенного по отношению к государству. Для того чтобы понять авторскую позицию по этому вопросу, далее будут

проанализированы наиболее яркие эпизоды, связанные с критикой государства: первый разговор рассказчика с Абу Хальфаном в самолете, один из вечеров, проведенный рассказчиком у курдов, и эпизод в Басре, где турецкая полиция пытается выяснить причины обрыва троса на канатной дороге.

Как уже упоминалось, при самой первой встрече рассказчика с Абу Хальфаном последний начал обвинять своего собеседника и подобных ему «писак» в отсутствии патриотизма и предательстве именно потому, что левой интеллигенции «ничего не нравится у себя в стране». В свою очередь рассказчик объясняет Абу Хальфану, что эти люди, критикующие существующие в обществе проблемы, стремятся их исправить:

«Быть может, у них будет шанс обнаружить, что <...> в системе есть фатальная ошибка. Никто не хочет слушать о проблемах и исправлять их» [4, с. 22].

В то же время, такие «пламенные патриоты», как Абу Хальфан, игнорируют реальные проблемы, воображая себе, что все хорошо:

«Знайте же, господин Абу Хальфан, что глава правления вашего общества – один из <...> предводителей мафии в нашей разграбленной стране. Они изобрели для вас, господин Абу Хальфан, и вам подобным специальные очки и наушники и хотят, чтобы вы видели и слышали то, что они позволяют вам слышать и видеть. Кажется, что вы уже давно не видели, что происходит на окраинах городов, и уже давно не были в деревнях... <...>. Вы видите лишь то, что угодно инженеру в городе» [4, с. 23].

Рассказчик также заявляет, что «основа кражи – это закон» [4, с. 22]. Таким образом, автор дает понять, что в государстве, правительстве и держателях крупного капитала он видит лишь группу людей, заинтересованных, прежде всего, в реализации собственных интересов, даже если это идет в ущерб основному населению. Ради этого «государственные мужи» готовы подтасовывать факты и внушать людям, что никаких проблем нет. Тех же, кто осмеливается выступить с критикой правительства и

существующего порядка, тут же причисляют к предателям, которые хотят «привести на танках демократию».

Государство устраивает гонения не только на тех, кто критикует его и посягает на его правоту, но и на тех, кто выделяется на фоне масс, пытаясь сохранить свою индивидуальность (будь она основана на национальной, религиозной и иной принадлежности). В «Шепоте мостов» в роли гонимых за свои убеждения и желание отстаивать свое право на самоопределение выступают курды. Ал-Ма‘мари приводит ряд эпизодов, в которых описывает печальную судьбу этого народа, который не может претендовать на самостоятельность у себя на родине в ряде стран Ближнего Востока. Поэтому курды вынуждены эмигрировать в Европу, но даже там им не везде дозволено жить так, как они находят нужным. Так, в одной из сцен романа, описывающих очередную вечеринку у курдов, глава курдского семейства рассказывает о причинах, побудивших его с семьей бежать в Швецию. Изначально, эти курды жили в Париже, но оттуда их выгнали преследования со стороны секретной службы безопасности и правых экстремистов. Таким образом, ал-Ма‘мари делает акцент на конфронтации личности, пытающейся реализовать свое право жить в соответствии с собственными принципами, и государства, которое видит в подобной свободе личности угрозу собственным интересам. Напротив, государству гораздо выгоднее полная монолитность общества, нежели его разнообразие, ведь людей, каждый из которых живет так, как хочет, труднее подчинить интересам правящей верхушки.

Ал-Ма‘мари продолжает критику государства за его посягательство на права и свободу граждан в одном из финальных эпизодов «Шепота мостов», а именно в сцене, в которой рассказчик прибывает в Бурсу в поисках Абу Хальфана. Чтобы найти молодого человека, рассказчик приходит в полицейский участок, где узнает, что полиция задерживает десятки людей, которые не могут понять, в чем их обвиняют. Оказывается, полиция, расследуя причины обрыва троса на канатной дороге, полагает, что к этому причастны террористы. Однако выясняется, что причина трагедии более прозаична:

простая халатность рабочих канатной дороги. Возможно, в этом эпизоде ал-Ма‘мари высмеивает паникерство госструктур, готовых в любом инциденте увидеть «скрытую руку терроризма» [4, с. 225], посягающую на государственный авторитет. Еще не разобравшись в причинах несчастного случая, государство уже готово возложить вину на простых граждан, которые никак не могут быть причастны к этому событию. В связи с этим эпизодом можно вспомнить уже приведенную ранее цитату о слепых, которые «видят больше и точнее, чем зрячие» [4, с. 37]. Как бы государство ни пыталось высмотреть среди простых людей своего врага-террориста, оно не увидело банального просчета в организации работы канатной дороги, что не только привело к гибели и страданиям людей, но и повлекло за собой аресты и притеснение ни в чем не повинных граждан. Можно сказать, что для ал-Ма‘мари было бы лучше, если бы государство в принципе не делало ничего для «улучшения» жизни граждан: так, по крайней мере, оно не причиняло бы самим людям беспокойство. Такая точка зрения напоминает о высказывании Г. Торо, о влиянии которого на писателя говорилось в предыдущей главе настоящей работы: «Лучшее правительство то, которое вовсе не правит» [18, с. 1].

Таким образом, в своем третьем романе ал-Ма‘мари критикует государство и существующие порядки (будь то в арабских странах, Турции или Европе) в типичном для левой мысли ключе (почти анархическом): через противопоставление личности государству. В представлении ал-Ма‘мари, каждый человек имеет право жить так, как считает нужным для себя. Государство же ограничивает человека в этом праве, устанавливая для населения некую «норму», от которой никто не должен отклоняться. Если же это происходит, и личность отстаивает свое право на самоопределение и сохранение своей индивидуальности, то государство устраивает гонение на такого человека, усматривая в нем угрозу своему авторитету. Более того, государство, каким его видит писатель, считает себя вправе вторгаться в жизнь людей без веских на то оснований.

Острой критике ал-Ма‘мари также подвергает империалистические амбиции западных держав. В частности, в «Шепоте мостов» писатель сосредотачивает свое внимание на политике США и Израиля в отношении арабов и конкретно палестинцев, борющихся за свою автономию и независимость. В этом отношении автор рассуждает по аналогии с конфронтацией личности и государства: подобному тому, как человек имеет право жить в соответствии со своими желаниями и потребностями, так и определенное сообщество, т.е. союз личностей, имеет право на самоопределение и самостоятельное существование. Однако подобные претензии на самостоятельность встречают неприятие со стороны государства, продвигающего собственные интересы и навязывающего свою волю не только своему народу, но и другим странам. Тех же, кто продолжает отстаивать свою независимость, не только подавляют и покоряют, но и подвергают шельмованию. Такова судьба, например, палестинского народа и «всех покоренных народов за то, что они свободно избирают своих лидеров» [4, с. 50].

В своем третьем романе ал-Ма‘мари посвящает несколько эпизодов критике западного представления об арабах вообще и палестинцах в частности как о террористах, хотя они всего лишь борются за свою независимость. Так, ранее уже упоминалась гневная речь Амины о необъективной подаче арабо-израильского конфликта в западных СМИ: там представление об арабах такое, словно они сплошь злодеи и убийцы, в то время как израильтяне – невинные жертвы несправедного гнева арабов. В реальности же, как отмечает Амина, впоследствии и рассказчик, ситуация совершенно иная: ал-Ма‘мари, конечно, не снимает с арабских радикалов обвинений в терроризме, но он указывает на несоразмерность израильского и американского «возмездия» в адрес арабов, пытающихся отстаивать свою независимость. Так, Амина говорит по поводу начала Второй ливанской войны в 2006 г.:

«То, что Хезболла захватила двух израильских солдат, это террористический акт, но разве это служит оправданием для бомбежки гражданского населения и жизненно важных учреждений?» [4, с. 144].

Позже, уже сам рассказчик сетует на то, как в фильме «Мюнхен» была изображена операция «возмездия», подготовленная Моссадом, для палестинских националистов за совершенный ими теракт на Олимпиаде 1972 г. в Мюнхене. Рассказчик не оправдывает террористов, но он возмущен тем, что из-за нескольких преступников наказанию подвергается целый народ, который теперь представлен как банда террористов. В СМИ и произведениях искусства арабы, посмеявшие заявить о своей самостоятельности и борющиеся за свою независимость, представлены сплошь в негативном свете, в то время как их противники, будь то американские солдаты или бойцы Моссада, изображены только как герои, исполненные благородства. Это при том, что, в сущности, ни палестинские террористы, ни бойцы Моссада не лучше и не хуже друг друга: и те, и другие убивают ни в чем не повинных людей, воображая, что осуществляют заслуженное наказание. Так, ал-Ма‘мари особо отмечает, что большинство жертв Моссада были люди, не причастные к терроризму (например, палестинский писатель Гассан Канафани). Для ал-Ма‘мари бойцы Моссада – не герои, «убивать для них так же легко, как выпить стакан воды» [4, с. 237], однако именно таких «миротворцев» превозносят в западных СМИ, ведь у них «есть человеческие чувства, которых нет у арабов даже в минуты испытаний» [4, с. 238].

В целом, авторская критика методов идеологической борьбы западного империализма с борющимися за свою независимость арабскими странами продолжает развиваться в русле левой антиколониальной мысли. Например, критическая позиция писателя в адрес фильма «Мюнхен» совпадает с мнением американского политолога ливанского происхождения Ас‘ада Абу Халиля, придерживающегося левых взглядов [47]. В частности, оба указывают на неуместный лиризм сцен, изображающих личную жизнь агентов Моссада, что, очевидно, служит очеловечиванию образа этих людей. Также ал-Ма‘мари и Абу

Халиль, не сосредотачиваясь на собственно активности палестинских террористов, отмечают несоответствие творимого Моссадом «возмездия» в отношении палестинского народа реальным действиям палестинских радикалов. При этом оба, аргументируя свою позицию, ссылаются на гибель писателя Гассана Канафани, по их мнению, никак не причастного к террористической деятельности, но, тем не менее, убитого агентами Моссада.

Кроме того, жалобы ал-Ма‘мари на то, как западная культура и СМИ изображают арабов, вновь оказываются созвучны аналогичным претензиям, который предъявил Западу Э. Саид. Последний также огорчен тем, что:

«В кино и на телевидении араб ассоциируется либо с развратом, либо с кровожадным злодейством. Он представлен как помешанный на сексе дегенерат, <...> и по сути своей садист, предатель и подлец» [17, сс. 286–287].

При этом Э. Саид идет в своих рассуждениях дальше и отмечает, что подобная репрезентация продиктована банальным страхом перед «другим»: западное общество боится, «что мусульмане (и арабы) захватят мир» [17, с. 287]. Поэтому-то западный империализм так настаивает на образе араба-террориста, чтобы представить самого себя в несравненно лучшем виде. Ал-Ма‘мари также указывает на эту склонность западного гегемона к обелению своих действий, однако пафос его высказываний больше нацелен на то, чтобы упрекнуть Запад в посягательстве на право других народов на самостоятельность.

Важно отметить, что в своей критике ал-Ма‘мари пытается сохранить определенную объективность. Критикуя Моссад, Израиль и США, он выражает лишь свое неприятие сионистской политики и западного колониализма. Например, в своем предыдущем романе «Холм размышлений» автор с искренней симпатией изображал не только простых американцев, но и евреев, живших по соседству с фермой рассказчика. Вместе с тем, ал-Ма‘мари указывает на то, что даже среди отовсюду гонимых палестинцев есть интриганы, пользующиеся общим бедствием для достижения собственных

целей. Так, рассказчик во время разговора с журналисткой Сашей, побывавшей в Палестине, отмечает:

«Из ее слов стало известно о подлых заговорах, которые плели палестинские карьеристы и стоявшие за ними режимы арабских стран по сокрытию преступных планов, которые собиралась реализовать Америка под предлогом борьбы с терроризмом на оккупированных территориях при международной поддержке» [4, с. 50].

Таким образом, ал-Ма‘мари не очерняет представителей какой-либо национальности или религии. Писатель продолжает придерживаться критики, начатой еще в его предыдущем романе и направленной не против Запада как такового, а против любого доминирования одних людей над другими. Подобно своим героям, ал-Ма‘мари пытается увидеть в арабе, американце или еврее, прежде всего, человека со своими желаниями и убеждениями. При этом писатель категорически против того, чтобы определенные группы навязывали свой авторитет и свое мнение другим людям, пытаясь подчинить их своей воле. В этом отношении автор вновь выступает в роли поборника дружбы и равноправия народов и противника превосходства одних групп населения над другими.

Глава 5

Роман «Орикс»

Четвертый и последний роман Али ал-Ма‘мари «Орикс» был издан в 2011 г. Как и предыдущий роман писателя, «Орикс» получил хвалебные отзывы оманских критиков и широкое освещение в оманских СМИ. Последнее произведение ал-Ма‘мари удостоилось награды «Лучший оманский роман» за 2011 г. Кроме того, ему посвящаются отдельные литературоведческие исследования. О высокой оценке исследователями и критиками романа «Орикс» говорит также то, что отрывок из него был включен в учебник арабского языка, подготовленного для американских студентов [12].

Главной особенностью «Орикса», которая привела в восторг оманских критиков, как и в случае с «Шепотом мостов», оказалось обращение автора к истории стран Персидского залива. На это указал, в частности, катарский журнал «ал-Ватан» со ссылкой на мнение оманских критиков, признавших уникальность ал-Ма‘мари за его талантливое использование исторических фактов в своем произведении [24]. Можно сказать, что «Орикс» является первым и единственным полностью историческим романом ал-Ма‘мари, т.к. сюжет произведения полностью разворачивается в прошлом, затрагивая период 1960–1970-х гг. Как пишет оманский прозаик Махмуд ар-Рахби, при создании своего последнего романа ал-Ма‘мари провел большую работу по изучению исторических источников, для чего специально посещал библиотеку Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета [40]. История действительно играет большую роль в этом романе: она не только служит фоном для основных событий романа, но и становится неотъемлемой частью текста произведения. Автор сопроводил свой последний роман многочисленными экскурсами в историю Омана и Персидского залива, посвящая десятки страниц изложению фактов и описанию различных событий. Текст романа пестрит историческими персоналиями и датами, что, как утверждает оманский писатель Хиляль ал-Хаджари, играет образовательную, в

своем роде, роль для оманского читателя [42]. Однако ал-Хаджари тут же отмечает, что автор романа перегрузил текст произведения цитатами из исторических источников, что отнюдь не способствует увлекательности произведения. Это мнение поддерживает оманский критик Хаммуд аш-Шукайли, который отметил, что исторические отсылки явно превалируют над художественным содержанием романа, чего не было в «Шепоте мостов», в котором ал-Ма‘мари смог достичь баланса между изложением исторических фактов и собственно сюжетом романа [30].

При этом, как отмечают некоторые критики (например, ал-Хаджари), ал-Ма‘мари достало смелости и таланта затронуть темы, которые в оманской литературе обычно не обсуждаются [30]. В «Ориксе» ал-Ма‘мари говорит на такие темы, которые могут считаться противоречивыми и нежелательными для освещения. В частности, автор вновь обращается к описанию внутренних междоусобиц в Омане в середине XX в., истории борьбы арабских правителей за нефть и раздела сфер влияния в Персидском заливе, а также той роли, которую сыграл западный империализм в лице Великобритании и США в этой борьбе. Так, в своем романе ал-Ма‘мари ясно дает понять, что становление арабских государств Персидского залива произошло именно благодаря помощи западных держав. Кроме того, писатель критикует оманское общество за обскурантизм и приверженность изжившим свое устоям, за нежелание бороться с социальным неравенством и потворствование интересам Запада, в союз с которым вступают арабские шейхи и султаны ради расширения своей власти. Тем не менее, отмечает ал-Хаджари, несмотря на щекотливость этих тем и тот факт, что ал-Ма‘мари является одним из первопроходцев оманского исторического романа, писателю не только удалось создать увлекательное повествование, но и продемонстрировать глубокие познания по истории региона Персидского залива [42]. В свою очередь, оманский журналист Тарик ‘Ашкар утверждает, что ал-Ма‘мари, опираясь при написании своих последних романов на исторические данные, позволяет оманцам не только высказать свою

точку зрения на те или иные события, но даже формирует само представление оманцев об этих событиях [30].

Исторические события, положенные в основу «Орикса», – поиски Великобританией и США нефти на восточном побережье Аравийского полуострова в первой половине XX в., что, в свою очередь, привело к глобальным переменам на политической карте мира и, в частности, появлению независимых арабских государств, таких как Катар, ОАЭ и т.д. Особенно подробно автор описывает конфликт между султаном Маската Са'идом ибн Теймуром и правителями Саудовской Аравии и Абу-Даби из-за оазиса ал-Бурейми⁹, войну между султаном Маската и имамом Омана Галибом в ал-Джебел ал-Ахдар, заговор За'ида ибн Султана Ал Нахайана с целью свергнуть своего старшего брата, правителя Абу-Даби Шахбута ибн Султана, а также появление арабских государств Персидского залива. Кроме того, упоминаются такие исторические события, как визит египетского президента А. ас-Садата в Израиль и волнения в Иране, явившиеся прелюдией к Исламской революции 1979 г. В тексте «Орикса» также приведены рассуждения автора о причинах упадка и процветания аравийских государств (в том числе Омана) и роли правителя в жизни народа.

Сюжет произведения охватывает период с ноября по декабрь 1977 г., место действия – Лондон. В повествовании задействовано множество действующих лиц, играющих важную роль в развитии сюжета романа. Главный герой – 27-летний оманец по имени Сридан ибн Фтейс ад-Дар'а ал-Харсуи по прозвищу Орикс, студент магистратуры по специальности история в Школе восточных и африканских исследований Лондонского университета. Сридан –

⁹ Ал-Бурейми – оазис на севере Омана, долгое время бывший предметом спора между Оманом, Абу-Даби и Саудовской Аравией. В конце 1940-х гг. представители американской (Saudi Aramco) и британской (Anglo-Iranian Oil Company) нефтяных компаний начали в оазисе разведку залежей нефти, что обострило притязания Омана и Саудовской Аравии на обладание этим районом. В 1952 г. саудовский вооруженный отряд занял селение Хамаса в ал-Бурейми. За Оман в этом конфликте вступила Великобритания, которая в течение почти трех лет пыталась решить спор дипломатией. Конфликт закончился тем, что в октябре 1955 г. британские вооруженные подразделения в Омане выбили саудовский отряд из оазиса. В свою очередь, события в ал-Бурейми еще больше укрепили британские позиции в Омане и повлекли за собой дальнейшие поиски нефти уже во владениях имамата Оман, тогда независимого от Маската. Обнаружение нефти в этих землях привело к тому, что султан Са'ид ибн Теймур разорвал Себский договор от 1920 г. и вторгся в Оман. Так началась война в ал-Джебел ал-Ахдар.

сын шейха бедуинского племени харасис¹⁰, проживающего в оманской пустыне Джидда ал-Харасис близ Дофара. Рожденный, по его собственному замечанию, «с золотой ложкой во рту» [1, с. 26], Сридан практически с самого детства стал объектом внимания агентов западного империализма, рассчитывавших найти в молодых арабах своих союзников, чтобы в будущем их же руками продвигать интересы Запада. Так, по совету одного из таких агентов, американца мистера Джеффри, Сридана и его братьев отдают в одну из немногих школ в Маскате, из которой он выпускается 23 июля 1970 г. – в день свержения султана Са‘ида. Впоследствии Сридана отбирают для обучения в рядах ВВС Омана, где руководят англичане. Однако молодой человек проявляет непокорность, и вскоре его выгоняют из армии. Вместо этого, благодаря протекции все того же мистера Джеффри, Сридан попадает в Лондон, где изучает историю в университете. По окончании учебы он возвращается в Оман, но с горечью понимает, что ему, человеку с определенными представлениями о чести и благородстве, не удастся прижиться на родине, где властвуют интриганы и стяжатели, в которых вырождаются молодые оманцы, возвращающиеся в Оман после обучения на Западе:

«Некоторые из тех, кто возвращался из заграницы, намеревались осуществить разные проекты, <...> но чтобы осуществить эти проекты, иным приходится применять силу, произвол и все законные и незаконные способы реализации своих планов. <...> Проявились амбиции, эгоизм и зависть, разрослись непомерно и заронили в иных умах идею стать деспотами и тиранами, которых волнуют не интересы страны, не будущее отечества, а разграбление казны и присвоение званий и титулов...» [1, сс. 387–388].

Герой решает вернуться в Лондон, чтобы продолжить обучение. Уже обучаясь в магистратуре, он встречает свою соотечественницу по имени Майса’. Сридан влюбляется в девушку, но он не знает, как сблизиться с ней. Вскоре герою это удастся: он должен подготовить доклад по теме конфликта в

¹⁰ Харасис – малочисленное бедуинское племя в Омане, говорящее на вымирающем южноаравийском языке харуси.

оазисе ал-Бурейми, но для этого, по совету своего научного руководителя профессора Кэмпбелла, ему нужно воспользоваться информацией, полученной от жителя тех мест. Тут выясняется, что сама Майса' родилась в ал-Бурейми, и девушка предлагает герою познакомиться с ее родственниками, которые могут дать полезную информацию. Таким образом, Сридану удается и сблизиться с Майса', и подготовить доклад.

Застенчивый и свободолюбивый по натуре, Сридан, попав в Лондон, раскрывается не с самой лучшей стороны: он много пьет, курит марихуану и одновременно имеет сексуальные отношения с тремя женщинами, будучи при этом влюбленным в Майса'. Герой неоднократно размышляет над тем, каким образом он, скромный бедуин, вдруг стал «Дон Жуаном», но, тем не менее, не предпринимает никаких реальных попыток покончить с такой жизнью, плывя по течению и надеясь, что все решится само собой. Осознание того, что такая разгульная жизнь не для него, подспудно проявляется во время сновидений и наркотических галлюцинаций героя, в которых он то с тоской видит родную палатку и свою семью, то с ужасом блуждает по пустыне, пытаясь найти стойбище своего племени. Образ потерявшегося в пустыне главного героя явно указывает на видение автором этого персонажа: Сридан воплощает собой то самое потерянное поколение оманцев, которое в предыдущем романе ал-Ма'мари было представлено в образе Абу Хальфана. Оба оторваны от своих корней и, познав жизнь на Западе, сами не чувствуют тяги к родине, однако и на Западе они не могут найти себе место. С одной стороны, Сридан, расширяя свой кругозор и знакомясь с представителями разных народов, понимает всю эфемерность и условность таких понятий, как «гражданство», «патриотизм» и «родина». С другой стороны, именно жизнь бок о бок с самыми разными народами, перемешавшимися в Лондоне, вынуждает героя четко осознать свою идентичность, которая не позволит ему исчезнуть в плавильном котле глобализации. Именно поэтому Сридан отождествляет себя с ориксом, животным, стоящим на грани исчезновения: по представлению автора, в мире глобализации люди, которые желают не слиться с безликой массой и исчезнуть

в ней, а сохранить свою самость и идентичность, так же редки, как вымирающее животное. Тема вымирания тесно связана с образом главного героя: недаром автор сделал его выходцем из вымирающего племени харасис.

Также стоит отметить, что Сридан, от имени которого ведется повествование, сильно отличается от образа рассказчика из предыдущих романов ал-Ма'мари. В «Ориксе» писатель уже максимально дистанцировался от излагаемой им истории и фигуры рассказчика, практически лишив свой последний роман элементов автобиографичности, которыми были полны его предыдущие произведения. В «Ориксе» уже нет того былого нерасчленимого переплетения реальности и авторской фантазии: здесь доминирует художественный вымысел. Тем не менее, автор все-таки наделил главного героя некоторыми своими чертами: начиная от обучения в конце 1970-х гг. за границей и интереса к истории и заканчивая острой критикой существующего положения дел в Омане.

Вторым по важности героем в романе является Майса', возлюбленная Сридана, который зовет ее не иначе как «оманка Майса'». На момент событий романа Майса' – студентка бакалавриата того же факультета, на котором учится Сридан. Ей 17 лет, и хотя она родилась в Омане, большую часть жизни она провела в Ливане, что существенно сказалось на ее воспитании и мышлении: она поборница женской эмансипации и равноправия. Девушка также придает большое значение дате своего рождения – 13 августа, который совпал с днем рождения султана Са'ида ибн Теймура. Майса' активная и решительная, в отличие от главного героя, робкого и порой неуверенного. Сридан напрямую связывает эту разницу в образе мышления с той средой, в которой росли герои: если Майса' росла в демократическом Ливане, то герой вырос в

«закрытом обществе, погрязшем в невежестве, отсталости и болезнях, на 38 лет покорившемся власти господина Са'ида ибн Теймура, который обращался со своим народом как с лабораторными мышами» [1, с. 39].

При этом, несмотря на широту взглядов и прогрессивность, Майса' остается консервативной по ряду вопросов. Так, вступив в любовные отношения с главным героем, она настаивает на сохранении девственности до брака. В свою очередь, Сридан воспринимает это желание как само собой разумеющееся, что не мешает ему тут же вступать в сексуальные отношения с иностранками.

Майса' невысокого происхождения: ее отец и мать были прислугой, вольноотпущенниками у одного из шейхов ал-Бурейми Ибн Натла, который имел тайные сношения с За'идом Ал Нахайаном, который в начале 1960-х гг. был еще правителем города ал-'Айн в эмирате Абу-Даби. Британская колониальная администрация, управлявшая территорией современных ОАЭ и фактически всевластная в Омане, усмотрела в этих контактах заговор с целью организации антибританского восстания и начала преследовать Ибн Натла вплоть до попыток его убить. Во время одного из таких покушений случайной жертвой стал верный слуга Ибн Натла. Вскоре после смерти слуги его жена родила Майса' и также скончалась, оставив новорожденную на попечение Ибн Натла и его жены Хамды. Не выдержав преследований со стороны британцев, Ибн Натла с семьей уезжает в Ливан и также умирает. Таким образом, воспитанием Майса' занималась его бездетная вдова Хамда, вырастившая девочку как собственную дочь. Майса' очень любит эту женщину и зовет ее тетей.

Тетя Хамда, хотя и второстепенный, но довольно колоритный персонаж. Она властная и независимая, но очень добрая. Именно с ее подачи за главным героем закрепляется прозвище Орикс, именно она в конце романа дает свое благословение на женитьбу Сридана и Майса', она же становится главным советником героя по судьбоносному для него вопросу о дальнейшей жизни в эмиграции. У Хамды есть брат Дейн Ибн Лейх. Когда-то он был известным в Омане дрессировщиком соколов, дружил с шейхами Шахбутом и За'идом Ал Нахайанами, но также стал жертвой преследования со стороны британцев и бежал вместе с сестрой и ее мужем в Ливан. Теперь Ибн Лейх тяжело болен

раком, от которого он лечится в Лондоне. Ему уже более 80 лет, но он прекрасно помнит многие события, происходившие в Омане десятилетия назад. Именно к нему Майса' приводит Сридана, чтобы тот получил необходимую для его доклада информацию.

Другие важные персонажи – супружеская пара из Ирана, Мухаммад и Парвин Мосаддыки. Они соседи главного героя, им около 60 лет, хотя Парвин и выглядит значительно моложе мужа. Они из Шираза, где когда-то преподавали в университете. Они оба разделяют демократические взгляды и критикуют шаха Мухаммада Резу Пехлеви, которого Мосаддык описывает не иначе как «верного прислужника Запада и толстую палку, занесенную над странами Залива» [1, с. 10]. Сам Мосаддык гордится тем, что он тезка иранского премьер-министра Мосаддыка¹¹, чьим сторонником он также является. Сын Мосаддыков, сотрудничавший с левыми и правозащитными организациями, был убит агентами САВАК¹², что побудило супругов покинуть Иран. Теперь они проживают в Лондоне, где Мухаммад Мосаддык, лишенный по решению шахского правительства всех преподавательских лицензий, вынужден держать газетный киоск.

Еще в Иране Мухаммад попал в аварию, в результате которой он стал импотентом, что послужило причиной неудовлетворенности Парвин семейной жизнью. В конце концов, она соблазняет Сридана, с которым может удовлетворить свою страсть. Свои действия женщина оправдывает тем, что она зороастрийка, а потому должна исполнять свой долг деторождения. Несмотря на неприглядный образ изменщицы и соблазнительницы, именно Парвин озвучивает мысли, которые можно охарактеризовать как квинтэссенцию идей, высказываемых в романах ал-Ма'мари. Так, в третьей главе романа, беседа со своим мужем и Сриданом о текущей ситуации в Иране и неизбежной

¹¹ Мухаммад Мосаддык (1882 – 1967 гг.) – демократически избранный премьер-министр Ирана (1951 – 1953 гг.), проводивший прогрессивные реформы. Одно из главных его достижений – попытка национализировать нефтегазовый сектор Ирана, вызвавшая недовольство Великобритании и США, чьи спецслужбы организовали свержение Мосаддыка в результате проведенной ими операции «Аякс».

¹² САВАК – Министерство государственной безопасности Ирана во времена шаха Мухаммада Резы Пехлеви.

революции, Парвин заявляет о своем праве на свободу мысли и личности от власти любого правительства, будь оно от шаха или аятоллы Хомейни:

«В сущности, я <...> против того, чтобы какой бы то ни было режим, где бы он ни был установлен: хоть в Иране, хоть здесь в Лондоне, – ограничивал меня в моих мыслях и уж тем более ограничивал самую мою личность» [1, с. 69].

В восьмой главе, соблазнив главного героя, Парвин уже говорит ему о субъективности любой религии и традиции, каждую из которых необходимо уважать как неотъемлемые и равнозначные проявления человеческой мысли:

«Дорогой, в нашей духовной жизни мы не привязаны к какому-либо одному верованию, воззрению или секте, которые исповедует человек, однако мы уважаем каждое верование, учение и воззрение, в которое верит человечество в этом огромном мире» [1, с. 195].

Заметную роль в повествовании также играет друг Сридана офицер ‘Убейд ибн Барут, с которым главный герой подружился во время службы в ВВС Омана. В отличие от Сридана, скептически настроенного по отношению к армии и государству, ‘Убейд позиционирует себя как истинного патриота, для которого важно, чтобы его страна имела самое мощное и современное вооружение. Однако, при приезде ‘Убейда в Лондон, выясняется, что он отнюдь не равнодушен к элементам «сладкой жизни» западного общества: он много пьет, имеет мимолетные половые связи и даже приобретает литературу, запрещенную в Омане. Можно сказать, что ‘Убейд является в своем роде искусителем для Сридана, т.к. именно он подталкивает главного героя к связи с Парвин и англичанкой Кристи, с которой друзья познакомились в одном из баров Лондона. При этом ‘Убейд настойчиво пытается отвратить Сридана от Майса’ на том основании, что она из семьи рабов. Сам ‘Убейд также происходит из семьи вольноотпущенников и вынужден полагаться на сильных покровителей, что вызывает в нем определенные комплексы.

Еще один важный в романе персонаж – профессор Малколм Кэмпбелл, научный руководитель Сридана в Лондонском университете. Именно он

советует главному герою использовать при подготовке доклада про ал-Бурейми не официальные западные источники, а сведения, полученные от непосредственных свидетелей тех событий. Кэмпбеллу 80 лет, он ветеран аравийских исследований и агент британского колониализма, его образ – явная аллюзия на известного исследователя Уилфрида Тесиджера (1910–2003 гг.). Подобно ему, Кэмпбелл родился в семье британского чиновника в Африке и, очарованный романтикой Ближнего Востока, решил заняться исследованием Аравийского полуострова. Как и Тесиджер, Кэмпбелл в конце 1940-х гг. путешествовал по Оману в составе некоего агентства, официальная задача которого – изучение пустынной саранчи. Однако наблюдение за повадками саранчи и борьба с ней – лишь прикрытие, истинная цель этого агентства заключается в разведке нефтяных залежей. «Агентство саранчи» «считалось одним из важнейших агентств английского колониализма» [1, с. 25], т.к. работало в интересах британской короны, находя нефть на Аравийском полуострове и заключая с местными правителями договоры в интересах Великобритании. На момент событий романа профессор – признанный знаток истории аравийских стран, помогающий Сридану подготовить доклад, по результатам которого предлагает герою продолжить свои исследования в университете.

Другим агентом западного империализма, ярко представленным в романе, является американец мистер Джеффри, изучающий жизнь ориксов в оманской пустыне, и по инициативе которого Сридан получил школьное и высшее образование. Хотя этот персонаж появляется, в основном, лишь в воспоминаниях главного героя, мистер Джеффри всегда незримо присутствует в жизни Сридана. Этот персонаж представлен в воспоминаниях Сридана как исключительно положительный: он умен и добр, проявляет интерес не только к предмету своих исследований, но и к людям, которые живут бок о бок с ориксом. Этим мистер Джеффри разительно отличается от других европейцев, которых

«заботила природа и ее плоды, которых заботила геология и недра земные, которых заботили растения и звери, пресмыкающиеся и грызуны, но которые позабыли о людях, живших на этой земле» [1, с. 131].

Он словно ангел-хранитель героя, не только давший ему путевку в жизнь, но и спасший его от рабского существования в оманской армии. Подобно профессору Кэмпбеллу, Джеффри принимает деятельное участие в судьбе Сридана. Однако оманский писатель Хиляль ал-Хаджари в своем обзоре «Орикса» отмечает, что главной целью ал-Ма‘мари в этом романе было разоблачение западного империализма и колониализма, презирающих покоренные народы [42]. Таким образом, можно предположить, что отеческие фигуры профессора Кэмпбелла и мистера Джеффри – авторская ирония над британскими и американскими специалистами, пестующими молодых арабов, рассчитывая в будущем уже их руками продвигать собственные интересы.

Помимо перечисленных персонажей в повествовании задействованы различные исторические деятели: Шахбут и За‘ид Ал Нахайан, султан Са‘ид ибн Теймур и его влиятельный министр Ахмад ибн Ибрахим Ал Бу Са‘иди, сэр Перси Кокс¹³, а также сам У. Тесиджер.

Повествование начинается 18 ноября 1977 г., когда Сридан и Майса’ договариваются о встрече, чтобы навестить ее родственника Ибн Лейха в больнице. За неделю до этого момента главный герой вызвался подготовить доклад о споре за ал-Бурейми, для чего, по настоянию профессора Кэмпбелла, он должен найти человека, жившего в этом оазисе в 1950-х гг. Герой, не зная, где он сможет найти в Лондоне такого человека, обращается за советом к Майса’ и своему соседу Мухаммаду Мосаддыку. Оба помогают герою: Майса’ предлагает познакомить со своим родственником, а Мосаддык – дает номер отставного сержанта Джима Брайана, служившего в Омане в 1950-х гг.

¹³ Перси Кокс (1864–1937 гг.) – британский колониальный администратор, активно способствовавший укреплению британского присутствия в аравийских странах. Именно на эту историческую личность ал-Ма‘мари возложил ответственность за произвольное проведение государственных границ на Аравийском полуострове.

Герой решает отвести Майса' в ресторан – в благодарность за ее помощь. Там молодые люди рассказывают друг другу о своей жизни. Неожиданно Сридан пытается рассказать девушке о своих чувствах, что выходит нескладно. Та в свою очередь критикует его за стеснительность, герой же объясняет свою замкнутость тем, что он рос под деспотичной властью султана, а потому не привык прямо высказывать свои мысли и чувства.

Придя в больницу, герои узнают, что Ибн Лейх не сможет их принять из-за плохого самочувствия. Встреча отложена. Придя домой, Сридан получает звонок от друга юности 'Убейда, который сообщает, что вскоре навестит его в Лондоне.

На следующий день герой наносит визит своим соседям Мосаддыкам. Мухаммад и Парвин рассказывают ему о своем прошлом, о жизни в Ширазе, о гибели сына и своей ненависти к режиму шаха. Супруги объясняют Сридану, что правление шаха и его клики плачевно сказывается на состоянии страны:

«Да, и по сей день крестьяне Фарса сеют и собирают виноградные грозди, да только идут они, как и прочее добро и богатства страны, не на благо тех, кто работает, сеет и пожинает. Все это идет в замки и дворцы шахиншаха Мухаммада Резы Пехлеви, его жены шахбану Фарах Дибя Пехлеви и их несносной клики» [1, сс. 66–67].

Поэтому для Мосаддыков вполне логично, что в Иране зреет недовольство и готовится революция: «Иран движется к переменам» [1, с. 67]. Однако супруги также опасаются, что к власти в их стране могут прийти фанатики вроде аятоллы Хомейни, и тогда жизнь иранцев будет отнюдь не лучше, чем при шахе – один тиран сменит другого. После этого разговора, Мосаддыки приглашают героя прийти в тот же вечер в иранский ресторан на празднование 30-летия их свадьбы.

К Сридану приезжает 'Убейд: в Лондоне он проездом, т.к. направляется в США проходить обучение на современном оборудовании, которое впоследствии поступит в оманскую армию. Друзья, гуляя по городу, попадают в Гайд-парк, где проходят выступления ораторов. Выступающие: молодой

палестинец, осуждающий ас-Садата за его визит в Израиль; иранка, предрекающая скорую исламскую революцию, и девушка-хиппи, играющая песню Битлз «Imagine». Сридан внимательно и с явным сочувствием выслушивает молодых людей, в то время как ‘Убейд насмеяется над ними. Друзья также обсуждают текущие события в Омане: вся страна празднует день рождения султана Кабуса, а оманская армия закупает у стран Запада новейшее оружие. Главный герой скептически относится к этой инициативе, ведь оружие вскоре устареет, зато в Омане останутся западные военные специалисты, которые будут навязывать свои условия.

Вечером Сридан и ‘Убейд вдвоем идут в ресторан на праздник Мосаддыков. Во время застолья, пока ‘Убейд отвлекает Мухаммада разговорами, Парвин начинает заигрывать с главным героем. Он, смущенный, уходит вместе с ‘Убейдом, который признается, что он нарочно отвлекал Мосаддыка, чтобы оставить героя наедине с Парвин и посмотреть, что из этого получится. Сридана эта подлость приводит в гнев, ‘Убейд же осмеивает его за «бедуинский идеализм» [1, с. 98].

На следующее утро герой, в сопровождении Майса’ и ‘Убейда, встречается с отставным сержантом Джимом Брайаном, номер которого Сридана дал Мосаддык. Однако, к своему разочарованию, герой узнает, что Брайан служил не в ал-Бурейми, а в Шардже, а потому не может помочь. Однако он обещает связаться со своим бывшим сослуживцем, который был в оазисе ал-Бурейми.

Когда Майса’ оставляет друзей, ‘Убейд настаивает на том, чтобы Сридан перестал ухаживать за девушкой: едва увидев девушку, он понял по ее внешнему виду, что она из семьи рабов, а в Омане слишком сильны предрассудки в отношении рабов и вольноотпущенников. Союзы между свободными людьми и бывшими рабами осуждаются. Сридана вновь поражает цинизм его друга: он, напротив, не видит в таких союзах ничего предосудительного. Между друзьями возникает спор. ‘Убейд говорит, что рабовладение – это норма в Омане, тем более, именно благодаря работоторговле

многие оманцы сумели разбогатеть. Сридан же утверждает, что рабовладение не только нарушает нормы ислама, но и унижает человеческое достоинство. В итоге, каждый остается при своем мнении.

Друзья навещают Мосаддыку, который накануне просил Сридана зайти к нему. Мухаммад объясняет, что вскоре он уедет на несколько дней из Лондона, и просит Сридана подежурить вместо него в киоске. За Сридана, которому стыдно торговать в киоске, отвечает 'Убейд, настаивающий на том, чтобы его друг помог соседу. Позже 'Убейд объясняет Сридану, что отъезд Мосаддыка – шанс ближе сойтись с Парвин и не связываться с Майса'.

Затем друзья идут в бар, где они встречают двух девушек: Карен и Кристи. Сридан симпатизирует Кристи, а 'Убейд – Карен. Вся компания едет в квартиру главного героя, где обе парочки напиваются и занимаются сексом. На следующий день компания едет в загородный дом Карен, где главный герой, увидев во дворе дома пруд с редкими черепашками, вспоминает орикса, такого же редкого. Сридан погружается в мысли об ориксах, в воспоминания о доме и семье – его отвлекает 'Убейд и, узнав о причине задумчивости друга, в шутку зовет его Ориксом.

На следующий день Сридан встречается с Майса', та знакомит героя с тетей Хамдой. Позже все трое идут к Ибн Лейху в больницу. Старик по просьбе героя рассказывает ему историю конфликта в ал-Бурейми. Позже Ибн Лейх, проникшийся симпатией к молодому человеку, предлагает ему продолжить встречи с дальнейшим повествованием о борьбе арабов, шейхов и западных колониалистов за землю и нефть Аравии.

Тем же вечером Сридан и 'Убейд с их подружками проводят прощальную вечеринку для 'Убейда: утром тот улетает в Америку. В свою очередь, Кристи уезжает на о. Уайт, где она нашла работу.

Наступает день отбытия Мохаммеда Мосаддыка, Сридан заступает на его место в киоске. Вечером того же дня он приходит к Парвин, которая накануне просила навестить ее. Женщина соблазняет героя. Парвин объясняет ему причину, по которой она не удовлетворена сексуальной жизнью с мужем, а

также посвящает Сридана в свои взгляды на религию и жизнь. С этой ночи главный герой – любовник Парвин, и даже возвращение мужа ничего не меняет – Мухаммад не догадывается об изменах жены и радостно принимает Сридана в своем доме.

Параллельно главный герой ведет подготовку своего доклада. Для этого он читает множество книг по описанию Южной Аравии и ее жителей: в частности, Сридан пользуется трудами таких известных британских арабистов, как Бертрам Томас (1892–1950 гг.), Гарри Сент-Джон Филби (1885–1960 гг.) и У. Тесиджер. Сридан больше узнает о деятельности «агентства саранчи» и его связи с обнаружением нефти на полуострове и установлением соглашений между Британией и аравийскими шейхами. Посещая Ибн Лейха, герой расширяет свои познания о борьбе за нефть в этом регионе: он понимает, что шейхи и правители оазисов преследовали собственные интересы и стремились к личному обогащению, заключая кабальные для своих народов сделки с западными империалистами. Из различных газетных статей Сридан узнает о причинах отстранения шейха Шахбута ибн Султана от власти в Абу-Даби собственным братом: Шахбут, реакционно настроенный, недалёковидный политик, не видел никакого прока от нефти и доходов, получаемых от ее продажи. В свою очередь, За'ид ибн Султан прекрасно осознавал всю пользу нефтяных доходов и не боялся сотрудничать с англичанами, чтобы захватить власть в Абу-Даби. Не менее шокирующим для Сридана откровением становятся университетские лекции, на которых он узнает об интригах Британии и США, которые взяли на себя ответственность за судьбы народов Аравии. Герой узнает о британском колониальном администраторе, «еврее-извращенце Перси Коксе <...> этом белом пьяном человеке, тайном сотруднике британской разведки и агентства саранчи» [1, с. 158]. Именно он, по мнению молодого человека, в пьяном угаре начертил границы аравийских государств, став, таким образом, виновным во всех последующих бедах жителей Аравии:

«Казалось, словно действительно вдрызг пьяный человек сидел между песчаным холмом и лужицей воды и, не владея собственной рукой, водил палкой

и чертил на песчаном холме и поверхности лужицы воды воображаемые линии <...>, игнорируя демографию населения и географию места, утверждая свое окончательное решение о границах стран. Этому он дал то, на что тот не имеет права, а у другого отнял то, что ему причитается. <...> Из-за такого пограничного разделения эти страны увязли в длительных спорах и столкнулись с тяжелыми проблемами...» [1, сс. 157–158]

Изучая историю, Сридан также постепенно понимает причины нынешнего плачевного состояния оманского общества, ставшего легкой добычей для иностранцев. Герой возлагает ответственность на султана Са'ида ибн Теймура, этого обскуранта, убаюканного льстивыми речами британских советников. Султан Са'ид, не желая каких-либо перемен в своей стране, предпочел вовсе отгородить Оман от окружающего мира, вырвав свой народ из общемирового хода истории:

«Когда господин Са'ид ибн Теймур отдыхал <...>, то начинал изобретать различные способы пыток, которым он мог подвергнуть свой народ, сковав его цепями и замками, связав его веревками и заперев Оман на щеколду и ключ, отгородив от мира. <...> и все больше он презирал и ненавидел свою страну и народ, так что того поразили душевные болезни, которые наука не могла ни вылечить, ни определить, ни проанализировать. И наполнила Оман смертоносная чума, поражающая прежде дух, а потом тело. <...> И поселился страх в сердцах людей, которые продолжали жить во мраке и изоляции. Постепенно их начало поглощать невежество, <...> пока ими правил султан, тюремщик и палач» [1, с. 213].

Однажды Сридан, обсуждая с профессором Кэмпбеллом подготовку доклада, говорит, что обратился за помощью к Ибн Лейху. Профессор дает понять, что он знает этого человека, но его не устраивает общение Сридана с Ибн Лейхом. Профессор советует герою воспользоваться подготовленными им лично источниками.

С главным героем также связывается Джим Брайан: он хочет сообщить информацию о своем сослуживце из ал-Бурайми. Однако при встрече с

молодым человеком он пытается продать Сридану какие-то бумаги, выдавая их за секретные записи своего сослуживца. Главный герой отказывается от сделки, но впоследствии все-таки получает эти документы уже от Мухаммада Мосаддыка: оказывается, Джим Брайан продал Мосаддыку эти документы в уплату своего долга. Тем не менее, герой так и не воспользуется этими бумагами.

Сридан также продолжает попытки упрочить свои отношения с Майса'. Он понравился тете Хамде: она дарит ему шикарные подарки, прозывает его Ориксом, не зная, что его так однажды назвал 'Убейд. Однажды Хамда и Майса' приглашают героя в ресторан, тот же для храбрости курит марихуану и напивается. После того, как Хамда уезжает к себе домой, Сридан и Майса' остаются наедине: они впервые целуются. Позднее Сридан попытается развить свой успех с девушкой, но та просит не лишать ее девственности. В свою очередь Сридана волнует то, что он изменяет своей возлюбленной с Кристи и Парвин, которая продолжает состоять с ним в связи. Герой начинает думать о том, как он будет выпутываться из сложившейся ситуации.

Однажды, читая материалы о сговоре За'ида ибн Султана с англичанами против его брата, Сридан видит Ибн Лейха на фотографии, изображающей шейха Заида с его свитой. Герой показывает эту фотографию Майса', которая решает отвезти ее Хамде, чтобы та подтвердила, что на фото точно ее брат. Однако Хамда, сославшись на занятость, говорит, что изучит фото позже. Между тем, Майса', Хамда и Ибн Лейх решают навестить своих друзей-англичан в деревне. Они покидают Лондон на выходные. Герой решает воспользоваться отсутствием Майса', чтобы встретиться с Кристи, которая как раз приехала в Лондон в эти же дни. При этом Сридан врет Майса', что он будет усердно готовиться к докладу (на самом деле он завершил подготовку и даже сдал доклад на кафедру), а Парвин он сообщает, что уедет к другу за город.

Герой проводит выходные с Кристи, Карен и их подругой Розмари. Однажды герой так сильно накуривается, что ему становится плохо: он

воображает себя ориксом и начинает неистовствовать. Его отводят к Розмари, которая занимается распространением марихуаны, а заодно разводит кошек. Пришедший в себя Сридан забирает у девушки одного котенка, которого называет Хумран. Наконец, Кристи уезжает, возвращается Майса’.

Наступает день выступления Сридана с докладом. В ожидании назначенного часа он посещает лекцию Тесиджера, который рассказывает о своих путешествиях по Оману и пустыне ар-Руб’ ал-Хали. Герой творчески подходит к подготовке своего выступления: для наглядности он сыпет в аудитории песок, символизирующий Аравийский полуостров, на котором чертит разноцветные линии и обозначает оазис ал-Бурейми. Доклад Сридана слушают профессор Кэмпбелл, мистер Джеффри и некие люди в деловых костюмах. Все остаются довольны работой Сридана, и профессор Кэмпбелл даже предлагает ему продолжить свое исследование и защитить по ней докторскую диссертацию. Герой серьезно задумывается над этим предложением: он уже давно думает над тем, чтобы окончательно эмигрировать в Англию.

Позже Сридан встречается с Майса’ и тетей Хамдой: последняя благодарит героя за то, что он нашел фотографии, на которых действительно изображен Ибн Лейх. Молодой человек решает просить совета у Хамды по поводу своей эмиграции. Он объясняет ей, что, несмотря на искреннюю любовь к Оману, он не может оставаться на родине, пока там правят интриганы и тираны. Женщина поддерживает героя, хотя и предрекает ему множество проблем на чужбине.

Сридан принимает решение продолжить свое исследование под началом профессора Кэмпбелла. Мистер Джеффри также приложил руку к тому, чтобы герой остался в Англии. Тоскуя по дому, Сридан рассыпает в своей квартире песок, пытаясь воссоздать свою родную пустыню Джидду ал-харасис.

Герой решает порвать с Кристи и Парвин. Так, Кристи, которая предложила ему приехать к ней на о. Уайт, Сридан говорит, что будет готовиться к экзаменам, а потому не может быть с ней. Та, обидевшись,

говорит, что отныне будет встречаться с другим. Для того чтобы расстаться с Парвин, Сридан решает снять новую квартиру в другом районе. Сридан также официально меняет имя на Сридан бин Сула' (т.е. Сридан Орикс).

Отношения главного героя с семьей Майса' становятся все крепче. Хамда и Ибн Лейх приглашают его в ресторан, где Хамда говорит о своем намерении устроить свадьбу Сридана и Майса'.

Тем временем героя приглашает на свою вечеринку Карен, подруга Кристи. В ее загородном доме, куда съехалось множество гостей, Сридан знакомится с соседкой Карен Надин, бывшей эскортницей, работавшей, в том числе, в Омане. Надин отводит героя к себе домой, где соблазняет его. Однако это событие никак не омрачает отношений героя с Майса': уже на следующий день та приходит к нему с новостью, что Хамда одобрила их брак. Сридан и Майса' съезжают, их совместная жизнь подчеркнута целомудренна: они обживают новую квартиру, ходят по магазинам, а Сридан не посягает на девственность Майса' до свадьбы.

Конец декабря 1977 г., Ибн Лейх выписывается из больницы и вместе с сестрой улетает в ОАЭ, чтобы оттуда вернуться в ал-Бурейми. Сридан и Майса' сдают экзамены и также отправляются в ОАЭ. Герой решает навестить в Маскат к сестре. Однако положение дел, которое Сридан застал в Омане, окончательно убеждает его в том, что его страна оказалась в руках интриганов, продавших Оман чужеземцам. Горечь героя тем сильнее, что он искренне любит свою страну. Последней каплей для героя становится следующий инцидент: несколько оманцев похищают Сридана буквально из фойе гостиницы, в которой он остановился, и отводят его к некому старому англичанину-гомосексуалу. Старик сначала допрашивает героя о его жизни в Лондоне, а затем отпускает. Сридан покидает Оман, разочарованный тем, что в его стране правят люди, которым нет дела до общего блага и интересов народа.

Если сравнивать последний роман ал-Ма'мари с его предыдущими работами, то становится очевидной эволюция творческой манеры писателя: с каждым новым романом ал-Ма'мари словно бы развивает способность

сочинять оригинальные истории, все меньше и меньше ограничиваясь рамками автобиографичного повествования. В этом отношении «Орикс» можно считать самым «вымышленным» произведением писателя. Вместе с этим, интересно отметить обращение ал-Ма‘мари к некоторым образам его ранних произведений, в частности, рассказов. Так, описание Лондона, приведенное в «Ориксе», как огромного, мрачного города, в котором вечно идет дождь, а человек, оторванный от общества, теряется среди потока машин, явно отсылает к демонизированному описанию города в рассказе «Свитки о моем городе» из сборника «Свитки оков иллюзии».

Как и в предыдущем романе ал-Ма‘мари, в «Ориксе» авторское внимание сосредоточено на описании внешних событий и поступков персонажей. На протяжении всего произведения писатель демонстрирует читателям постоянные перемещения главного героя и его спутников из одной локации в другую, постоянные разговоры по телефону, постоянные обещания встретиться в более удобное время, визиты друг другу в гости, приготовление пищи на кухне, принятие душа и т.д. При этом основная сюжетная линия романа оказывается как бы подавленной этими подробностями. Кроме того, столь тщательное описание быта главного героя отвлекает внимание читателя от критических выпадов автора в адрес оманского общества и размышлений о прошлом, настоящем и будущем арабского мира. Учитывая тот факт, что оманские комментаторы «Орикса» в своих отзывах совершенно игнорируют критику автором существующих в Омане порядков, можно, как и в случае с «Шепотом мостов», предположить, что настойчивое внимание ал-Ма‘мари к описанию бытовой рутины – своего рода прикрытие для его критического отношения к положению дел в Омане. Таким образом, писатель получает возможность высказать свои взгляды широкому читателю в привлекательной форме, а главное – не концентрируя на них внимание.

Вместе с тем, важно отметить, что содержание практически всех романов ал-Ма‘мари (за исключением «Холма размышлений») фактически сводится к описанию постоянных посиделок в барах и ресторанах, прогулок, путешествий

и т.д. В своих романах писатель всегда уделял много внимания описанию бытовой рутины, жизни обычных людей, полной разнообразных, больших и малых, горестей и радостей, потребностей и желаний. Таким образом, в описании этой рутины можно увидеть определенную художественную ценность и говорить о том, что ал-Ма‘мари в своих романах создавал своего рода «эстетику обыденности», отражающую повседневную жизнь реальных людей. Эта настоящая суетная повседневная жизнь противопоставлена бытию различных правителей, администраторов и прочих официальных лиц, вечно пребывающих в призрачном мире вымышленных явлений и условностей. Все эти правители и чиновники, вроде султана Са‘ида или Перси Кокса, буквально рисуют карты на песке, воображая, что так они создают государства. Они пытаются уложить все многообразие жизни в узкие рамки идеальных категорий, не отражающих реальные потребности и желания людей. Так, в своем внимании к повседневной реальной жизни ал-Ма‘мари остается приверженным левой критике существующего мирового порядка.

Стоит также указать на то, что подробное описание автором повседневной рутины, превращающее художественное повествование в чуть ли не поминутное расписание действий героев, можно рассматривать как деконструкцию художественного текста. Здесь стоит вспомнить, что ал-Ма‘мари пришел в литературу в начале 1990-х гг. вместе с поколением оманских модернистов, тяготевших к разрушению традиционных способов создания художественного произведения. Можно предположить, что стремление к созданию новых форм повествования, ярко проявившееся в новеллистике ал-Ма‘мари, трансформировалось в его романах в документальное, последовательное описание поступков персонажей, подавляющее сам сюжет произведения.

При прочтении «Орикса» нетрудно заметить, что писатель в этом романе обратился к распространенной в арабской литературе XX в. теме любовных отношений молодого араба с иностранками. Этот мотив в «Ориксе» примечателен именно тем, что в своих предыдущих работах ал-Ма‘мари в

принципе никак не освещал сексуальную тематику: даже если в его романах и присутствовал секс, то он происходил либо за рамками текста («Шепот мостов»), либо только подразумевался («Холм размышлений»). В то же время в «Ориксе» эротических сцен много, и описаны они ярко и очень подробно. На протяжении событий романа Сридан вступает в связь с тремя иностранками: Кристи, Парвин и Надин – и пытается завязать отношения с оманкой Майса'. Как отмечает Рашид ал-'Инани, сама тема взаимоотношений араба и иностранки (в основном европейки) трактуется либо как метафора «познания европейского другого» [13, с. 89], либо как демонстрация морального падения Запада и морального же превосходства Востока [13, с. 104]. В «Ориксе» на первый план выходит именно вторая интерпретация этого мотива, на что указывает ряд деталей. Во-первых, женщины, с которыми спит Сридан, не отличаются твердыми моральными устоями: Кристи ведет развязный образ жизни, подсаживает Сридана на марихуану и после разрыва с ним готова провести ночь с первым же попавшимся парнем; Парвин изменяет мужу, оправдывая себя неубедительными отговорками о своей приверженности зороастризму; Надин же бывшая эскортница, ныне владеющая собственным эскорт-агентством. Во-вторых, автор упорно акцентирует внимание на сценах орального секса женщин с главным героем, в чем можно усмотреть определенную коннотацию: Запад оказывается в подчиненном и униженном положении перед Арабским Востоком. Кроме того, Сридан, в отличие от своих партнерш, изображен человеком, приверженным неким «бедуинским идеалам», которые, как ни странно, не ограждают его от «морального разложения». Наконец, чисто плотские отношения Сридана с иностранками противопоставлены его возвышенной платонической любви к оманке Майса', которая неоднократно настаивает на сохранении своей девственности, что, опять же, указывает на некое «моральное превосходство» Востока перед Западом.

Приведенные детали сюжета романа могли бы натолкнуть на мысль, что в «Ориксе» ал-Ма'мари, подобно некоторым другим арабским писателям, решил

изобразить моральную победу многострадального Востока над разлагающимся Западом. Эту идею подкрепляет то, что арабы Сридан и ‘Убейд – единственные в романе мужчины, способные овладеть западными женщинами. Так, основные персонажи-иностранцы мужского пола, профессор Кэмпбелл и Мухаммад Мосаддык (которого условно можно отнести к Западу – он сам иранец, т.е. представитель неарабской культуры, живущий много лет в Лондоне), изображены сексуально неполноценными: первый – хромым 80-летний старик, второй – импотент. Однако знакомство с предыдущими романами ал-Ма‘мари позволяет утверждать, что писатель далек от такого банального противопоставления арабов и иностранцев. В своих романах ал-Ма‘мари никогда не проводил оппозицию Восток-Запад и не утверждал превосходства одного мира над другим: напротив, он всегда был поборником равенства и братства всех народов. Если же в его романах и появлялись нелицеприятные образы иностранцев (тот же П. Кокс в «Ориксе» или офицер британской контрразведки в «Холме размышлений»), то они отражали неприязнь автора к империализму и государственной машине. Более того, в своих романах писатель резко критикует арабских политиков, олицетворяющих все ту же государственную систему подавления и принуждения. Таким образом, идея о некоем «моральном превосходстве» Востока над Западом не может найти обоснования в «Ориксе». Тем не менее, этот мотив присутствует в романе и, возможно, наряду с откровенными эротическими сценами (которых ал-Ма‘мари ранее избегал в своем творчестве), он служит своего рода приманкой для широкого читателя, а также ширмой, за которой автор скрывает свою критику оманской действительности. В конце концов, можно предположить, что отчасти благодаря использованию распространенного клише о сексуальных подвигах араба на Западе роман «Орикс» завоевал большую популярность в Омане. С другой стороны, в чрезмерной эксплуатации сексуальной тематики можно усмотреть элемент пародии на схожие по сюжету арабские романы, что снова говорит о том, что ал-Ма‘мари не воспринимает серьезно идею о нравственной победе Востока над Западом.

В своем последнем романе ал-Ма‘мари вновь обратился к теме, затронутой еще в «Пространствах последнего желания», а именно формированию арабского дискурса по вопросам отношений Запада и Востока. Так, главный герой «Орикса» усиленно занимается историей, чтобы составить представление о той роли, которую Запад играл в создании современного образа арабского мира, а впоследствии высказать свою, арабскую, точку зрения на историю, текущие мировые процессы и будущее человечества. При этом роман проникнут идеей необходимости отказа от однополярной, преимущественно западной, точки зрения в пользу подхода к изучению мира с различных точек зрения, в том числе – с точки зрения народов Третьего мира. В частности, профессор Кэмпбелл лично советует Сридану найти человека, который жил бы в ал-Бурейми и был непосредственным свидетелем событий, происходивших в оазисе в середине XX в. Лекторы университета, в котором учится главный герой, также регулярно ссылаются на слова, произнесенные тем или иным арабским правителем. Возможно, такое внимание британских ученых к арабскому представлению о происходящем в мире не случайно: события романа происходят в самом конце 1977 г., а уже в 1978 г. будет опубликована значимая работа Э. Саида «Ориентализм», ознаменовавшая переход к постколониальному видению мира, учитывающему точку зрения ранее покоренных европейцами народов. В предыдущих главах настоящей работы уже неоднократно указывалось на тесную взаимосвязь мыслей ал-Ма‘мари, высказанных в его романах, с идеями Саида: оба, выступая с левых позиций, являлись активными критиками западного империализма, пытающегося заставить говорить весь остальной мир на языке своих же понятий и категорий. Более того, как отмечает Х. ал-Хаджари, ал-Ма‘мари прямо высмеивает наивные концепции ориентализма, пытающегося воссоздать таинственный Восток в умах европейцев [42]. В качестве примеров критик приводит эпизоды в аудитории Лондонского университета и в квартире Сридана, где главный герой рассыпает всюду песок и чертит на нем линии, символизирующие границы между аравийскими странами, – по мнению ал-Хаджари, это горькая

ирония автора над тщетными попытками западного империализма познать другой мир [42].

В «Ориксе» ал-Ма‘мари позволяет арабам высказать свое представление о различных событиях и мировых процессах. Например, Ибн Лейх освещает собственное, неофициальное видение борьбы за нефть в Аравии, Сридан предлагает свою точку зрения на взаимоотношения личности и государства, колоний и метрополии, подчиненного и правящего. Однако, если в «Пространствах последнего желания» ал-Ма‘мари еще высказывал надежду на возможность создания равноправного диалога между Востоком и Западом, то в «Ориксе» эта надежда сменяется горькой иронией по поводу наивности подобных чаяний. Ведь для того, чтобы изучить историю Омана, Сридан, как ни странно, едет в Лондон, где активно пользуется западными источниками, т.е. приобщается к западноцентричному дискурсу. Таким образом, герой формирует свое арабское видение мира на основе западных представлений о нем. Кроме того, западный империализм в лице профессора Кэмпбелла, старого члена «агентства саранчи», препятствует тому, чтобы Сридан использовал араба Ибн Лейха в качестве информатора – на эту роль подходят английские чиновники, жившие в Омане. Получается, что западный дискурс не оставляет покоренным народам никакого шанса даже на формальную независимость – самое мышление этих народов формируется исключительно в соответствии с официальной риторикой западных держав.

В «Ориксе» также нашло отражение негативное отношение ал-Ма‘мари к западному империализму, критика которого, по мнению ряда оманских писателей, например, Салима Ал Тавийа и Хиляля ал-Хаджари, занимает центральное место в романе [27] [42]. При этом в «Ориксе» ал-Ма‘мари обрушивает свою критику на колониальную политику западных держав, которые берут на себя ответственность за судьбы покоренных ими народов. Британская империя и США самоуправно делят земной шар на сферы влияния, чертят на карте новые границы, сообразно собственным интересам, совершенно «игнорируя демографию населения и географию места» [1, с. 157].

Впоследствии, такое произвольное создание новых государств приведет к многочисленным трудноразрешимым кризисам из-за разделения ранее единых народов (как это произошло с курдами, к трагедии которых писатель обратился в «Шепоте мостов») или объединения в рамках одного государства враждебных друг другу обществ. Ал-Ма‘мари также критикует Великобританию и США за вмешательство во внутренние дела других стран (например, во время конфликта в ал-Бурейми, где обе державы советом, деньгами и оружием поддерживали Оман и Саудовскую Аравию) и смещение неудобных лидеров других государств (как в случае отстранения от власти султана Омана Са‘ида ибн Теймура, Шахбута ибн Султана в Абу-Даби или М. Мосаддыка в Иране). Писатель обвиняет западные державы в навязывании своей воли другим народам, полном безразличии к многообразию и уникальности человеческих сообществ и стремлении загнать все это многообразие в рамки собственных представлений о мире. При этом, как подмечает Хиляль ал-Хаджари, автор активно использует карикатурные образы британских чиновников и администраторов, с целью высмеять империалистов. Так, сэра П. Кокса, якобы архитектора современных аравийских стран, ал-Ма‘мари неоднократно называет «британским евреем-извращенцем», который пьяным рисовал границы стран Аравийского полуострова. В «Ориксе» появляется эпизодический персонаж, англичанин-гомосексуал, похитивший главного героя и учинивший ему допрос без какого-либо повода или обвинения – схожий персонаж, британский контрразведчик в Омане, который с «искусностью бисексуала» [2, с. 111] допрашивал задержанного по надуманному обвинению рассказчика, есть в романе «Холм размышлений». Карикатурно выглядит и отставной сержант Джим Брайан, от которого Сридан хочет получить сведения о конфликте в ал-Бурейми: он описан как «очень невысокий субъект, чья походка напоминала о тюлене или утке, выбравшейся на берег» [1, с. 104]. При этом в своих романах ал-Ма‘мари изображает простых британцев и американцев как приятных и готовых прийти на помощь людям, несмотря на разницу в менталитете, мировоззрении и т.д. Поэтому подобное

уничижительное изображение колониальных чиновников лишний раз подчеркивает неприязнь писателя не к Западу как таковому, а именно к империалистической политике западных держав.

В своем последнем романе ал-Ма‘мари также размышляет о роли правителей в судьбе народа и развитии страны. В основном эти размышления принимают форму острой критики, направленной в адрес монархов стран Персидского залива, пренебрегающих волей и желаниями собственных граждан. Так, на протяжении всего произведения писатель демонстрирует свое ярое недовольство политикой оманского султана Са‘ида ибн Теймура и шаха Ирана Мухаммада Резы. Ал-Ма‘мари постоянно акцентирует внимание на, фактически, предательских по отношению к собственному народу действиях этих правителей: с попустительства обоих монархов реальными хозяевами в Омане и Иране становятся британские и американские советники и представители нефтяных корпораций, выкачивающие из этих стран ресурсы и влияющие на их политику. Ведь именно британские и американские спецслужбы пресекли попытку демократизировать политику шаха Ирана, отстранив от власти избранного народом премьер-министра М. Мосаддыка; с подачи британской же администрации, как отмечает писатель, произошло смещение самого султана Са‘ида в 1970 г. Ал-Ма‘мари использует в адрес султана и шаха самые нелестные эпитеты: Са‘ида он называет «тюремщик и палач» [1, с. 213], а Мухаммада Резу описывает как «верного прислужника Запада» [1, с. 10] и «надсмотрщика над Заливом, приставленного Западом» [1, с. 57]. Оба правителя заинтересованы лишь в собственном обогащении, нужды народа их не волнуют. В частности, уже упоминалось о сетованиях соседа Сридана, Мухаммада, на то, что шах и его клика обирают собственный народ, ничего не оставляя простым людям. Ал-Ма‘мари также приводит описание столицы Омана, Маската, который в 1960-х гг. продолжает оставаться средневековой полугородом-полудеревней, несмотря на то, то страна уже много лет добывает нефть, на доходы от которой можно было бы модернизировать страну и осчастливить ее жителей:

«Однако в то время Маскат был отсталой горной деревней <...>. Он был окружен прочной стеной с воротами, которые запирались, когда караул давал сигнал о заходе солнца. И если кто из жителей хотел выйти из дома ночью, ему приходилось зажигать фонарь и нести его перед собой во время прогулки в пределах города» [1, с. 57].

Таким образом, в «Ориксе» ал-Ма‘мари продолжает свою критику правящих режимов на Ближнем Востоке, готовых идти на сделку с западными империалистами, преследуя своекорыстные интересы и попирая волю собственных народов. Подобные критические выпады уже звучали в предыдущих романах ал-Ма‘мари против Теймура ибн Фейсала, А. ас-Садата и «палестинских карьеристов».

Особый интерес также представляет взгляд писателя на конфликт между правителями-ретроgrадами и модернизаторами, ярко отразившийся в отношениях двух братьев – правителей Абу-Даби Шахбута и За‘ида. Этот конфликт довольно типичен для южноаравийских монархий, вроде Омана или Северного Йемена, в которых была обнаружена нефть: несмотря на обнаружение в начале 1960-х гг. в пределах эмирата Абу-Даби полезных ископаемых, Шахбут ибн Султан не желал инвестировать доходы, получаемые от продажи нефти, в развитие своей страны, а просто копил деньги. В конце концов, упрямство правителя Абу-Даби привело к тому, что британские спецслужбы помогли его младшему брату За‘иду ибн Султану, более лояльному к пробританской политике, отстранить Шахбута от власти.

В тексте «Орикса» встречается много критических замечаний в адрес Шахбута. Так, в седьмой главе романа подробно описано, как западные партнеры пытались склонить эмира к сотрудничеству, насмехаясь при этом над его наивностью и недалекостью. Отсталость Шахбута высмеивается в историях о том, что он совершенно не умел пользоваться чеками, доверяя исключительно наличным деньгам, а также о том, что он хранил «первые выплаты по нефтяным концессиям в чемоданах под кроватью» [1, с. 434].

Кроме того, ал-Ма'мари приводит описание Абу-Даби во времена правления эмира:

«Во всем эмирате была единственная настоящая дорога – полмили утрамбованной земли в городе Абу-Даби. Школа была одна с семью учителями, не были ни больницы, ни поликлиники <...>. Домов было совсем немного, все глинобитные хижины, покрытые пальмовыми листьями» [1, с. 348].

Подобное описание ныне процветающего мегаполиса не только коррелирует с описанием Маската, отсталой деревни при султানে-деспоте Са'иде, но и лишний раз подчеркивает неспособность Шахбута быть достойным правителем, заботящемся о благе своего народа. Шахбут и сам понимает, что он не на своем месте. Так, Сридан во время подготовки доклада в одном из источников узнает, что эмир якобы «искренне признавался, что он устал и хочет отдохнуть, <...> что будет логично и мудро, если он откажется от власти в пользу своего брата шейха За'ида» [1, с. 166].

При этом Шахбуту постоянно противопоставляется За'ид. Он не боится перемен и прекрасно понимает все выгоды, которые принесет торговля нефтью и открытость западным партнерам. Более того, ал-Ма'мари даже приводит слова самого За'ида ибн Султана, который говорит:

«... я кое-что узнал о самом себе, а именно то, что я не могу быть счастлив, если знаю, что другие несчастны. Если же я вижу, что вокруг меня счастливые люди, то настроение мое тут же меняется. <...> единственный способ устранить любые различия [между людьми] – сделать людей счастливыми» [1, с. 169].

За'ид представляет собой как будто идеального правителя, заботящегося не о своих интересах, а о благе своего народа. Благоденствие людей – вполне достойная цель, оправдывающая и государственный переворот при поддержке иностранных служб, и резкую смену образа жизни людей, которая последовала за нефтяным бумом в Персидском заливе. Однако некоторые пассажи «Орикса» дают понять, что ал-Ма'мари не устраивает цена, которую было куплено это благоденствие. Так, писатель указывает на то, что «нефть сотворила чудеса во

всех странах Залива, но не изменила ни природу, ни дух этого места» [1, с. 325], а люди, не способные привыкнуть к новым условиям, с тоской воспринимают уход традиционного образа жизни. Торговля нефтью привлекла к Персидскому заливу пристальное внимание западных держав, которые заставили страны этого региона действовать и жить по своим правилам. Стремительные внешние перемены, глобализация и, как следствие, подражание западному образу жизни не привели к реальному преобразению арабов, но лишь развратили их и поставили в зависимость от Запада. Это, согласно видению ал-Ма‘мари, прекрасно понимал Шахбут:

«Шахбут был терпимым и проницательным правителем, который делал свое дело во имя интересов и блага своего народа. И он был прав, когда думал о негативных последствиях неожиданного богатства, доставшегося отсталому племенному обществу, о попрании всех ценностей, которые были дороги ему, и разрушении пустынной культуры, единственной культуры, известной ему и его народу» [1, сс. 343–344].

Таким образом, ал-Ма‘мари, признавая объективную необходимость перемен и прогресса в арабо-мусульманском обществе, выступает против бездумного следования западному образцу развития общества. Писатель, не порицая саму западную культуру, указывает на невозможность в одночасье преодолеть различия между разными народами и, как следствие, невозможность повторения успеха западной цивилизации на основе цивилизации арабо-мусульманской. Ал-Ма‘мари отстаивает культурную, политическую и экономическую независимость своего народа, давая понять, что если арабские страны не могут развиваться по западному образцу, не попадая при этом в зависимость от Запада, то существует некий свой, арабский путь развития. Однако в чем именно заключается этот особый арабский путь, писатель не разъясняет – он просто утверждает, что этот путь должен быть другим.

Темы свободы, независимости (как личности, так и народов) и противостояния государственной тирании – постоянные в романном творчестве

ал-Ма‘мари. В «Ориксе», как и в предыдущих романах писателя, присутствуют упоминания различных народов и обществ, вынужденных покинуть свою родину из-за невозможности жить в соответствии со своими принципами и убеждениями. Так, в «Холме размышлений» говорится об амишах, бежавших из Европы в Америку, а в «Шепоте мостов» – о курдах. В последнем романе ал-Ма‘мари образ беженцев связан с Мухаммадом и Парвин Мосаддыками, эмигрировавшими из Ирана за несогласие с режимом шаха. Помимо них в романе также появляется эпизодический персонаж, подруга возлюбленной главного героя Майса’, уйгурка, которая рассказывает Сридану не только о своих собственных злоключениях, но и про судьбу уйгуров в Китае, правительство которого на протяжении многих лет лишало их права на автономию. Все эти персонажи выведены с очевидной симпатией и сочувствием, что вполне разъясняет отношение автора к угнетаемым народам и конкретным людям, притесняемым за свои убеждения. Также ранее в настоящей главе уже приводились цитаты Парвин о равенстве всех религий и мировоззрений, о неприкосновенности мыслей и образа жизни каждого человека и о том, что государство не имеет права посягать на эту неприкосновенность – эти слова также дают четкое представление о либеральных и эгалитарных идеалах ал-Ма‘мари.

Интерес представляют также рассуждения автора об условности самого представления о государстве, гражданстве, патриотизме и т.д. В целом, эти рассуждения продолжают мысль, так или иначе проводимую ал-Ма‘мари в его предыдущих романах: для человека зрелого, истинно свободного весь мир – дом, а все нации и религии равны. Человек, внутренне свободный от всяких догм и предрассудков, обладающий широким кругозором, всегда сумеет найти свое место в мире, т.к. за всеми условностями, разделяющими людей, он сможет найти подлинно человеческие ценности. Человек же незрелый, узко мыслящий, всегда пытается скрыться за существующими нормами и правилами, всегда пытается быть причастным хоть к какому-нибудь сообществу, чтобы окончательно не потеряться и не раствориться в

современном плавильном котле глобализации. Оба эти типа олицетворяются образами главного героя Сридана и его друга ‘Убейда. Они представители того самого «потерянного поколения» оманцев, пришедшему на смену поколению революционеров-интернационалистов. Разница между друзьями в том, что Сридан – нонконформист, пытающийся выйти за узкие рамки оманского национализма, а ‘Убейд – конформист, прячущий свою духовную незрелость за псевдопатриотической риторикой. Сридан остро переживает трагедию своего поколения – разрыв с прежним традиционным укладом жизни и резкое вторжение новых правил жизни: во снах герой тщетно пытается найти стойбище своего племени, а в своей квартире он пытается воссоздать родную пустыню Джидду ал-харасис, посыпая пол своей комнаты песком. Однако, изучая историю и общаясь с представителями разных национальностей и культур, Сридан начинает понимать, что все люди равны, различия между ними, в сущности, ничтожны, а единственный реальный конфликт между людьми – это борьба угнетенных против своих угнетателей. Герой понимает, что человек может приносить пользу не только узкой группе лиц, именуемых соотечественниками, согражданами и т.д., но всему человечеству. Так Сридан становится на позиции интернационализма и космополитизма, понимая всю условность принадлежности человека к той или иной культуре или государству. В случае главного героя и народов Аравии эта условность становится весьма очевидной, ведь принадлежность разных арабских племен к тому или иному государству определили не сами люди, а западный империализм в лице Перси Кокса:

«Это гражданство заверил гуляка Перси Кокс, чертивший границы своей палкой... <...>. Я же в мыслях колебался, быть ли мне униженным гражданином, чьи права нарушаются в своей же стране, или же отказаться от этого гражданства, которое на этой земле воплощает член Агентства саранчи» [1, сс. 390–391].

Герой не намерен мириться со злом, которое происходит в Омане, и, осознавая невозможность бороться с этим злом, с тяжелым сердцем решает

покинуть родину. Свободолюбивый Сридан постепенно созревает для того, чтобы найти самостоятельно свое место в мире, не ограничивая себя привычными представлениями о жизни. Его выбор поддерживает тетя Хамда, которая заявляет:

«Мир широк, и если человек не находит покоя и вдохновения в месте, где его мечты не могут осуществиться, он вправе думать о том, чтобы уйти от бед и усталости, ища свой путь в этой жизни» [1, с. 372].

Главному герою противопоставлен ‘Убейд, который, напротив, позиционирует себя как пламенного патриота: он офицер оманских ВВС, ратует за оснащение своей армии новейшим оружием и с недоверием относится ко всем неоманцам, подозревая в каждом врага. Однако нетвердость ‘Убейда в своих убеждениях вскрывается, едва он попадает в Лондон: он тут же испытывает все наслаждения, ранее не доступные ему в Омане (женщины, алкоголь, наркотики и даже некая запрещенная литература). Своей поездке в США ‘Убейд рад именно потому, что там он также может приобщиться к западному образу жизни, который он воспринимает исключительно через призму низменных удовольствий. При этом ‘Убейд, по происхождению сын рабов-вольноотпущенников, как ни странно, является сторонником классового разделения оманцев: ведь он настойчиво пытался внушить Сридону, что тому нельзя связывать свою жизнь с Майса’, также дочерью рабов. В этой странной расщепленности и неустойчивости характера ‘Убейда, его слепой приверженности одновременно официальной риторике правительства Омана, старым, отжившим свое традициям и предубеждениям, а также не лучшим проявлениям западного образа жизни становится очевидной духовная незрелость этого персонажа, его внутренняя несвобода. В условиях глобализации ‘Убейд, оторванный от своих корней и не имеющий твердых принципов, становится никем, его личность теряет индивидуальность, именно поэтому он пытается стать причастным хоть какому-нибудь сообществу, в частности, оманской армии. Свое слепое отрицание каких-либо проблем в оманском обществе, оправдание социальной несправедливости и нежелание

хоть как-то изменить существующий строй ‘Убейд считает патриотизмом. Однако именно в этом слепом желании принадлежать хоть какому-то сообществу проявляется подлинно рабская сущность этого персонажа (на что указывает даже имя ‘Убейда – однокоренное с араб. «раб»).

Очевидно, что через образы ‘Убейда и, отчасти, Сридана, ал-Ма‘мари выражает свое критическое отношение к современному оманскому обществу. В этих персонажах, прожигающих жизнь среди удовольствий западной цивилизации, автор изобразил свое видение молодых оманцев, оторванных от своей истории и традиции и буквально потерявшихся в пространстве и времени в обезличивающем обществе глобализации. Однако по ходу сюжета романа главный герой проходит определенное становление своей личности, осознает возможность своего существования вне причастности к Оману и ближе к концу произведения уже сам активно выступает с критикой окружающей действительности. Последние главы «Орикса» полны разочарованием героя (и, очевидно, самого ал-Ма‘мари) в том, что оманцы, несмотря на прогресс и внешние изменения, по уровню своего мышления остаются в глубоком прошлом:

«Позор, что иные сыны Омана цепляются за убеждения и обычаи времен рабства, которые осудила религия, и отвергло человеческое сообщество...» [1, с. 391]

Сам главный герой демонстрирует независимость мышления и внутреннюю свободу, порывая с отжившими устоями и устраивая совместную жизнь с Майса’, дочерью рабов, несмотря на все предрассудки своих соплеменников. Однако этот маленький личный подвиг, победа над косностью традиционного арабо-мусульманского общества не приносит Сридани удовлетворения – ведь против него весь Оман, который наводнили интриганы и карьеристы, преследующие лишь своекорыстные интересы:

«Теперь я был абсолютно убежден, что не могу оставаться в стране, за богатства которой борются группы людей, которые ставят личные интересы на первое место. <...> На родине расплодилось все виды воров,

наемников и разбойников, тех, кого отвергли их же страны и общины. Их всех радушно принял Маскат, в котором я обнаружил банду новых пиратов и жестокосердных людей, чей гнет над страной был сильнее гнета людей из Агентства саранчи» [1, с. 438–439].

Сридан понимает, что он один не сможет противостоять этим людям, своим же соотечественникам, которые ни во что не ставят общее благо страны. Поэтому Сридан, подобно главным героям других романов ал-Ма‘мари, становится изгоем, предпочитая стать вечно странствующим космополитом, сохранившим личную свободу, чем включиться в нескончаемую борьбу с представителями правящего режима.

Однако ал-Ма‘мари прекрасно понимает, что есть другие пути реализации права человека на независимую жизнь. Один из этих путей – революция, объективность, а порой и необходимость которой осознает писатель, как это видно из его рассуждений о причинах борьбы иранцев с режимом шаха. Однако вместе с тем ал-Ма‘мари предупреждает читателей о том, что «революция <...> начнет есть собственных детей» [1, с. 69], т.е. один тиран может просто сменить другого. Писатель в своих романах «Холм размышлений» и «Шепот мостов» также затрагивал тему революции. В обоих романах он приходил к выводу, что революция, несмотря на благородные цели, часто разбивается об откровенное предательство со стороны самих революционеров, многие из которых оказываются лишь «попутчиками» революции, интриганами и карьеристами, игнорирующими интересы общества. Таким образом, становится очевидным скептицизм ал-Ма‘мари по отношению к любым силовым попыткам преобразовать человеческое общество, хотя писатель и сохраняет веру в то, что однажды человечество найдет иные способы создания нового свободного мира.

Заключение

В настоящей работе был представлен обзор романов оманского прозаика Али ал-Ма‘мари: «Пространства последнего желания», «Холм размышлений», «Шепот мостов» и «Орикс». При обзоре этих произведений был сделан ряд выводов об общих тенденциях романного творчества ал-Ма‘мари. Эти тенденции включают в себя общие темы, идеи и то, как они отражаются в том или ином романе; общие для этих произведений образы и типажи; а также характер стилистики работ писателя.

Стоит начать с того, что в плане идейного содержания романы ал-Ма‘мари однообразны. Главная идея его произведений – это необходимость отстаивать свободу отдельно взятой личности и целых народов, именно в свободе ал-Ма‘мари видит высшую ценность. В этом отношении можно отметить, что романы писателя отражают его собственный протест против любых правил и догм – как в жизни, так и в искусстве. Ал-Ма‘мари яростно протестует против отношений между людьми, построенных по типу власть-подчинение. Во всех своих романах ал-Ма‘мари отстаивает право человека жить в соответствии с собственными убеждениями и правилами: никто не имеет права навязывать такому человеку свою волю, но и сам свободный человек не может заставить других людей разделять его взгляды на мир. Для писателя каждый человек в мире обладает собственным, уникальным опытом, видением окружающей действительности, а потому никто не может претендовать на обладание некой абсолютной истиной, которая дала бы ему право поучать других людей. По этой причине ал-Ма‘мари активно критикует государство и его охранные структуры, которые посягают на право человека жить так, как он сам считает нужным. Таким образом, можно сказать, что ал-Ма‘мари выступает с позиций, близких к анархическим. В романах писателя любое государство изображено как аппарат репрессий и принуждения, который преследует героев произведений за их преданность личным идеалам и собственному видению мира. При этом само явление государства в представлении писателя становится сосредоточием зла потому, что

государственные деятели преследуют, прежде всего, своекорыстные интересы, игнорируя желания и волю собственных граждан. В частности, много места в романах писателя отведено критике оманского правительства и современного оманского общества, которые не позволяют свободно развиваться личности. При этом ал-Ма‘мари оправдывает революции как средство борьбы против государственного гнета. Однако все же писатель считает, что новое общество, построенное на принципах свободы, равенства и терпимости, будет создано не силовыми методами, а исключительно подвижничеством граждан мира, открытых новому опыту и другим культурам и не замыкающихся в узких рамках националистического и религиозного шовинизма.

Мысль о недопустимости построения отношений между людьми на принципах власти и подчинения ал-Ма‘мари распространяет на взаимоотношения между народами. В своих романах писатель изображает представителей различных национальностей, культур и вероисповеданий, каждый из которых имеет равные с другими народами права жить в соответствии с нормами собственной культуры. Поэтому ал-Ма‘мари жестко критикует западный империализм и капитализм, а также процесс глобализации. В представлении автора все эти явления направлены на то, чтобы подчинить одни народы интересам других, заставив более слабых играть на международной арене по правилам, которые навязали сильные игроки – в данном случае, Запад. При этом писатель не критикует Запад как таковой: он прекрасно понимает, что между народами западной цивилизации также существуют конфликты на основе неприятия сильными мира сего независимой точки зрения других людей. Поэтому ал-Ма‘мари выступает с критикой именно агрессивной и экспансивной политики западных держав, таких как США и Великобритания, против стран Третьего мира.

Из конфликта западного империализма с покоренными народами проявляется третья тема, характерная для романов ал-Ма‘мари, а именно представление об арабах на Западе. Эта тема впервые поднималась еще в рассказах писателя, в его романах же она получила свое развитие. Ал-Ма‘мари

неоднократно пишет о негативном отношении к арабам (причем именно со стороны правящих кругов западных держав). Арабов, как и другие народы Третьего мира, подвергают международной травле за их своеобразие, отличие от представителей западной цивилизации и желание сохранить свою идентичность. Изображая этот конфликт, ал-Ма‘мари высказывается совершенно в духе ориенталистских и антиколониальных концепций, указывая на то, что западный империализм сознательно формирует отрицательный образ араба (как и других покоренных народов), выдавая фикцию за правду. По этой причине ал-Ма‘мари в своих романах как бы пытается создать «арабский дискурс», т.е. показать мир, происходящие в нем события и сам ход истории уже с точки зрения арабов.

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что идеи ал-Ма‘мари развиваются в русле левой мысли, критикующей не только колониальную политику Запада, но и капитализм и государство как явления. В этой работе уже назывались имена таких видных американских критиков западного империализма левого толка, как Э. Саид, У. Берри и Г. Торо, чьи идеи, возможно, оказали влияние на ал-Ма‘мари. Можно также отметить, что, как показал египетский литературовед Рашид ал-‘Инани в своей работе «Арабские репрезентации Запада», подобная критика капитализма и империалистической политики западных держав в целом характерна для многих арабских писателей второй половины XX – начала XXI веков.

Для романов ал-Ма‘мари также характерны общие типажи персонажей. Самый очевидный пример – фигура главного героя-рассказчика, который представляет собой альтер-эго самого автора. Рассказчик у ал-Ма‘мари служит рупором идей писателя. Зачастую автор почти целиком списывает своего главного героя с себя: это оманец-эмигрант средних лет, такой же вольнолюбивый вечный странник, отличающийся широтой взглядов и открытостью другим культурам, критикующий современный Оман, но в то же время тоскующий по своей родине. Эволюция этого образа в романном творчестве ал-Ма‘мари напрямую связана с эволюцией его художественной

стилистики. Так, в романах «Пространства последнего желания» и «Холм размышлений» фигура рассказчика целиком сливается с фигурой самого автора вплоть до того, что эти произведения становятся больше похожими на фрагменты автобиографии. Однако уже в романах «Шепот мостов» и «Орикс» автор явно дистанцируется от своего рассказчика, делая его больше лирическим героем, нежели совершенной копией себя.

Большинство второстепенных героев романов ал-Ма‘мари под стать главному герою: в основном, это такие же добродушные свободолюбивые люди, не терпящие любого принуждения и несправедливости. Коротко их можно описать как идеальное общество интернационалистов или космополитов, не разделяющих человечество на расы, национальности, религии и т.д.

Среди этих второстепенных героев можно выделить образ женщины, подруги или возлюбленной рассказчика. Она воплощает собой, с одной стороны, тоску главного героя по родине и его самоидентификацию как оманца (ал-Джалила из «Пространств последнего желания» и Майса’ из «Орикса»), либо идею единения всех народов в лоне свободы и равенства (та же ал-Джалила, но в «Холме размышлений», и Амина из «Шепота мостов»).

Среди персонажей, общих для романов ал-Ма‘мари, стоит выделить многочисленные образы беженцев и эмигрантов: иранцы, курды, уйгуры и даже протестанты-амиши. Эти люди по тем или иным причинам (личное несогласие с правящим режимом, репрессии по религиозному или национальному признаку) вынуждены оставить свою родину и жить вдали от нее. Изображая в своих романах этих беженцев как жертв несправедливости, ал-Ма‘мари критикует шовинистическую политику государства, преследующего людей за их убеждения и образ жизни, которые отличны от норм, установленных самим государством.

Говоря о художественной стилистике романов ал-Ма‘мари, стоит отметить, что именно она претерпела наибольшие изменения на протяжении всего романного творчества этого автора. Так, первые два романа,

«Пространства последнего желания» и «Холм размышлений», по своему стилю напоминают рассказы ал-Ма‘мари: они полны абстрактных размышлений, оформленных как поток сознания, с уклоном в экзистенциализм; сюжет в них как таковой отсутствует. При этом первые два романа, как уже упоминалось, по своему содержанию больше похожи на фрагменты автобиографии, т.к. повествование в них основано на реальных фактах из жизни писателя. В то же время последние два романа, «Шепот мостов» и «Орикс», высоко отмеченные арабской критикой, в большей степени похожи на художественные произведения: в них есть полностью придуманный автором сюжет (хотя элементы автобиографии сохраняются), абстрактные размышления сменяются описанием внешних поступков героев. При этом ал-Ма‘мари сосредоточенно описывает постоянные перемещения персонажей, их посиделки в барах и кафе, постоянные телефонные звонки друг другу и прочую бытовую рутину, что позволяет предположить, что таким образом автор создает своего рода «эстетику обыденности». Таким образом, ал-Ма‘мари как бы превозносит жизнь простых людей, полную реальных желаний, проблем и потребностей. Эта жизнь противопоставлена жизни политиков и государственных деятелей, то всюду ищущих предателей и заговорщиков, несущих угрозу их интересам, то мнящих себя вершителями судеб целых народов.

Список использованных источников и литературы

Источники

На арабском языке:

1. رواية / علي المعمرى. بن سولع. رивайа. (Орикс. Роман). Каир, 2011. 440 с.
2. رواية / علي المعمرى. رابية الخطار. رивайа. (Холм размышлений. Роман). Дамаск, 2014. 286 с.
3. رواية / علي المعمرى. فضاءات الرغبة الأخيرة. رивайа. (Пространства последнего желания. Роман). Дамаск, 2014. 233 с.
4. رواية / علي المعمرى. همس الجسور. رивайа. (Шепот мостов. Роман). Каир, 2007. 246 с.

Научная литература

На русском языке:

5. Пиотровский М. Б. Аййуб // Ислам: энциклопедический словарь/ отв. редактор С. М. Прозоров. М.: Наука, 1999. С. 16-17.
6. Суворов М. Н. Реализм и модернизм в художественной прозе стран Аравии. // Вестник СПбГУ. Сер. 13. 2012. №4. С. 61-68.
7. Суворов М.Н. Специфика просветительского этапа в развитии современной художественной прозы стран Аравии. // Вестник СПбГУ. Сер. 13. 2012. №3. С. 63-71.
8. Торо Г. Д. Уолден, или Жизнь в лесу/ пер. З. Е. Александровой. М.: Наука, 1979. 456 с.

На арабском языке:

9. السيد رشاد. رواية عمانية تراهن على وعى المتلقى: "رابية الخطار".. مغامرة سردية. Рашад. Ривайа 'уманийа турахиноу 'аля ва'и-л-муталакки: рабийат ал-хуттар... мугамара сардийа (Оманский роман делает ставку на сознание читателя: «Холм размышлений».. прозаическая авантюра). Ал-ахрам ал-арабийя. 2003.

10. محمد اليحيائي. المعمرى يتقلت من المرجعيات الأطر السردية رواية الخيبة في "رابية الخطار" /
 Мухаммад ал-Йахйа'и. Ал-Ма'мари йатафаллату мин ал-марджа'ийат ал-
 'утур ас-сардиййа ривайат ал-хайба фи рабийат ал-хуттар (*Ал-Ма'мари
 освобождает от повествовательных рамок роман разочарования в
 «Холме размышлений»*). Ал-Кувейт. 2003. № 246. С. 38-39
11. محمد بن علي بن سعيد الهنائي. توظيف العناصر الفنية في رواية "بن سولع" للكاتب علي المعمرى /
 Мухаммад бин 'Али бин Са'ид ал-Хина'и. Таузиф ал-'анасир ал-
 фанниййа фи ривайат бин сула' ли-л-катиб 'Али ал-Ма'мари
 (*Использование художественных элементов в романе Али ал-Ма'мари
 «Орикс»*)// International E-Journal of Advances in Social Sciences. Vol. VI.
 Issue 17. August 2020. P. 830 – 845.

На английском языке:

- 12.Elbousty J. M. Advanced Arabic Literary Reader: For Students of Modern
 Standard Arabic. New York: Routledge, 2016.
- 13.El-Enany R. Arab representations of the Occident. East-West encounters in
 Arabic Fiction. The Taylor & Francis e-Library, 2006. 256 p.
- 14.Emerson R. W. The complete essays and other writings. New York, The
 Modern Library, Random House, Inc., 1950. 930 p.
- 15.Michalak-Pikulska B. Modern poetry and prose of Oman. 1970–2000. Kraków,
 The Enigma Press, 2002. 440 p.
- 16.Said Edward W. Culture and imperialism. New York, A Division of Random
 House, Inc., 1994. 407 p.
- 17.Said Edward W. Orientalism. Great Britain, Penguin Random House UK,
 2019. 398 p.
- 18.Thoreau H. D. Civil Disobedience. Salt Lake City, Utah, Libertas Institute,
 2014. 70 p.

Электронные ресурсы

На русском языке:

- 19.Алексей Булатов. Уэнделл Берри, защитник аграрных ценностей //

Peoples.ru. URL:
https://www.peoples.ru/art/literature/prose/roman/wendell_berry/ (дата обращения: 12.11.2021).

На арабском языке:

ш-шабаб тутарджиму ‘ададан ми ал-’исдарат ал-’уманиййа (Министерство культуры, спорта и молодежи переводит ряд оманских изданий)// Аш-Шабива. URL: <https://shabiba.com/article/157856--الثقافة-والرياضة-والشباب-تترجم-عددًا-من-الإصدارات-العمانية> (дата обращения: 29.01.2022).

21. أحمد العريمي. علي المعمرى... رحيل فاجع يدمي العمق. / Ахмад ал-’Аримы. ‘Али ал-Ма‘мари... рахиль фаджи ‘йудамми ал-’умк (Али ал-Ма‘мари... мучительный уход, встревоживший до глубины души) // Blogger.com. URL: http://kannnaaaas.blogspot.com/2013/01/blog-post_20.html (дата обращения: 01.02.2022).

باحثة جزائرية تحلل أهم الروايات الخليجية / бахиса джаза’ирийа тухаллилу ‘ахамма-р-ривайат ал-халиджиййа (Алжирская исследовательница анализирует важнейшие романы стран Залива) // Ал-’Араб. URL: <https://alarab.co.uk/?amp;bahtha-jazairiya-tahall-aham-ruwaayat-al-khalijiya> (дата обращения: 24.11.2021).

23. برنامج كتاب أعجيني- رواية "همس الجسور" للأديب العماني علي المعمرى. / Барнамадж китаб ‘а’джабани – ривайат хамс ал-джусур ли-л-’адиб ал-’уманийй ‘Али ал-Ма‘мари (Программа «Книга, которая мне понравилась» - роман оманского писателя Али ал-Ма‘мари «Шепот мостов») // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=WU_JmySU4Lo (дата обращения: 30.01.2022).

24.«

«جمهورية بن سولع / Джумхурийат бин сула‘ (Республика Орикса) // Ал-Ватан. URL: <https://www.al-watan.com/news-details/id/244705/--جمهورية-بن-سولع>

25. حاتم عبدالهادي السيد. المشهد الروائي (21.02.2022) (дата обращения: 21.02.2022) / Хатим ‘Абд ал-Хади ас-Сейид. Ал-Машхад ар-рива’ийй ‘инда ‘Али ал-Ма‘мари

- фи фада'ат ар-рагба ал-'ахира (*Романное пространство Али ал-Ма'мари в «Пространствах последнего желания»*) // Низва. URL: <https://www.nizwa.com/المشهد-الروائي-عند-علي-المعمري-في-فضاء/> (дата обращения: 12.08.2021).
26. Захир ас-Салими. *Захир ас-Салими. القدرية في رواية 'همس الجسور' لعلي المعمري*. Ал-кадарийа фи ривайат хамс ал-джусур ли-'Али ал-Ма'мари (*Фатализм в романе Али ал-Ма'мари «Шепот мостов»*) // Сабалят 'уман. URL: <https://www.s-oman.net/avb/showthread.php?t=519794> (дата обращения: 14.02.2022).
27. Салим Ал Тавийа. *Салим Ал Тавийа. الخُبُّ والوطن.. الكَنزُ والهجرة في رواية "بن سولع" للكاتب علي المعمري*. Ал-хубб ва-л-ватан.. Ал-кадар ва-л-хиджра фи ривайат бен сула' ли-л-катиб 'Али ал-Ма'мари (*Любовь и Родина... Печаль и исход в романе «Орикс» писателя Али аль-Ма'мари*) // Blogger.com. URL: https://altowayyah.blogspot.com/2011/01/blog-post_22.html (дата обращения: 22.02.2022).
28. Шариф Салих. *Шариф Салих. 'Алям ал-Ма'мари ас-сардийй фи китаб 'ан мас'а («Повествовательный мир ал-Ма'мари» в книге от издательства Мас'а)* // Ан-Нахар. URL: <https://annaharkw.com/annahar//Article.aspx?id=442396&date=04112011> (дата обращения: 28.11.2021).
29. Салун ал-кира' *Салун ал-кира' / صالون القراءة يحيي أربعينية الكاتب علي المعمري مساء السبت القادم*. йухаййи 'арба'инийат ал-катиб 'Али ал-Ма'мари маса' ас-сабт ал-кадим (*Читательский салон отмечает сорок дней со дня смерти писателя Али ал-Ма'мари в следующую субботу*) // Ал-кира' нур ва-басира. URL: <http://light-foresight.blogspot.com/2013/02/?m=1> (дата обращения: 26.01.2022).
30. Тарик 'Ашкар. *Тарик 'Ашкар. الروائي علي المعمري وتفكيك المسكوت عنه*. 'Али ал-Ма'мари ва-тафкик ал-маскут 'анху// Ал-Джазира. URL: <https://www.aljazeera.net/news/cultureandart/2013/5/13/-الروائي-علي-المعمري-وتفكيك-المسكوت> (дата обращения: 19.02.2022).

31. عالم علي المعمرى السردى / 'Алям 'Али ал-Ма'мари ас-сардийй (Повестовательный мир Али ал-Ма'мари) // Ал-Васат. URL: <http://www.alwasatnews.com/news/857303.html> (дата обращения: 28.11.2021).
32. عبدالحميد القائد. ذكريات مع الكاتب العماني علي المعمرى. / 'Абд ал-Хамид ал-Ка'ид. Зикрийат ма' ал-катиб ал-'уманийй 'Али ал-Ма'мари (Воспоминания об оманском писателе Али ал-Ма'мари) // Ахбар ал-халидж. URL : <http://www.akhbar-alkhaleej.com/13049/article/61542.html> (дата обращения: 21.03.2021).
33. 'Азза ал-Кимйани. Ривайат хамс ал-джусур / عزة الكمياني. رواية همس الجسور (Роман «Шепот мостов») // Blogger.com. URL: http://mywriting2azza.blogspot.com/2015/02/blog-post_40.html?m=1 (дата обращения: 29.01.2022)
34. Джа'изат катара ли-р-ривайа ал-'арабиййа / جائزة كتارا للرواية العربية // 'Али ал-Ма'мари (Премия «Катара» за арабский роман). URL: <https://www.kataranovels.com/novelist/علي-المعمرى/> (дата обращения: 22.01.2021).
35. 'Али ал-Ма'мари йастами' ли-хамс ал-джусур / علي المعمرى يستمع لـ «همس الجسور» (Али ал-Ма'мари внимает «Шепоту мостов») // Ар-Ра'и. URL: <https://www.alraimedia.com/article/7158/همس-الجسور-علي-المعمرى-يستمع-ل-همس-الجسور> (дата обращения: 03.02.2022).
36. فيصل بن سعيد العلوي. صدور الطبعة الإنجليزية لـ كتاب "نزوى عبر التاريخ" و "ظلال بلون المياه" / لـ فايسال ابن سا'ид ал-'Алави. Судур ат-таб'а ал-'инджилизиййа ли-китаб низва 'ибра ат-та'рих ва-зиляль баллун ал-мийах ли-Захир ал-Гафири ва-хамс ал-джусур ли-'Али ал-Ма'мари (Выход английского издания книг «Низва сквозь историю» и «Тень от баллона с водой» Захира ал-Гафири и «Шепот мостов» Али ал-Ма'мари) // 'Уман. URL: <https://www.omandaily.om/na/الطبعة-الانجليزية-ل-كتاب-نزوى-عبر-التاريخ-و-ظلال-بلون-المياه-ل-فايسال-ابن-سايد-العلي> (дата обращения: 29.01.2022).

бин сула‘ ли-л-катиб ‘Али ал-Ма‘мари (*Роман писателя Али ал-Ма‘мари «Орикс»*) // Диван ал-‘араб. URL: <https://www.diwanalarab.com/رواية-بن-سولع> (дата обращения: 20.02.2022).

44.13 *الحلقة 13 - همس الجسور للروائي العماني / علي المعمرى-الحلقة 13* / Ва-каля ал-кари’ – хамс ал-джусур ли-р-рива’и ал-‘уманийй/‘Али ал-Ма‘мари – ал-халька 13 (*Говорит читатель – «Шепот мостов» оманского романиста/ Али ал-Ма‘мари – 13 выпуск*) // AYN TV. URL: <https://ayn.om/audio/66924/-همس-13-الحلقة-13> (дата обращения: 10.02.2022).

На английском языке:

45. Aaron K. DiFranco. Berry, Wendell // Oxford Research Encyclopedias. URL: <https://oxfordre.com/view/10.1093/acrefore/9780190201098.001.0001/acrefore-9780190201098-e-462> (дата обращения: 12.11.2021).

46. Andrew Marr. Farmer, activist, economist, seer: why Wendell Berry is the modern-day Thoreau // The New Statesman. URL: <https://www.newstatesman.com/culture/2017/01/farmer-activist-economist-seer-why-wendell-berry-modern-day-thoreau> (дата обращения: 12.11.2021).

47. As'ad AbuKhalil. Spielberg on Munich: the humanization of Israeli killers, and the dehumanization of Palestinian civilians. Or the Celebration of the Israeli Killing Machine. And who is retaliating against whom in the Arab-Israeli conflict? THIS is the question // The Angry Arab News Service. URL: <http://angryarab.blogspot.com/2005/12/spielberg-on-munich-humanization-of.html> (дата обращения: 24.01.2022).

48. Dwight Garner. In Wendell Berry's Essays, a Little Earnestness Goes a Long Way // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2019/05/20/books/review-wendell-berry-essays-library-america.html> (дата обращения, 12.11.2021).

49. Sarah Leonard. Nature as an Ally: An Interview with Wendell Berry // Our World. URL: <https://ourworld.unu.edu/en/nature-as-an-ally-an-interview-with-wendell-berry> (дата обращения: 12.11.2021).

50. The Peace Of Wild Things // Encyclopedia.com. URL:

<https://www.encyclopedia.com/arts/educational-magazines/peace-wild-things>
(дата обращения: 12.11.2021).